

ОГОНЁК

№ 11 МАРТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ!

ПРОДОЛЖАЕМ ПЕЧАТАТЬ РОМАН АНАТОЛИЯ КАЛИНИНА
«ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА»

НАД КУПОЛОМ АНТАРКТИДЫ

Владимир Солоухин. СВИДАНИЕ В ВЯЗНИКАХ

НЕОБЫЧАЙНАЯ РОЛЬ ИГОРЯ ИЛЬИНСКОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (1812)

11 МАРТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5 марта 1962 года. Москва, Большой Кремлевский Дворец. Н. С. Хрущев открывает Пленум Центрального Комитета КПСС.

ДЕЛО ПАРТИИ — ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА

Мы и в прошлом подчеркивали, что подъем сельского хозяйства является всенародным делом. Но теперь, когда разработан перспективный план, когда предстоит достигнуть небывалых высот в развитии сельского хозяйства, партия снова обращается ко всему народу с призывом взять эти высоты, взять их всей мощью советского строя.

Н. С. ХРУЩЕВ.

В зале заседаний.

Фото А. УСТИНОВА и А. ЛЯПИНА.

Тридцать два года — таков стаж педагогической работы Любови Викторовны Васильевой. С 1942 года она преподает в школе села Кутузово, Московской области, завоевала любовь и уважение местных колхозников. Трудящиеся Подольского района выдвинули Любовь Викторовну Васильеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. На снимке: Л. В. Васильева среди учеников на школьном утреннике.

Фото Галины Санько.

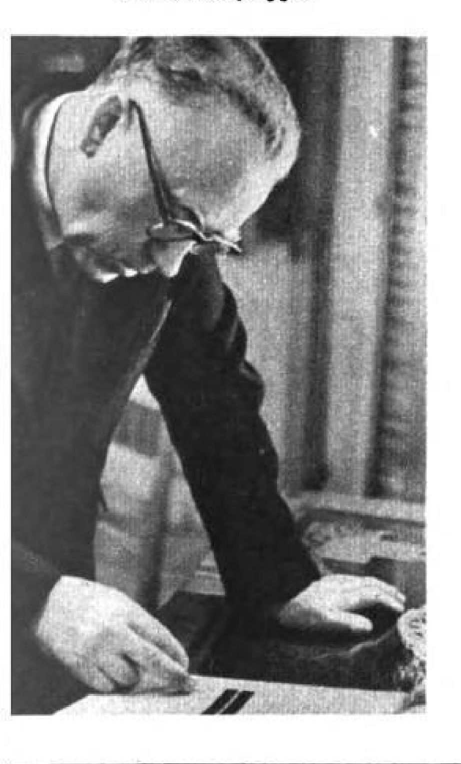

ДЕЛО ПАРТИИ — ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА

В. М. Кавун.

Пятого марта в Большом Кремлевском Дворце открылся Пленум Центрального Комитета КПСС. После доклада товарища Н. С. Хрущева «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством» корреспондент «Огонька» обратился к ряду участников Пленума с просьбой поделиться впечатлениями, мыслями, планами.

М. Е. Мацепуро.

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

В. М. КАВУН,
председатель колхоза имени XXII съезда КПСС

Я сидел на Пленуме, слушал доклад товарища Н. С. Хрущева, и думы были об одном — о людях. Перед отъездом в Москву в нашей Шляховой произошло событие, всколыхнувшее всех колхозников. Группу наших товарищей за рациональное использование земли, получение высоких и устойчивых урожаев на больших площадях, увеличение производства продуктов животноводства наградили орденами и медалями. Казалось, радоваться бы, а собрались вместе — и речь сразу же пошла о том, что пока еще не все бригады достигли такого урожая, как 39,3 центнера зерна с гектара. Значит, даже в одном колхозе по-разному трудятся. И тут сразу же было высказано много соображений. В частности, я лично считаю, что любовь к земле надо прививать детям со школьной скамьи. Тогда у нас специалисты будут настоящие. Земля не терпит начетчиков,— вспомните хотя бы травопольщиков. Ведь в конце-то концов все убедились, что их «теории», кроме вреда, ничего людям не приносят. У нас, в Шляховой, создана школа председателей колхозов. С первого дня предупредил товарищей: постараемся разрешить такие вопросы, с которыми каждому из них придется столкнуться в жизни. Вряд ли, сказал я им, вы сразу попадете в образцовые хозяйства, готовить надо себя к худшему. И тут нарисовал им для примера такую печальную картину: приезжают в некий колхоз, а там запустение, пьянство, лодырничество. Это не фантастическая история. И вот стали подробно решать эту «тактическую задачу»: с чего начать в таком хозяйстве? Мне думается, что нашему земледелию приносит большой вред отрыв специалистов от реальной жизни. Я бы, например, предложил такой метод применить и в сельскохозяйственных институтах. На год отправлял бы студентов третьего или четвертого курса в самые отстающие колхозы, пусть узнают, почем фунт лиха, научатся преодолевать серьезные препятствия, это быстро вылечит и от начетничества и от прочей хвори.

Еще хочется поделиться другой мыслью, возникшей на Пленуме. Подумал, кому легче всего живется на колхозной земле — передовому колхозу, среднему или отстающему? И пришел к заключению: легче всего «середняку». А почему? Его и не хвалят, как передового, и не бранят, как отстающего. Ведь и критика и хвала обязывают действовать, а «середняк» может спокойно жить в свое удовольствие. А кому, спросите вы, труднее всего? Конечно, передовому. С кем бы беда ни случилась, первым долгом идут к передовику: выручай! А ведь там такие же люди, они самостоятельно трудятся, а воспользоваться плодами труда им не дают. С этим пора кончать.

ЗАБОТА О НОВОЙ ТЕХНИКЕ

М. Е. МАЦЕПУРО,
директор Центрального научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства нечерноземной зоны СССР

Мы заботимся о новой сельскохозяйственной технике для земель Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, для Смоленской, Брянской, Новгородской, Горьковской, Ярославской областей. Было время,

---

НАШИ КАНДИДАТЫ

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР, дважды Герой Социалистического Труда, виднейший советский ученый, академик М. В. Келдыш выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Недавно Мстислав Всеволодович встречался с избирателями Ломоносовского округа столицы.

Фото Галины Санько.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мы встретились с ним на заводской аллее. Он улыбался с большого портрета, а подпись гласила, что депутат Верховного Совета СССР, бригадир коллектива коммунистического труда зуборез А. И. Храмцов за три года выполнил пять годовых норм и заканчивает свою семилетку.

Александр Иванович — государственный человек. Эти слова я слышал от многих рабочих, инженеров, домохозяек.

...По шоссе, идущему от Уралмашзавода в центр города, протянулась цепь столбов: строится троллейбусная линия. Это результат депутатской деятельности Александра Храмцова.

Построена бетонированная дорога из Свердловска в город Березовский. И к этому приложил свою руку депутат Храмцов.

Многодетная семья рабочего турбомоторного завода Седова благодаря вмешательству депутата получила новую квартиру, а уходящему на пенсию Ермакову прислали наконец затерявшиеся в архиве Спасска документы, подтверждающие трудовой стаж.

Много добрых дел совершил Александр Иванович для своих избирателей. И когда на предвыборном собрании вновь прозвучала фамилия Храмцова, зал одобрительно загудел:

— Хороший он человек. Оправдал доверие! Пусть снова будет нашим депутатом.

С 1939 года работает А. И. Храмцов зуборезом на Уралмашзаводе. Здесь он стал бригадиром, окончил вечерний машиностроительный техникум, вступил в Коммунистическую партию.

И теперь люди уважительно говорят о нем: наш депутат.

А. ГРИГОРЬЕВ
Фото В. Назарова.

Участники Пленума ЦК КПСС. Слева направо: Г. Е. Буркацкая, Т. Д. Лысенко, Е. А. Долинюк, В. И. Гаганова.

Аташ Кульмедов.

Фото А. УСТИНОВА и А. ЛЯПИНА.

когда машины создавались без учета природных особенностей, теперь никто не позволит игнорировать кровные интересы народа. Например, в нечерноземной зоне много осадков, хлеб влажен. Ясно, что нужны уборочные машины особого типа. Сейчас речь идет не о создании отдельных машин, а о системе, позволяющей осуществлять комплексную механизацию.

Каждый из нас понимает, что нельзя переходить на более интенсивное использование земель без дальнейшего значительного оснащения тракторами, комбайнами и другими машинами, без химизации полевых работ.

Обо всем этом думаешь на Пленуме. Дома нас всех ждет работа, которая поможет решить важнейшие государственные, общенародные проблемы, поднятые в докладе товарища Н. С. Хрущева.

ГАГАНОВЫ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

Е. А. ДОЛИНЮК,
звеньевая колхоза имени XXII съезда КПСС

В каждом слове Никиты Сергеевича — мысли наших колхозников, нашего народа. О чем бы ни говорил он: о машинах, о мясе, молоке,— все захватывает. Трудиться, трудиться и трудиться!

Хочу поделиться новыми настроениями сельских тружениц. На Пленуме разговорились мы с Валентиной Гагановой. Поглядела на нее: молодая, красивая женщина, хорошо знает свое дело. Что же побудило ее оставить хорошую, почетную бригаду и уйти к отстающим? А вот ушла. И, как известно, не прогадала. Говорю — не прогадала, имея в виду не ее одну, а и всех ее подруг, товарищей, государство. А почему? Не пожелала Гаганова довольствоваться собственным благополучием. Нервничала, когда видела, что у других не ладится, не хотела равнодушно проходить мимо. А спросите: у нас в колхозах разве не так бывает? Возьмите наше звено. Да, мы даем большие урожаи. Нас называют маяком, но ведь рядом с нами есть много неблагополучных звеньев. Можем ли мы проходить мимо них? Нет, не можем, значит, и нам нужны свои колхозные гагановы. Перед отъездом в Москву собрались мы звеном и постановили оказать действенную помощь остальным.

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ

Г. Е. БУРКАЦКАЯ,
председатель колхоза «Советская Украина»

Скажу кратко. По-моему, главное, о чем говорит нам Пленум: пора всем взяться за работу. Хватит, больше терпеть нельзя такое положение, когда одни работают, а другие тихонечко поедают плоды чужого труда. Земля у всех есть. И все обязаны добывать на ней для страны и мясо, и хлеб, и молоко. А получается так: одни свой долг выполняют, а другие объявляют свою землю «неспособной». Мы, сельские люди, хорошо знаем, что «неспособной земли» нет в природе, а есть неспособные руководители, нерадивые работники, они-то и пытаются все свои грехи свалить на землю. Нет, больше прощать нельзя! И еще одно: некоторые думают, дам один раз мясо, хлеб, молоко, а там и отдохну. Нет, показных «мероприятий» не требуется. Выполнил свои обязательства нынче — и сразу же прими меры к тому, чтобы и в будущем году дать стране продукты. Иначе нельзя.

ТУРКМЕНСКАЯ ЦЕЛИНА

Аташ КУЛЬМЕДОВ,
инженер-гидролог

Сейчас у нас в Средней Азии идет освоение земель, которые долгое время считались негодными, бросовыми. Дело в том, что там сохранились древние оросительные каналы. Они высохли, и это послужило поводом отказаться от использования огромных богатств. Сейчас мы, ирригаторы, заняты строительством канала, который вдохнет жизнь в эту почву. Страна получит дополнительно сотни тысяч тонн хлопка, значит, у нашего народа будет больше прочной и красивой одежды.

Слушая доклад товарища Н. С. Хрущева, я подумал, что ведь мы, ирригаторы, не всегда активно боремся за новое. Пришло время нам, специалистам, более настойчиво вторгаться в жизнь.

УЧЕНЫЙ

Мы позвонили директору Института физиологии.

— Владимира Николаевича в кабинете нет, он в лаборатории,— ответили нам.

В институте уже давно привыкли видеть своего руководителя в лабораториях чаще, чем в кабинете. А если Черниговского нет и там, ищите его в клиниках. В. Н. Черниговский непрестанно экспериментирует. Каждый научный труд физиолога — а их у него сто пятьдесят — проникнут заботой: избавить людей от тяжких недугов.

У входа в лабораторию общей физиологии щиток: «Ведутся опыты». Там экспериментирует ученый, чье имя известно далеко за пределами нашей страны. Владимир Николаевич ставит новые опыты о влиянии интероцепторов на центральную нервную систему. Неискушенному человеку слово интероцепторы ничего не скажет. Однако врачам хорошо известно, насколько важны исследования Черниговского для лечения многих болезней.

Интероцепторы — это чувствительные нервные окончания внутренних органов, тканей и их сосудов.

Советские ученые, развивая учение Павлова, доказали возможность выработки условных рефлексов при раздражении внутренних органов. Академик Черниговский своими многолетними исследованиями убедительно подтвердил существование во внутренних органах животных и человека чувствительных окончаний, воспринимающих малейшие изменения в состоянии организма.

Свои тридцатилетние наблюдения и исследования Владимир Николаевич обобщил в монографии «Интероцепторы». Эта фундаментальная работа выдвинута на соискание Ленинской премии.

Велика почта советского физиолога. В эти дни она пополнилась новыми корреспондентами. Ему пишут ленинградцы, жители Васильевского острова, которые назвали В. Н. Черниговского своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Б. Уткина.

ТРИ БРАТА, ТРИ ГОРНЯКА

Три брата работают на одной шахте, Донецкой № 17-17 бис,— Иван, Михаил и Григорий Замура. Иван Лазаревич — бригадир коллектива коммунистического труда, скоростной бригады проходчиков. Михаил и Григорий — проходчики, мастера на все руки. Добрую славу заслужила бригада. В декабре прошлого года горняки поставили рекорд: прошли 344 погонных метра, превысив план на целых 144 метра. Добро потрудились проходчики и в феврале.

Братьев Замура ценят в Донецке. А Иван Лазаревич известен и за пределами родного края: он депутат Верховного Совета СССР. И теперь, когда истек срок его полномочий, земляки снова выдвинули Ивана Замуру кандидатом в депутаты советского парламента.

На снимке: Братья Замура — Михаил, Григорий и Иван.

Фото Е. Комма.

У них на ферме и в зимнее время высокий удой. На снимке (справа налево): доярки Мария Стрекозина, Анна Федорова, Мария Лукашова и Мария Демидова.

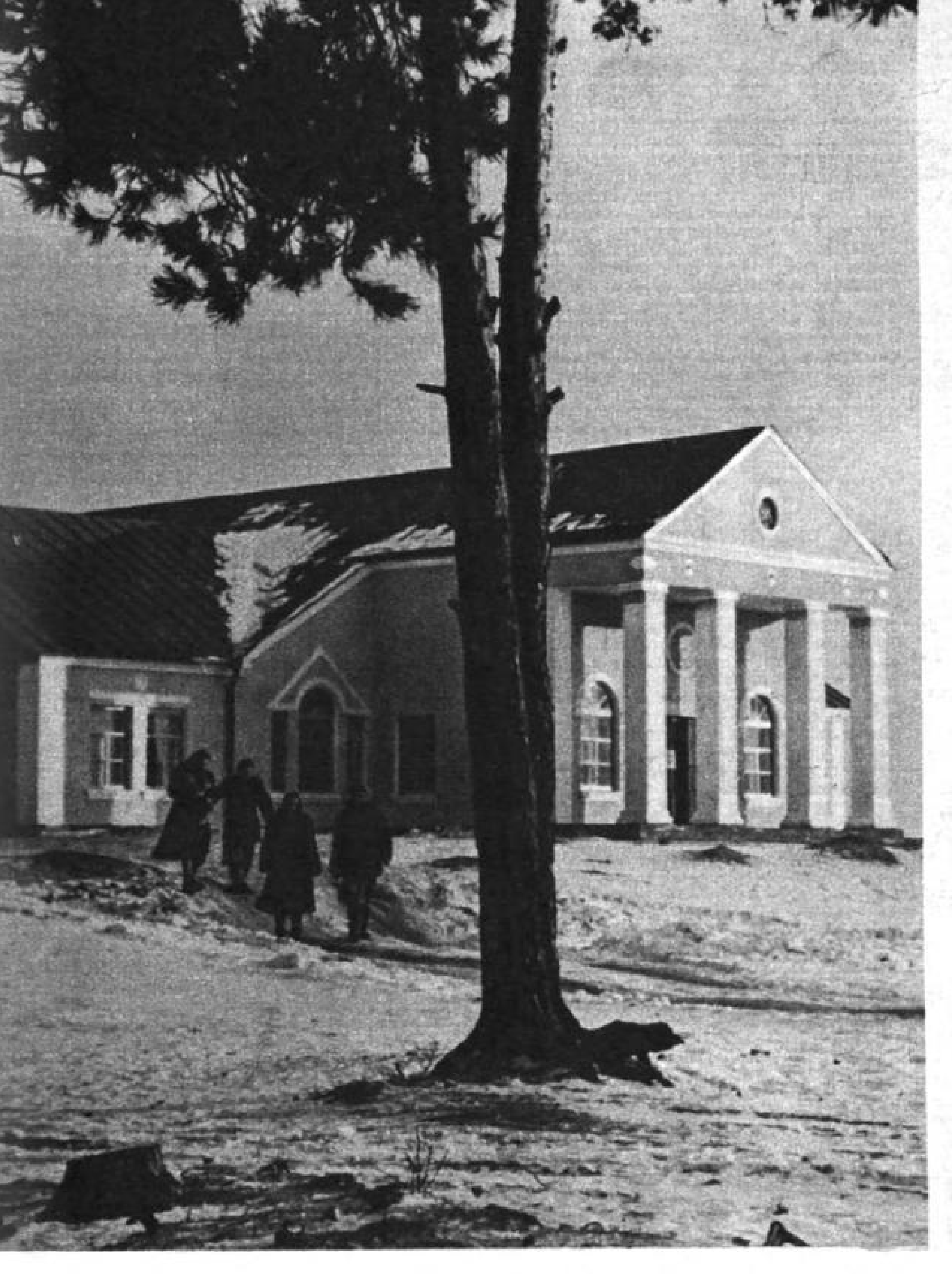
В е с н а

Штаб колхоза в канун весны. В центре — председатель Г. Н. Прудников.

Сойдет снег — и хлопот у Г. Н. Прудникова и А. В. Швец будет еще больше.

Гордость колхоза — новый Дом культуры.

М. САВИН

Фото автора.

На юге уже идут полевые работы, а калужская земля еще сплошь — белое безмолвие, под ногами по-зимнему скрипит снег. Но санный след уже подточен мартовским солнцем. Скоро весна. Первые дожди, первая борозда, первая трава.

Мартовский день полон хлопот. С утра председатель колхоза «Первое мая», Калужской области, Г. Н. Прудников и бригадир А. В. Швец спешат в поле. О чем говорят они, о чем думают в эти предвесенние дни? Может, Григорий Николаевич рассказывает о XXII съезде партии, делегатом которого был? Или Александра Васильевна предлагает отвести под какую-то выгодную культуру десяток-другой лишних гектаров?..

Года три назад в колхозе отказались от травополья, перешли на пропашную систему. Кукуруза, сахарная свекла, бобовые дают хозяйству возможность покончить с нехваткой кормов. За эти годы производство мяса и молока выросло почти втрое. Разумно, по-хозяйски используя землю, колхоз получил в минувшем году 650 тысяч рублей дохода.

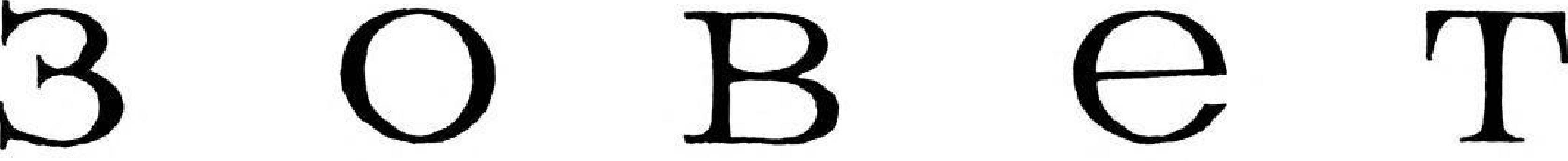
Выступая на зональном совещании работников сельского хозяйства в Москве, Никита Сергеевич Хрущев высоко оценил опыт колхоза «Первое мая».

Колхозники артели «Первое мая» уже два года пользуются оплачиваемыми отпусками, престарелые получают пенсии. Колхоз берет на себя расходы по временной нетрудоспособности, женщины, ожидающие детей, получают средний заработок. Членам артели, нуждающимся в лечении, правление выдает путевки в санатории и дома отдыха.

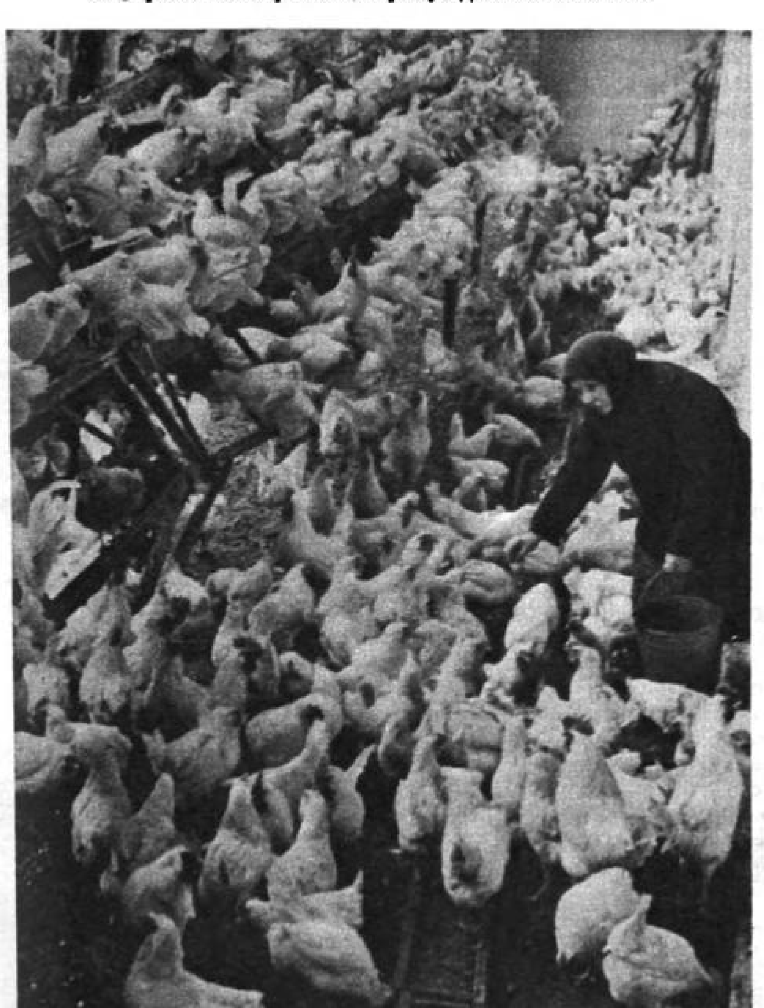
Построен новый Дом культуры, колхозные артисты получили уютные комнаты для кружковой работы и хорошо оборудованную сцену. Есть здесь и библиотека и телевизор.

Григорий Николаевич Прудников с гордостью рассказывает о новом в жизни села Корекозево. Еще более воодушевляется он, когда речь заходит о близком будущем:

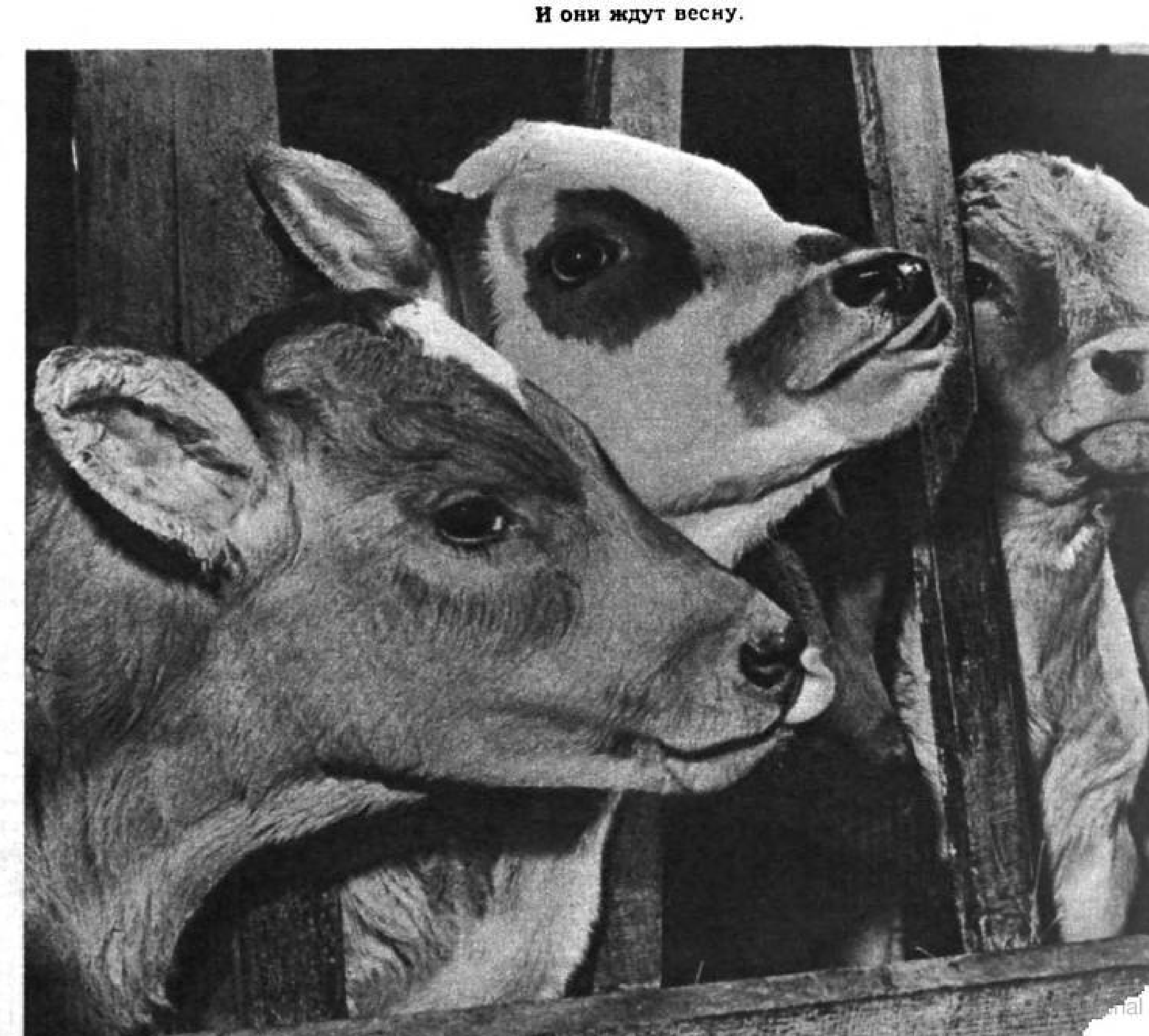
— Мы возлагаем большие надежды на наступающую весну. Она позволит нам увеличить производство продуктов в полтора раза, артельный доход вырастет до одного миллиона рублей.

Все раньше и раньше пробуждается птичник.

И они ждут весну.

Международная весенняя ярмарка 1962 года в Лейпциге. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и заместитель Председателя Совета Министров ГДР Б. Лейшнер обмениваются рукопожатием после подписания Протокола о взаимных поставках товаров СССР и ГДР на 1962 год и Соглашения о товарном кредите, предоставленном Советским Союзом ГДР в 1962 году в сумме 280 миллионов рублей на льготных условиях.

Фото Центральбильд — ТАСС (принято по фототелеграфу).

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ

Г. ГУРКОВ

И снова взвились флаги над Лейпцигом. Снова старинный саксонский город на десять дней стал торговой Меккой мира. Поезда и самолеты доставили в Лейпциг тысячи гостей из разных уголков земли. У многих — обширный багаж, занимающий порой целые железнодорожные составы. Свыше миллиона экспонатов размещено в залах и павильонах традиционной ярмарки. «Сделано в ГДР», «...в Великобритании», «...в Италии», «...в Польше», «...в Норвегии», «...в СССР». Станки-автоматы и ткани фантастических расцветок, могучие грузовики и тончайший фарфор, элегантная мебель и душистый табак.

Мы позвонили в Лейпциг и попросили к телефону директора ярмарки Рольфа Лемзера.

— Товарищ Лемзер, что вы можете сказать о призывах Бонна бойкотировать Лейпцигскую ярмарку?

— Попытки боннских ультра сорвать ярмарку скандально провалились. Об этом говорит возросшее число участников из стран Азии, Латинской Америки, Африки. Об этом говорит и тот факт, что Великобритания, Франция, Швеция и многие другие страны Западной Европы увеличили площадь под своими выставками. Правда, Аденауэру и его подручным удалось добиться отказа от участия в ярмарке некоторых западногерманских и западноберлинских фирм. Но на освободившиеся стенды тотчас же поступили заявки. Всего в ярмарке принимают участие более девяти тысяч экспонентов из пятидесяти восьми стран. С особой радостью мы отмечаем приезд на Лейпцигскую ярмарку выдающихся государственных деятелей братских государств — товарищей А. И. Микояна, Ю. Циранкевича, О. Шимунека.

— Как вы оцениваете советскую выставку этого года?

— Она великолепна! И когда знакомишься со сложнейшими станками и приборами, с отличной оптикой и высокого класса радиоаппаратурой, невольно думаешь о том, какой гигантский путь пройден Советской страной. Этот путь можно проследить хотя бы на экспонатах, выставлявшихся в Лейпциге. Сорок лет назад это были только пушнина да некоторые виды сырья. А теперь...

Да, сорок лет назад, в 1922 году, Советский Союз впервые прислал свои товары в Лейпциг. Фотография сохранила для нас скромный вид тогдашней выставки, проходившей под лозунгом «Кооперация не знает пограничных столбов». Невелики были обороты молодых советских внешнеторговых организаций в Лейпциге, но и они имели значение в прорыве экономической блокады первого в истории рабоче-крестьянского государства.

А в следующем, 1923 году, на Лейпцигской ярмарке произошло любопытное событие. Владимир Маяковский рассказал о нем в газете «Трудовая копейка». «Наша пушнина, — писал он, — пришла на Лейпцигскую ярмарку в забастовку транспортников. Т.т. Каминский и Кушнер (советские представители. — Г. Г.) обратились в стачечный комитет, и сам комитет пошел с ними разгружать вагоны советских товаров».

Страшны ли
рабочим
при этакой спайке
буржуевы
белые
своры и стайки?!

Так писал Маяковский в стихотворении «Солидарность», посвященном этому случаю.

Самые широкие деловые круги Запада усвоили теперь ту истину, что от политики экономической блокады стран социализма ущерб терпят только организаторы этой блокады. Вот почему буквально весь земной шар представлен на Лейпцигских ярмарках. «Лейпциг стал важнейшим местом дружественных и деловых встреч представителей Запада и Востока», — говорил Н. С. Хрущев, посетивший весеннюю Лейпцигскую ярмарку 1959 года.

...Вьются флаги над Лейпцигом. И яркое мартовское солнце и веселые группы ребятишек, пускающих кораблики в лужах, говорят о наступающей весне. А разноязыкий гул в павильонах ярмарки, встречи и беседы деловых людей — это тоже весенние приметы. Приметы весны политической, приметы того времени, когда доброе сотрудничество государств с различными социальными системами станет нормой отношений в мире.

На эту весну работает Лейпциг.

ПЕРЕСМОТРИТЕ СВО ГОСПОДИН ПР

Александр КОРНЕЙЧУК,

писатель, член Президиума Всемирного Совета Мира

Президент США господин Кеннеди второго марта выступил перед американским народом по телевидению и радио с речью, которую закончил: «Спасибо и спокойной ночи!»

Мне кажется, что эта ночь была очень неспокойной и тяжелой для всех американцев, которым дорог мир, и не только им, но и всем людям доброй воли. Она была спокойной и радостной для американских монополий, которые наживаются на безудержной гонке термоядерных вооружений.

Я много читал речей господина Кеннеди, и мне казалось, что он обладает даром слова, но эта речь и по форме и по содержанию предельно запутанная. Как нельзя солнце закрыть ладонью, так нельзя скрыть правду словесной шелухой. А правда такова: президент Кеннеди только вошел в Белый дом, как сразу увеличил и без того невиданные в мирное время ассигнования на гонку вооружений, и каждый его новый шаг был направлен не на смягчение международного климата, а на обострение международной обстановки.

Неужели господин президент и его советники верят, что народы мира не научились оценивать действия государственных деятелей не по их словам, а по их делам? Ведь сам господин Кеннеди в своей речи говорит: «Я хочу поделиться с вами и со всем миром... всеми фактами и мыслями, которые повлияли на принятое мною решение.

Многие из этих фактов трудно объяснить в простых выражениях, многие трудно признать в условиях мира во всем мире»...

Да, господин президент, их нельзя объяснить и нельзя признать в условиях мира во всем мире, ваши решения начать большую серию испытаний термоядерного оружия в атмосфере, поэтому вам пришлось прибегнуть к старому, потерпевшему крах даллесовскому методу, к его политике обвинения во всех грехах Советского Союза, к запугиванию своего народа, чтобы легче было выколачивать новые налоги и взвинчивать гонку вооружений.

Вы же сами говорите в своей речи, господин президент, что «испытания, проведенные прошлой осенью, сами по себе не дали Советскому Союзу превосходства в ядерной мощи». Так зачем же вы решили начать испытания в атмосфере, после большой серии испытаний этого оружия под землей, которые вы и ваши союзники проводили? Где же логика в ваших словах?

Все ваши путаные объяснения служат одному: отвлечь внимание мировой общественности, о которой вы с пренебрежением говорите: «все же в других странах по-прежнему найдутся люди, которые будут настаивать, чтобы мы воздержались от испытаний».

Да, господин президент, найдутся. И не группы людей, а народы всего мира. Они не только осудят ваше решение об испытаниях, но и ваш новый ультиматум Советской стране, состоящий в том, что если мы не примем ваш план шпионских инспекций на нашей земле, то вы будете до бесконечности наращивать и испытывать термоядерное оружие.

От имени советской общественности я заявляю вам, господин президент, что никогда советские люди не согласятся на ваши унизительные требования. Вы уже один раз позволили себе угрожать Советскому Союзу войной только за то, что наше правительство предложило мирный договор с Германией, и этим вы оскорбили каждую советскую семью и память погибших сынов и дочерей моей Родины, которые вместе с американскими солдатами сложили свои головы в борьбе против фашизма.

Вы прекрасно знаете, что наш народ вынес в прошлой войне. Его жертвы неисчислимы. Мы боролись за свою честь и за честь народов мира. Вашей речи будут аплодировать только торговцы оружием, недобитые нацистские генералы и новые фашистские фюреры, которые растут, как грибы, в вашей стране, и некото-

ОРБИТА МИРА И ДРУЖБЫ

Николай ДЕНИСОВ

Фото автора.

Юрий Гагарин был избран почетным вождем племени кпелле.

На днях кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Юрий Гагарин, встречаясь со своими избирателями в родном краю — на Смоленщине, рассказал о том, что впервые он узнал о выдвижении его кандидатуры для выборов в наш народный парламент, находясь на берегах голубого Нила. Целая делегация арабских журналистов, подойдя к Юрию Гагарину у знаменитой пирамиды Хеопса, горячо поздравила его с этим событием.

— В нашей стране,— ответил им советский космонавт,— каждый депутат верховного органа власти считает себя прежде всего слугой народа. Доверие, оказанное мне трудящимися тех мест, где в колхозном селе прошло мое детство, очень волнует. Все силы, знания и опыт я отдам тому, чтобы оправдать это доверие и вместе со всеми советскими людьми еще упорнее, еще настойчивее отстаивать дело мира...

Именно так, как посланца мира, встречали Юрия Гагарина в этой новой зарубежной поездке народы Объединенной Арабской Республики, Ганы, Либерии, Ливии, Греции и молодой Республики Кипр.

Искреннее гостеприимство, глубокое уважение к достижениям советской науки и техники проявили жители Каира, Александрии, Луксора и других египетских городов. В героическом Порт-Саиде Юрию Гагарину вручили горсть земли, политой кровью патриотов, пять лет назад мужественно отразивших нападение англо-франко-израильских агрессоров. Летчики военного колледжа в Бильбейсе крыльями своих самолетов вписали в голубое небо Египта инициалы советского космонавта. Строители величайшего сооружения Африки — Асуанской высотной плотины — показали герою работы, развернувшиеся на скалистых землях Нубийской пустыни. Чествуя советскую космонавтику, Египет — страна древней культуры — назвал Юрия Гагарина кавалером ордена «Ожерелье Нила».

В негритянские деревни Либерии весть о приезде советского космонавта передавалась сигналами тамтама — барабана, обтянутого крокодиловой кожей. По этому сигналу рудокопы и сборщики каучука украшали свои жилища пальмовыми ветвями, встречали гостя национальными песнями и плясками. Племя кпелле избрало Юрия Гагарина — «человека, выше всех поднявшегося в небо»,— своим почетным вождем, вручило ему соответствующие регалии — копье и мантию вождя. Правительство Либерии в знак заслуг советских космонавтов в освоении просторов вселенной наградило Юрия Гагарина Большой лентой африканской звезды.

Сердечно приветствовали советского космонавта десятки тысяч афинян. Греция — родина мифологического Икара — назвала Юрия Гагарина Икаром космоса, осыпала его цветами. «Филия — Ирини — Россия!» — «Мир—Дружба — Советский Союз!» — далеко окрест неслись возгласы тысяч и тысяч жителей греческой столицы, собравшихся на седых скалах легендарного Акрополя. С вершины был виден остров Эгина, где в тюремной камере томятся Глезос и его товарищи по борьбе за свободу и независимость своей родины. А днем позже жена Манолиса Глезоса, Тассия, вручила Юрию Гагарину искусно выполненные ее мужем подарки — модель шхуны и шкатулку из оливкового дерева.

Чья-то рука передала на борт нашего самолета тщательно сложенный листок бумаги. На нем Манолисом Глезосом были написаны приветственные слова Юрию Гагарину. Пусть советские люди, говорилось в этом послании, прокладывают новые и новые пути к звездам во имя прогресса, во имя мира и счастья всех народов нашей планеты.

Горячий прием, оказанный Гагарину в Республике Кипр, напоминал чем-то восторженность пламенных кубинцев, радушие свободолюбивых сингальцев и тамиллов пышнозеленого Цейлона.

«Орбитой мира и дружбы» называют поездки советских космонавтов — Юрия Гагарина и Германа Титова. Она пролегла по многим странам Европы, Азии и западного полушария. Полет в Африку и Средиземноморье продлил ее еще на 20 тысяч километров, дал возможность миллионам людей выразить свои искренние чувства дружелюбия к Советскому Союзу — непоколебимому борцу за прогресс, за мир во всем мире.

Е РЕШЕНИЕ, ЕЗИДЕНТ!

рых других странах НАТО, а все честные люди, независимо от их политических убеждений, все, кому дорог мир во всем мире, объединят еще больше свои усилия в борьбе против термоядерной войны, за всеобщее полное и контролируемое разоружение.

Я бы очень хотел, чтобы вы поняли, господин президент, что нельзя до бесконечности испытывать волю великого советского народа и его правительства, которые честно желают установить дружеские отношения с великим американским народом и его правительством.

Пора во имя счастья наших народов отбросить иллюзии, будто можно угрозами навязать нам свою волю. Пора отбросить ложную мечту, что вы можете получить какие-то преимущества в термоядерном оружии.

Я хочу вам напомнить слова главы нашего правительства товарища Хрущева: как змея рождает только змею, так гонка вооружений рождает только войну.

Мы не хотим войны, вот почему наше терпение неистощимо в борьбе за мир, за разоружение, и к этому мы призываем США. Все народы ждут, что вы пересмотрите свое решение, которое может вызвать непостижимые сегодня новые осложнения, губительные для дела мира, и тогда ваши слова «спокойной ночи» обретут свой смысл, господин президент.

Позиция западных кругов...

Рис. Ю. Кершина.

ЖИЗНЬ—ПОДВИГ

Умер на семьдесят девятом году жизни выдающийся американский писатель, трибун и публицист, участник Великой Октябрьской социалистической революции Альберт Рис Вильямс. Когда интервенты напали на молодую Советскую страну, американский писатель вступил в ряды Красной Армии. По совету Ленина он начал формировать из иностранцев, находившихся в Петрограде и Москве, Интернациональный легион для защиты Страны Советов. Затем Вильямс, снова напутствуемый Лениным, отправился в США, чтобы поведать американскому народу правду о событиях в России. Только в 1919 году Вильямс сотни раз выступал на рабочих митингах, выпускал воззвания в защиту Советской России, написал книги о Ленине и большевиках. Слушая и читая Вильямса, американские рабочие стали выступать за формирование своих отрядов для Красной Армии России.

В последний свой приезд в Москву, в 1959 году, Вильямс, счастливый и радостный, заходил в дома москвичей, беседовал в скверах с детьми и пенсионерами, разговаривал с любителями голубей...

Из-за океанского далека Вильямс приветствовал новую Программу КПСС: «Она динамична, она волнует и вселяет бодрость,.. она вызывает желание пожить еще немного. Жить этой «весной человечества» и видеть новые успехи революции в осуществлении вековой мечты человечества — завоевание человеком космоса и полет на Луну, к планетам и звездам».

Имя Альберта Риса Вильямса навеки сохранится в памяти советского и американского народов.

П. ЧУМАК

Это одна из последних фотографий Альберта Риса Вильямса. 1961 год. США. Публикуется впервые.

Габит Мусрепов. К 60-летию со дня рождения.

НАШ ЗЕРГЕР

Творчество крупнейшего мастера казахской литературы Габита Мусрепова очень многогранно. Он пришел в литературу 35 лет назад с повестью «В пучине» — о гражданской войне в Казахстане. Теперь без Мусрепова невозможно представить казахскую литературу.

Секрет успеха писателя объясняется не только его самобытным дарованием, но прежде всего тем, что он шел в ногу со своим временем, черпал вдохновение в гуще народной жизни. Он последовательно отобразил те перемены, которые совершились в сознании степняков с приходом Советской власти в казахский аул. Повести и рассказы «Кос Шалкар», «Соседи из синего дома», «Непрерывный рост», «Тупорылая» — художественная летопись жизни казахского народа. Романы Мусрепова «Солдат из Казахстана», повествующий о подвигах советских людей в Великой Отечественной войне, «Пробужденный край», воспроизводящий далекие годы формирования рабочего класса в Казахстане, свидетельствуют о зрелости таланта писателя.

Нельзя также представить себе казахскую драматургию без пьес Мусрепова, на протяжении десятилетий не сходящих со сцены. Острота конфликтов, цельность характеров, глубина страстей, поэтический, полный юмора язык — вот что характерно для драматургических произведений писателя.

Габит Мусрепов — секретарь Правления Союза писателей СССР, первый секретарь Правления Союза писателей Казахстана, действительный член Академии наук Казахской ССР. Габит Махмудович — хороший товарищ, наставник творческой молодежи.

Знатоки сравнивают Габита с казахским зергером — мастером ювелирных изделий: так безупречна работа писателя! Мне известно, например, что отдельные главы «Пробужденного края» автор переписывал пять раз.

Язык подобен хорошо настроенному инструменту, на котором можно недурно сыграть что-нибудь известное, но на котором можно и творить свое, оригинальное. Габит Мусрепов не играет, а именно творит. Вот почему я называю его мастером слова.

Такен АЛИМКУЛОВ

БЕССМЕРТНОЕ ИСКУССТВО

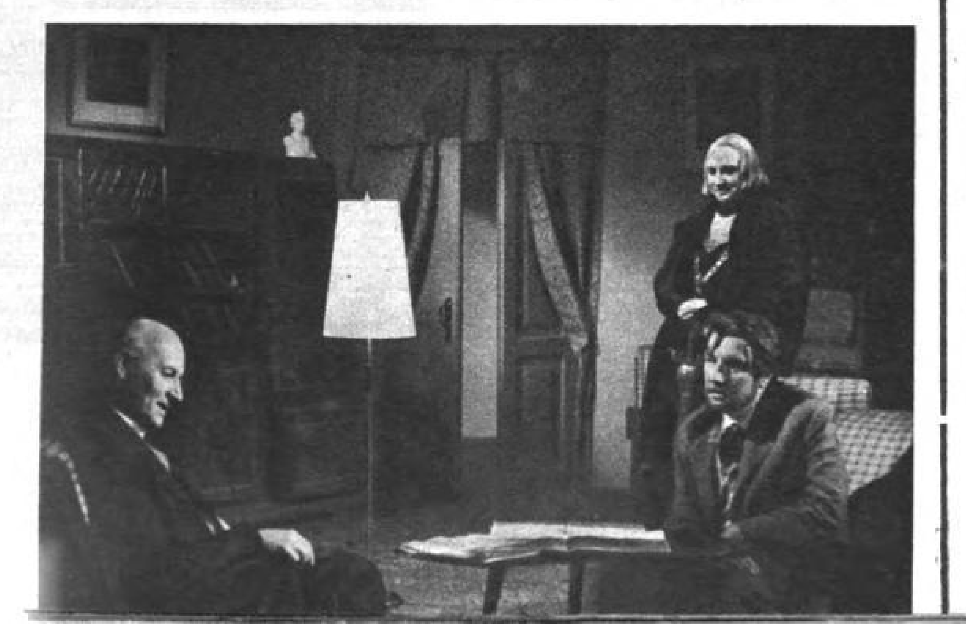
Давно известно, что нет искусства более эфемерного, более «смертного» и подверженного забвению, чем искусство театра. Писатель оставляет последующим поколениям книги, архитектор — здания и целые города, скульптор — памятники и монументы, художник — полотна и рисунки; игру музыканта и голос певца увековечит пленка... А взлет актерского вдохновения на сцене остается лишь в благодарной памяти зрителей-современников. Правда, некоторые спектакли сняты в кино. Но эти фильмы не всегда соответствуют самому спектаклю. Кроме того, по одной, пусть удачной роли нельзя представить самого артиста, создателя галереи замечательных образов. Ведь в этих образах выразилась его неповторимая индивидуальность, широчайшие возможности многогранного, тонкого, поэтического таланта, выразилась личность художника.

Попытку запечатлеть такой облик артиста предприняла Киевская киностудия имени Довженко, выпустившая фильм об одном из прекрасных мастеров советской сцены — народном артисте СССР Михаиле Федоровиче Романове. Авторы — режиссер А. Тимонишин, операторы Д. Вакулюк и А. Пастухов — не стремились втиснуть в небольшой по объему фильм долгий и сложный творческий путь художника. Они коснулись лишь нескольких этапных ролей, приоткрыли дверь в творческую лабораторию актера. И — о чудо! — заставили Михаила Федоровича, как видно на снимке, встретиться «лицом к лицу» с его любимыми сценическими героями: Каменным властелином из одноименной пьесы Леси Украинки и Федей Протасовым из «Живого трупа».

Никакого чуда здесь, конечно, нет. Это комбинированная съемка. Вот они — эти персонажи — перед своим создателем, такие живые, материальные. Они свидетельствуют, сколько отдал им актер вдохновения, таланта, мыслей, неустанного труда, сколько лет жизни... И когда видишь на экране, как полна, неисчерпаема творческая жизнь настоящего артиста, понимаешь, что устарела истина о «смертном» искусстве театра.

З. КУТОРГА

Народный артист СССР М. Ф. Романов беседует со своими героями: Каменным властелином и Федором Протасовым.

УЧИСЬ ВИДЕТЬ

С. Образцов порадовал нас своей чудесной поэмой о жизни («Огонек», 1962 г., № 1).

Автор тысячу раз прав, говоря: «Талант — это умение видеть то, чего не видят другие; услышать то, чего не слышат другие; понять то, чего не понимают другие».

Рождается человек, он смотрит своими глазенками на окружающее, на мать, на ее ласковые глаза, на свои пальцы, которые тащит в рот, чтобы ознакомиться с ними и позднее узнать, что это такое. И так час за часом, день за днем он начинает изучать жизнь, все, что его окружает, буквально каждую секунду он находится во власти «почему».

Ну, а дальше? Дальше девяносто процентов матерей начинают в своем дитяти убивать это «почему». Парадокс? К сожалению, да. Не раз приходилось видеть: сидит на улице около свежеразрытой клумбы малыш и что-то напряженно рассматривает в земле. Наконец, он это «что-то» берет в руки, подбегает к своей мамаше с вопросом: «Мамочка, что это такое? Почему у него нет ножек?». И слышится в ответ: «Брось эту гадость немедленно, дрянной мальчишка! Хватает руками всякую мерзость, еще прыщи на руках пойдут...» И, схватив мальчика на руки, несет его домой. А взял-то в руки малыш обыкновенного дождевого червя. «Почему» породило в нем желание, увидев червя, узнать, что это такое, почему оно без ножек, а движется. И этот его первый интерес к окружающему миру убила в нем его лучший друг — мать. Повстречается ли ребенок с лягушкой, мышкой, ящерицей, увидит ли тритона в воде — на свои недоуменные вопросы он редко получит толковый ответ, а чаще — «не тронь, гадость»...

И так день за днем. Человек подрастает, в нем все меньше и меньше остается вопросов «почему», но не оттого, что он все узнал, а потому, что его отучили от «почему», потому, что у него отбили охоту к узнаванию, чтобы, узнав, понять и по-настоящему удивиться. А удивительно все, что нас окружает.

Когда вдумываешься в методы воспитания подрастающего поколения, то замечаешь, что во многом доминирует какой-то утилитаризм. Если, допустим, изучают в школе жизнь рыб, то сухо, очень сухо преподносят предмет. Ограничиваются биоминимумом, изложенным псевдоакадемическим языком. Зато учитель нудно и досконально рассказывает о промышленном значении рыб, об их калорийности и способе консервирования. Проникнется ли растущий человек после таких «ответов» на свои «почему» любовью к рыбам, будет ли он оберегать их или только научится при возможности любыми средствами добывать эту рыбу?..

Мы очень благодарны автору за его душевную статью, которая настраивает человека на хорошие дела. Очень хочется увидеть на экране великолепный замысел Образцова.

Работники Тихвинского глиноземного завода
А. ДЕКАСТРО,
Г. ЦВЕРАВА

г. Бокситогорск.

Я НАШЛА РОДНЫХ

«Дорогая редакция! Через ваш журнал я хочу отблагодарить начальника бюро розыска г. Курска Зою Ивановну Воронину за большую радость, за счастье, за все, что она сделала для меня.

Это было в 1943 году. Во время воздушной тревоги мы с сестрой отстали от родителей. Так мы попали в тамбовский детдом. Через некоторое время нас с сестрой взяли на воспитание хорошие люди. Но вскоре мой приемный отец умер, и я снова стала жить в детском доме. После окончания училища я поехала на работу в Новосибирск. На новом месте меня приняли очень радушно, тепло. Одна из старых работниц посоветовала искать родных. И я написала в Курск, так как в моем личном деле была запись: «Место рождения — г. Курск». За это дело взялась Зоя Ивановна Воронина. Конечно, ей было очень трудно искать моих родных, но она их нашла. В прошлом году мы встретились с мамой. Это было для меня большим счастьем! Нашлись и другие родственники!

Вот за что я хочу сказать огромное спасибо Зое Ивановне.

Людмила ГУСЕВА

г. Новосибирск.

ВСЕМ МОИМ ДРУЗЬЯМ

В журнале «Огонек» № 30 за 1961 год была опубликована статья А. Старкова «Сильные души».

После опубликования статьи я получаю очень много писем. На все письма я ответить не могу физически, поэтому решила обратиться к вам с просьбой, чтобы ответить сразу всем. Всех интересует мое здоровье, наш поселок и наша лечебница.

Лечебница наша построена совсем недавно и обслуживает больных поселка. Лечат от радикулита и многих других болезней.

Многие в своих письмах спрашивают, можно ли приехать к нам на лечение в Кочкор-Ата. К сожалению, на лечение к нам попасть пока нет возможности, потому что в лечебнице нет необходимых условий. Вполне возможно, что в Министерстве здравоохранения займутся этим вопросом, но это в будущем.

Я очень тронута вниманием моих новых друзей, которые спрашивают, как я себя чувствую, чем занимаюсь.

В настоящее время я работаю там же, то есть в АТК «Киргизнефть», веду общественную работу, участвую в самодеятельности, являюсь пропагандистом. Я очень благодарна моим друзьям и подругам за внимание, которое они мне оказывают.

Заканчивая свое письмо, я от души шлю всем наилучшие пожелания в жизни, здоровье и в труде.

Пусть не обижаются мои друзья, если я не ответила на все письма, которые я получила. Со временем отвечу обязательно.

Спасибо, друзья.

Гульнара АХМЕТОВА

Ошская область.
пос. Кочкор-Ата.

М. Клионский (Ленинград). МОЛОДОСТЬ.

69

Всесоюзная художественная выставка. 1961 год.

П. Бабак (Киев). К МИРНОМУ ТРУДУ.

К. Ломыкин (Одесса).

ВЕСНА ИДЕТ.

СВИДАНИЕ В ВЯЗНИКАХ

Владимир СОЛОУХИН Рассказ Рисунок Л. Владимирского.

Я несколько раз подряд произнес вслух название этого городка: Вязники... Вязники... Вязники...

Странно, что сердце мое по-прежнему осталось спокойным. Но все же какой-то легкий, сладковатый холодок почувствовался около сердца. Что-то слегка сжалось там, какая-то, значит, хотя бы и одна, хотя бы и последняя, хотя бы и вконец пережавевшая струнка слабеньким дребезжанием отозвалась на звучание этого слова: «Вязники»...

Мы с приятелем лежали каждый на своей койке в душном номере гостиницы и размышляли, каким образом нам поскорее уехать в Москву: то ли поездом, то ли пойти на площадь и голосовать проходящим машинам, то ли дождаться рейсового автобуса. Мы могли бы немедленно выбрать любой вид транспорта, но нам было лень выходить на жару, и вот мы лежали и думали.

Мой приятель — художник. Путешествуя, бродя по земле, мы пришли в городок, расположенный на высоком берегу Клязьмы и весь утонувший в зеленых, главным образом вишневых, садах.

Я первый раз попал в этот городок, хотя услышал о нем двадцать лет назад. В те времена для меня, шестнадцатилетнего подростка, он не имел ни одной конкретной черты: ни вишневых садов, ни бойкого базара, заваленного грибами, лесными ягодами и деревянными ложками, ни главной площади с толпящимися по ее краям пропыленными автомобилями, ни изогнутых улочек, то карабкающихся вверх, в гору, то сбегающих с крутой горы, ни широкого вида на Клязьму, размашисто брошенную в зелень поймы, ни туманных далей заклязьминского Ярополческого бора.

Это все я увидел в последние три дня. Тогда, двадцать лет назад, город не имел для меня ни одной конкретной черты. Но было слово. И была девушка. И было ее певучее имя. И она была из Вязников. И каждый раз, когда кто-нибудь говорил слово «Вязники», мне казалось, что все тотчас поворачиваются ко мне и смотрят на меня пристально, и всем ясно, что я день и ночь, день и ночь думаю только о ней.

Нет, не думаю — это не то слово... Что день и ночь? Ну что? Живу ею? Дышу ею? Мучаюсь? Болею? Страдаю? Казнюсь? Ну, какие там есть еще слова? Вернемся к самому точному и единственному: мне казалось, что всем сейчас станет ясно, как я день и ночь, день и ночь ее люблю.

Да, вспомнил. Курить я начал из-за нее; вино начал пить из-за нее; в карты играть — из-за нее, стихи писать — из-за нее. Кажется, собраны все главные человеческие пороки, а между тем не было любви светлее и чище, чем моя мальчишеская любовь.

Ромео все же целовал свою Джульетту, дотрагивался до нее. И пение жаворонка заставало их в объятиях друг друга. Если бы тогда все получилось так, что она подошла бы и поцеловала меня или я поцеловал ее... Да, конечно, из-за нее же у меня в жизни не было первого поцелуя. Настоящего первого поцелуя, а не такого, что я когда-то полушутя-полувсерьез схватил на гулянье, к примеру, Надюшку Балдову да и поцеловал при всех, а она засмеялась и вдогонку звонко шлепнула меня ладонью между лопаток.

Не было первого поцелуя. А между тем, может быть, когда я буду помирать и всю свою богато и радостно прожитую жизнь с ревущими поездами и молчаливыми тропинками, голубизной Адриатики и развалинами Самарканда, музыкой и картинными галереями, рыбной ловлей и восхождением на горные вершины, говорливым таянием снегов и безмолвными листопадами, бессонными ночами за рабочим столом и восторгами удач, женской любовью и лепетанием ребенка... нет, конечно, задним числом, теперь, я не смог бы отдать всей моей жизни за единственный поцелуй ветреной той девчонки, но если бы мне предоставился выбор тогда...

Не было первого поцелуя. Нам всем было по шестнадцати лет (впрочем, к концу учебы стало по девятнадцати), и ей, значит, было столько же. Была ли она самой красивой девушкой в техникуме? Наверно. Множество старшекурсников, городских, более смелых и находчивых, чем я, деревенский недотепа, всегда окружали ее.

Я таился, но все равно скоро все узнали, что я, Гога (иначе меня не называли на курсе), безмолвно и беззаветно люблю эту девушку.

Сначала ее подруги смотрели на меня с усмешкой, потом с удивлением, а потом, к концу учебы, то есть к концу третьего года, с завистью и грустью в глазах. Как я теперь понимаю, грусть и зависть происходили оттого, что не на их долю досталась такая упрямая, такая единственная любовь.

Если знали подруги, значит, знала и она сама. Мы учились на одном курсе и виделись каждый день по нескольку часов кряду. Невозможно было бы три года не разговаривать, не попросить учебника, рейсфедера, чертежа, совета да и просто решения задачки. Но ни разу мы не остались вдвоем хотя бы на одну минуту. Надо полагать, она не хотела и боялась этого. Да нет, просто она меня не любила! Хотя вспоминаю: к концу учебы что-то оттаивало, что-то теплое стало появляться в ней. Скорее всего, это была либо жалость, либо, может быть, благодарность своему рыцарю за железное постоянство.

И был один вечер. Она пришла в гости в общежитие к своим подругам (сама жила у тетки на улице Карла Маркса). Я в это время сидел у девчонок в комнате. Постепенно, постепенно, я не заметил, как и Рая Фалалеева, и Зоя Постнова, и Тоня Миронова, и Нина Теплухина — все вышли из комнаты. Мы сидели за столом, на котором лежала большая чертежная доска. К доске был приколот чертеж. Стол с доской и чертежом разделял нас. Мы сидели друг против друга и говорили. Впервые за три года. Это было похоже, как если бы весной всё держали и держали морозы и вдруг однажды утром — южный ветер, влага и теплые дожди, омывающие озябшие ветки деревьев, землю... Еще день-два — и все вспыхнет яркими цветами.

Щеки ее горели, глаза... Тепло и сияюще было в глазах. А про себя я ничего не помню. Нет-нет, мы говорили не о наших отношениях друг с другом, а о всякой всячине, что-то вспоминали из детства — она из своего, я из своего: кто любит какие цветы, кто любит дождь, кто зиму... Оказалось, что она любит ландыши.

Два часа разговоров о всякой всячине — не так уж много для трех лет. Теплый дождь прошел, но цветы не вспыхнули, потому что через день-два всех нас, парней, выпускников 1942 года, увозили из Владимира поезда. И были уж мы в шинелях.

Учились мы во Владимире, а родом она была из Вязников. Слово «Вязники» было связано с нею. Вот почему я удивился, когда при произнесении слова «Вязники» сердце мое попрежнему осталось спокойно. Но все же какой-то легкий сладковатый холодок послышался около сердца, что-то слегка сжалось там, какая-то хотя бы и одна, хотя бы и последняя, хотя бы и вконец пережавевшая струнка слабеньким дребезжанием отозвалась на звук этого слова: «Вязники»...

Приятель лежал, водрузив свои длинные волосатые ноги (штаны сбились к коленкам) на железную спинку кровати, а руки заложив за голову.

— Слушай, друг,— сказал я ему.— Давай отложим отъезд еще на один день.

— Почто?

— Ну, напишешь еще один этюдик. Знаешь, там, с горки... Плетень какой-нибудь, или дворик, или старое дерево. А у меня есть дело. Я вспомнил, что здесь, в Вязниках, когда-то жил мой знакомый товарищ. Может быть, я нападу на его след.

Итак, ехать нужно в Ярцево — поселок, примыкающий к городу. Я помню, что Ярцево упоминалось в разговоре двадцать лет назад, иначе откуда бы я вообще узнал про Ярцево?

На площади возле низкой чугунной решетки стоят столбы. К столбам прикреплены красные железные таблички: тут останавливаются автобусы. Народ сидит в ожидании их вроде как беспорядочно, но каждый знает, к какому столбу ему в случае чего бежать и за кем становиться.

В тесном автобусе нельзя было смотреть из окна, куда именно он везет, какие улицы и дома пробегают мимо. Чувствовалось лишь, что потихоньку лезем в гору, круто поворачивая время от времени.

— Ярцево,— объявил кондуктор.

Я поймал себя на том, что взволнован. Конечно, вряд ли совпадет так, что она живет теперь в Вязниках. Да и вообще, чего только не могло случиться за двадцать лет! Но все равно я узнаю что-нибудь о ее судьбе, увижу, вероятно, ее мать, комнату...

Однако сначала я пошел через поселок на край обрыва (потом оказалось, что это место называется у них Венец) и некоторое время сидел над обрывом, глядя на сады, вздымающиеся клубами зеленого дыма внизу подо мной, на извилистую ленту Клязьмы пониже садов, на зеркальные осколки продолговатых озер, разбросанных там и сям по заречной пойме.

Гуляла ли она когда-нибудь над этим обрывом? Ходила ли сюда одна? Или все больше на танцплощадку? Ах, какое мне до этого дело!

В Ярцеве было только одно почтовое отделение.

— Вы должны знать. Оксана Сергеевна Потапенко. И мать ее — Потапенко.

— Это что же, Татьяна Петровна?

— Вероятно, Татьяна Петровна. Здесь ведь не Полтава, не может быть, чтобы в Ярцеве много Потапенок.

— Потапенко-то есть, но разве мы помним все адреса? Вон идет письмоносица, она вам скажет.

Из окошечек выглядывали любопытные девичьи лица: почувствовали, что тут неспроста, что кроется тут некая сердечная подоплека.

Письмоносица без обиняков пошла проводить меня до подъезда.

— Вот тут и живут Потапенки. Только вряд ли кого застанете. Сама-то теперь на пенсию вышла, все больше у дочери живет, внучку нянчит.

— Да где у дочери?

— Как где? В Давыдкове. Станция такая есть, верст шашнадцать. Зять там инженером работает, ну, и Оксана там, и Светочка, дочка, значит, ну, и сама все больше у них да у них. А здесь когда ни постучишь — все заперто.

— А как ее... новая фамилия? То есть инженера того как фамилия, который... стал ее мужем?

— Судаков. Судакова она теперь по мужу-то, а не Потапенко. Судакова Оксана Сергеевна.

— Судаков... Вы его когда-нибудь видели? Черненький? Небольшого росточка? Прихрамывает?

Ну да, ясно, что он. С третьего курса парень. Мы еще учились, а он уж работать начал. Инструктором в мастерских. Значит, скоро встретимся, Яшка Судаков...

Через тридцать минут я уж был на вокзале и покупал билет. Всю жизнь мечтал побывать в этом — как его? — Давыдкове.

Я надеялся, что, может быть, мне удастся все же избежать встречи с ее мужем. Зачем мне это, хоть он и Яшка Судаков, у которого, помнится, когда мы засели за карты и играли со вторника до четверга, я сорвал большой банк? Хорошо сорвал: остановился на тринадцати (к тузу валет), а он, банкомет, прикупил к шестнадцати восьмерку. А рука моя была последняя. Яшка бросил колоду и сказал многозначительно: «Везет тебе, парень, в карты. Мне тебя, парень, жаль».

Но, в сущности, мы с ним были очень мало знакомы. Может быть, даже и не узнали бы друг друга на улице. А тут придется разговаривать, держать струну. Одна надежда, что инженер теперь должен быть на работе.

Давыдково оказалось таким населенным пунктом, что как только я сошел с поезда да прошел по перрону, так и наткнулся на Яшку, простите, на Якова Яковлевича Судакова.

— Здорово!—сказал Яков, как если бы мы с ним вчера вечером выпивали, а теперь встретились, чтобы опохмелиться.— А Оксаны дома нет, она с утра уехала в Вязники. Ну, пойдем, посидишь, дождешься.

Мы пошли вдоль улицы, состоящей как бы из одних палисадников. Шли почти всю дорогу молча.

— Ты вроде пишешь там в газетах, в журнале. Оксана недавно стихотворение из численника вырезала. Где-то у нее спрятанное лежит. «Гога,— говорит,— написал».

— Пишу.

В комнате, или, лучше сказать, в избе (они занимали большую, деревенского склада избу), тоже все больше помалкивали.

— Вот альбом. Фотографии. Вот это еще техникум. Вот видишь, и твоя тут есть. А это в Румынии, вскоре после женитьбы. Я тогда офицером был, а служил в Румынии. Это — на курорте, в Сочи. Это так себе, любительские...

Оксана сидела в белом полотняном лифчике на постели, среди белых скомканных простыней.

— Контрастно очень вышло. Так нельзя, и света мало. Видишь, только белое и черное, а середины нет.

— Ты тоже, значит, балуешься?

— Снимаю, когда понадобится. А это в Вязниках, на Венце. Знаешь там обрыв? А это уж здесь, в Давыдкове...

— Дай я техникумовские погляжу. Знакомых ребят повспоминаю. Про кого знаешь?

— Почти все погибли. Нас ведь тогда всех вместе забрали, помнишь? Осень сорок второго. Сразу в огонь. Как все равно пучок соломы в костер подбросили. Ты-то как уцелел?

— Не знаю. В тыловую часть попал. В огонь не бросили. Дело случая. А ты?

— А я просто уцелел. Не всех же на войне убивали! Ну что же, пойдем, пока никого нет. Тут чайная рядышком.

— Жарко.

— Понемножечку.

В чайной не оказалось ни коньяку, ни водки.

— Хотите, открою портвейн? — предложила буфетчица.

Мы поглядели друг на друга. Я понял, что пить ему в жару не хочется, что он пришел сюда только ради меня. Что вообще ему нелегко развлекать меня, когда полдневное время почти не движется. А я и в худшие времена терпеть не мог никакого портвейна.

— Знаешь, давай отложим.

Мы пошли из чайной обратно по улице к его дому.

В дом вошла женщина, пожилая, худощавая, некогда очень красивая, с той сдержанностью в движениях, которая происходит от развитого чувства достоинства. Она пристально посмотрела на меня, и в ее черных, обведенных коричневым глазах почудилась настороженность.

Яков Яковлевич сослался на необходимость сбегать на завод и оставил меня одного с матерью Оксаны.

Женщина как бы не обращала на меня никакого внимания. Она в сенях делала что-то по хозяйству, кажется, перебирала ягоды на варенье.

— А вы, значит, Гога? — вдруг спросила она, мне показалось, прямо из сеней. Но, подняв голову, я увидел, что она стоит на пороге.

— Гога. Почему узнали?

— Чай, я все-таки мать. Долго же вы собирались навестить Оксану!

— Завихрения жизни.

— Вам виднее, вы человек высокий.

— Выше колокольни.

Женщина поставила на стол три тарелки пирожков и самовар.

— Давайте чаевничать. Ешьте пироги. Эти с черникой, эти с малиной, эти с черной смородиной. Иль, может, холодного молока вместо чаю? Жарко теперь.

— Давайте холодного молока.

Я все косил глазами на темно-синий жакетик, висевший на стуле. На лацкане горела крохотная, но яркая-яркая рубиновая звездочка, как если бы искорка от костра опустилась на лацкан.

— Звездочку признали?

— Признал.

— Давнишняя звездочка...

Некоторое время мы молчали.

— Она после техникума в мастерских стала работать и проработала там всю войну. Вас, парней, конечно, никого нет. Хоть бы кто-нибудь письмо написал. (Черные глаза впились в меня, сидящего напротив.) Так, мол, и так, после войны вернемся... Поскучала она, покручинилась... Яков вернулся самый первый. Он не вернулся, правда, а в отпуск приехал. Ну, это все равно. С приездом — вечеринка. Кто-то из техникумовских, все больше девушки. Потом опять вечеринка. Это мне сестра рассказывала, то есть тетка ее. Она ведь у сестры жила во Владимире. Ну, значит, кино, танцы. Отпуск у Якова короткий — все надо успеть. Поколебалась она, скрывать нечего. А к концу отпуска расписались да и в Румынию. Да вы пирожки-то ешьте, с черникой вот, с черной смородиной... А у вас что же? Семья?

— Семья.

— Они тоже хорошо живут, жаловаться нечего. Внучка растет, Светланочка... Ну, что же вам предложить, может, отдохнуть приляжете? Или в лес хорошо прогуляться. У нас ведь кругом леса. Грибов в нынешнем году — пропасть! Уж старики говорят, как бы войны не было. Яков каждый раз по триста штук одних белых приносит. А Оксана скоро приедет. Она скорей всего на четырехчасовой потрафит.

«Да, наверно, скоро приедет,— думал я.— Что же, пироги с черникой вместе есть будем да ледяным молоком запивать? Мне ведь не надо сидеть с ней за одним столом три часа, да еще мать, да еще муж рядом. Мне ведь нужны секунды. Глаза ее нужны, когда узнавать будет. А больше ничего. А пироги, бог с ними, когда-нибудь в другой раз. Уж лучше мельком да один на один, чем здесь — за столом, за чаем. А мать-то как взглядывает черными глазищами! Она все понимает, Татьяна Петровна Потапенко. Многоопытная, мудрая женщина!»

Мозг мой лихорадочно стал совершать арифметические действия с часами и минутами: «Ее поезд в четыре. На вокзал приедет за полчаса. Если я сейчас отсюда уеду, то буду там как раз в половине четвертого. Встреча неизбежна. А если она не с четырехчасовым, а с шести? Подожду до шести. А если с восьми? Подожду до восьми. А если с двенадцати? Подожду до двенадцати».

— Ну что же, спасибо, Татьяна Петровна. Пироги вы готовите отлично.

— Зять не обижается. Да куда же вы? А Оксана? Она будет жалеть. Я знаю, что будет. Очень будет жалеть, поверьте.

— Оксана жалеть не будет. Поверьте и вы мне. До свидания. Якову привет! Жаль, что не дождался его с завода. Да мне, право, некогда.

В Вязниковский вокзал, сойдя с поезда, я вошел вроде бы спокойно и равнодушно, а на самом деле — весь, как струна. В маленьком зале ожидания народу почти не было, так что я сразу увидел ее. Я подошел и встал в четырех шагах. Она сидела в три четверти оборота, почти затылком ко мне и кормила девочку мороженым. Девочка, значит, была ко мне лицом.

Заметив, что дочка на кого-то внимательно смотрит, мать тоже вскинула глаза (стоит какой-то тип в лыжных шароварах и клетчатой рубахе) и снова занялась мороженым. Но клетчатая рубаха осталась в уголке зрения и не исчезала. Тогда женщина опять вскинула глаза и на этот раз опустила их не в первую долю секунды, а задержала чуть-чуть подольше, как раз настолько, чтобы уж не опускать совсем.

Глаза стали расширяться и темнеть. Глаза залило синевой, а синева сгустилась до цвета июльской грозовой тучи. Но вместо молний, вместо зловещих теней и переливов, предшествующих обычно самому главному, самому страшному громовому удару, как бы легкий трепет солнца пробежал по темной синеве, насквозь пронизал, прогрел, просветил ее. Медленно, помимо своей воли, женщина приподнялась с коричневого вокзального дивана и вдруг, шумно вздохнув (А-ах!), опустилась снова на широкий диван.

— Я знала, я знала, что мы когда-нибудь обязательно встретимся... Никаких, никаких, никаких... Поедем обязательно к нам. Один раз за все двадцать лет. Разве можно? Вокруг нас густые-густые леса. Пойдем за грибами. Яков приносит по триста штук одних белых. Но, правда, ему некогда, он все больше на заводе.

Мне показалось, что при последних словах женщина смутилась и даже покраснела.

Да, иногда огромным усилием воли мне удавалось посмотреть на собеседницу не через ту давнишнюю, привычную мне Оксану, а как на женщину, случайно сидящую рядом на диване. Тогда я видел, что передо мной сидит молодая красивая синеглазая женщина, за которой можно и поухаживать. Вот она приглашает меня в лес по грибы. Не пойти ли?

Я посадил их в вагон, и ее и Светлану, а сам пошел вдоль поезда, вперед по перрону, именно там был выход с перрона на привокзальную площадь.

Поезд долго не трогался. То есть еще минут десять я стоял, прислонившись к стойке ворот, и ждал, когда их вагон проплывет мимо.

Оксана не удивилась (я ясно видел, что не удивилась), увидев меня в воротах, хотя, если попрощались десять минут назад, нечего было мне здесь торчать. Она благодарно помахала мне рукой, и дочка ее тоже помахала, может быть, по детской привычке махать, когда трогается поезд, может быть, ее попросила мать.

...Приятеля я застал все в том же положении, то есть водрузившим длинные ноги на железную спинку кровати, а руки запрокинувшим за голову.

— Возликуем? Отменяется сухой закон?— Ноги мгновенно оказались на полу.

— Путешествие ведь закончилось.

В столовой номер один, заменяющей вязничанам ресторан, нашелся «Горный дубняк».

— Нет, ты скажи, где ты был и что с тобой случилось? — Чайные стаканы отбрасывали на скатерть продолговатые золотистые тени. Через некоторое время мы позвонили местному поэту Ивану Симонову, и он немедленно появился. Впрочем, может быть, он пришел не сразу — время для меня стало терять границы. Иван Симонов, успевший быстро сравняться с нами, беспрерывно читал чужие стихи: «Хороша была Танюша, краше не было в селе, красной рюшкою по белу сарафан на подоле...», «Я вас любил: любовь еще, быть может... То робостью, то ревностью томим...»,

Колокола Бухенвальда

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Колокола.
О эти медные колокола!
Колотят, и клокочут, и поют,
И, словно птицы,
крылья простирают,
Бубнят свое, и снова повторяют,
И по ночам заснуть нам не дают.
То рушатся на нас,
словно хребты,
То сердце нам когтят,
словно орлы.

О крылья медные,
как тяжелы
Удары ваши
с высоты!

Над головой жужжит пчелиный рой.
Нет! Это пули нашего врага.
Заря! Окошко в темноте открой.
Как ночь долга! Как эта ночь долга!

Колокола,
О эти медные колокола!
Опять
тяжелый взмах крыла,
И мертвецы восстали из гробов,
И пепел крематория взлетел,
Чтоб превратиться в жалость, страх, любовь
И дрожь
еще недоубитых тел.
О жалоба несчастных!
Прозвучи
Еще.
О повторись, мольба!
Но снова сапогами палачи
Затаптывают мертвецов в гроба.

Колокола!
О медные колокола,
Что распростерли черные крыла!
Как страшно слышать, горький и глубинный,
Крик девушки,
что умерла
Еще не любящей
и не любимой.
Вопль матери над трупами детей,
Стон пахаря, убитого над пашней,
Когтят мне душу
всех когтей лютей.
Как страшно! Как страшно! Как страшно!
Как страшно! Ведь еще не зажила
Та рана у земли. Еще тепла
Всех крематориев зола,
А над развалинами тех печей
Взлетает угрожающе ракета.
О люди! Заступитесь за планету.
О человек! Вставай на палачей.

Колокола,
О эти медные колокола,
О бухенвальдские тяжелые колокола!
Вы рушитесь,
как горные хребты,
И сердце нам когтите,
как орлы.
О крылья медные, как тяжелы
Удары,
Удары,
Удары
с высоты!
По голове всю ночь мне крылья бьют.
И крыльям в такт колотят и поют
Те бухенвальдские колокола,
Тяжелые и медные колокола,
Колокола!

Бухенвальд.

Перевел с литовского
Борис СЛУЦКИЙ.

Братание с морем

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

ПОБЕРЕЖЬЕ

Доказано, что лунным притяженьем
приливы и отливы рождены.
И у морей
на всем их протяженьи
размыты скалы
и обнажены...

Я так люблю морское побережье,
где пахнет йодом,
крабами,
треской,
где чайки гребни волн крылами режут,
гонимые ветрами и тоской.

Где вновь переосмыслишь величины
и станешь вдруг счастливым
допьяна,
и сам не знаешь, что тому причиной —
глубь моря
или сердца глубина.

* * *

Николаю Букину

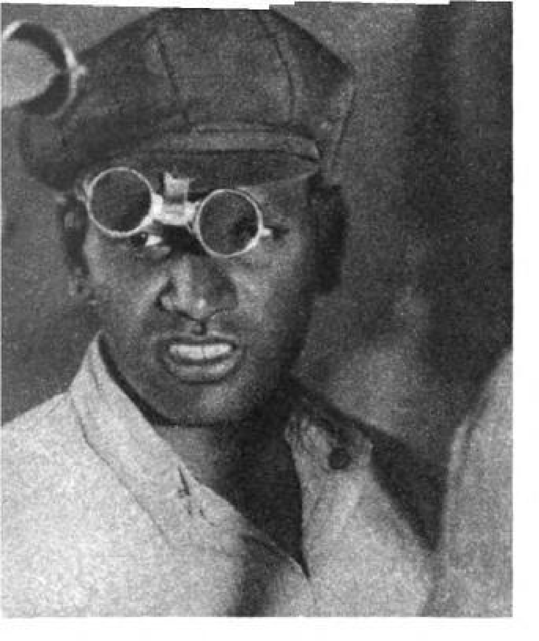
Матрос о чувствах не судачит,
на сердце якорь положа.
Ведь это только чайка
плачет,
вдали от родины кружа...

Ну, что ей, чайке,
что ей горе,
ей только б купол голубой!..
Матрос доверит
только морю
свою тревогу и любовь.
Матрос, коль скажет,—
как отрубит,
и уплывет за три весны...
Не потому ль матросов любят,
ах, как их любят,
черт возьми!

Ленинград.

«А что мне вокзальный порядок, связавший на миг вас со мной...»

Потом мне стало казаться, что я — это вовсе не я, тридцатипятилетний человек, имеющий за плечами большой опыт и десяток написанных книг, а шестнадцатилетний мальчишка. И что сижу я не в столовой номер один, а в студенческом общежитии на Студеной горе. И стоит мне только собраться с духом и преодолеть что-то непонятное и нелепое, как я через десять минут окажусь на улице Карла Маркса и вместо того, чтобы обходить ее за три квартала, взлечу на второй этаж, ударю в дверь кулаком, и на пороге появится она, синеглазая и золотоволосая девчонка с крохотной рубиновой звездочкой на груди, как будто огненная жгучая искорка прилетела из большого костра, опустилась да так и прикипела к кофточке.

Сталевар из Бхилаи.

ПЕНДЖАБ — СТРАНА П

Нужно ли предисловие!

Есть одна индийская поговорка: «Нельзя вложить два меча в одни ножны».

Но Олесь Бенюк и Даршан Сингх своей книгой доказали, что два пера можно обмакивать в одну чернильницу. Они создали произведение, в котором сосуществуют чувства, впечатления и переживания обоих.

Как же случилось, что советский редактор и индийский журналист сумели увидеть все «единым оком», как выражаются в Индии?

Ответ, мне кажется, заключается в том, что Олесь Бенюк — украинец, а Даршан Сингх — пенджабец. И, видимо, есть много общего между этими географически очень отдаленными народами. Ведь украинцев, извечных хлеборобов и чемпионов выращивания пшеницы, можно было бы назвать «советскими пенджабцами», а наших пенджабцев, с их бесхитростным чувством юмора и жизнелюбием,— «индийскими украинцами».

Широкие плодородные равнины, пересекаемые реками Сатледж, Биас и Рави в Пенджабе, а на Украине — могучим Днепром и его притоками, издавна были родиной трудолюбивых, сердечных, здравомыслящих и в то же время поэтичных людей. Здесь, думается мне, лежит корень того, что Олесь Бенюк и Даршан Сингх смогли так успешно работать вместе, создавая эту книгу.

Перед вами Индия, увиденная, так сказать, «индо-советскими глазами», если только возможно такое оптическое явление. Но книга свидетельствует, что это возможно.

Ходжа Ахмад Аббас

Здравствуй, Пенджаб!

Представьте себе трех человек, стоящих возле готовой в дальний путь шоколадного цвета «Победы». Вот Гурбакаш Сингх, водитель, бородатый, высокий, широкоплечий, с тюрбаном на голове,— бог дорожных странствий, маг рулевой баранки. А этот, второй,— по закону контраста, низенький, худощавый, очкастый — есть ваш покорный слуга, участник многих журналистских баталий — Даршан Сингх. Нечто среднее между обоими представляет третий — Олесь Бенюк,— умеренного роста, умеренной полноты, но с вызывающе вздернутым носом добротной украинской конструкции.

Выезжаем из Дели и погружаемся в полную темноту. Гурбакаш включает радиоприемник. Убаюкиваемые мелодиями индийских песен, мягкими дуновениями прохладного ветерка и видом усеянного звездами безграничного неба, мы начинаем задремывать, отдавая «Победу» и самих себя во власть нашего волшебника, сидящего у руля. Впрочем, кажется, и он начинает клевать носом...

Мы просыпаемся и подскакиваем от крепкого толчка. Наша машина ползет по извивающейся дороге, обозначаемой вместо верстовых столбов побеленными известью пустыми бочонками из-под асфальта. Мы пересекаем границу Пенджаба. Здравствуй, Пенджаб!

Безносые короли

В Индии несколько «седьмых чудес». Среди них обычно называют Тадж Махал, пещеры Аджанты и Эллоры, Кутаб Минар и колонну Ашоки, храмы Юга, высеченные в скалах, например, храм Меснакаши в Мадхураи. Пенджаб гордится тем, что одно из этих чудес на его территории. Это Золотой Храм в Амритсаре. Сам Амритсар получил свое название от озера, над которым величественно возвышается этот храм. Амритсар буквально означает «озеро нектара»...

Миновав железнодорожный мост, мы выезжаем на Холл-Базар, самую оживленную улицу города. Пробиваясь через уличную сутолоку, мы достигаем здания муниципального совета и застываем в удивлении: перед нами большая, во весь рост, мраморная статуя королевы Виктории. Мы успокоились, узнав, что эту соседку дома, символизирующего самоуправление Индии, муниципальный совет Амритсара постановил убрать.

Не так давно один пенджабский подросток родом из Амритсара приехал в Дели и, недолго думая, отбил нос у одной из самых внушительных статуй короля Георга V, воздвигнутой против мемориальной арки, известной под именем «Ворота Индии»,— место, где ежегодно 26 января устраивается красочный парад в честь Дня Республики. Статуя очень высока, но парнишка ухитрился вскарабкаться на нее и некоторое время молча и сосредоточенно занимался своим делом.

Человек из Калиновки в Бхакре

Горная цепь Нанда Деви, маячившая на далеком горизонте, теперь была прямо перед нами. В нескольких километрах река Сатледж прорывалась через узкое ущелье в этой горной гряде. Здесь и раскинулось строительство плотины Бхакра-Нангал, высота которой втрое превысит знаменитую башню Кутаб-Минар в Дели.

Строительство Бхакра-Нангал включает в себя бетонную плотину высотой в 740, длиной в 1 700 и шириной в 625 футов; две гидроэлектростанции по правую и левую сторону плотины с установленной мощностью более миллиона киловатт, искусственное водохранилище «Гобинд Сагар» длиной в 55 миль и несколько дополнительных плотин и каналов с электростанциями меньшей мощности.

Индия — страна, изобилующая всякого рода святынями: храмами, горными вершинами, озерами и реками. Есть такое верование, что посещение святыни очищает от грехов, подымает душу на новую ступень и позволяет даже в меру грешить до следующего искупительного путешествия к святыне. В Индии паломники пользуются большим уважением.

После того, как страна достигла независимости, возникают все новые «святые места», к которым стремятся массы посетителей. Это крупные индустриальные предприятия, вырастающие в наши дни по всей стране. Новых пилигримов влечет сюда желание увидеть черты новой Индии и испытать законное чувство гордости. Они приезжают в переполненных поездах, битком набитых автобусах, в простых телегах, приходят пешком. Мы видели в Бхакре приезжих крестьян, серьезно и пытливо разглядывающих обуздываемые плотиной бурные воды Сатледжа. Они желали увидеть собственными глазами, откуда придет благодатная влага, чтобы напоить жаждущие поля, и электрический ток, чтобы осветить их дома.

Осенью 1955 года Бхакра принимала необычного гостя. Это был человек из Калиновки. Его дружеское посещение строители хорошо помнят по сей день и рассказывают о нем с большой теплотой.

Ранним утром специальный поезд остановился на маленькой станции Нангал. Утро было холодное, но это не помешало пятидесяти тысячам людей собраться у станции, чтобы приветствовать желанного гостя. Корреспонденты некоторых западных газет, которым это пришлось не по душе, писали о некоем «массовом гипнозе» и прочих фантастических бессмыслицах. Дело обстояло проще: это была встреча, в которой говорили сердца простых людей Индии, их способность отличать подлинных и бескорыстных друзей от «друзей», прячущих когти до поры до времени.

Гость интересовался каждой подробностью строительства. Он задавал вопросы американскому главному инженеру Слокаму, которого индийцы прозвали «Белым слоном»; белые слоны сейчас — редкое животное в Индии, даже в глубине джунглей. Мистера Слокама, получающего свыше 10 тысяч рупий ежемесячно, тоже увидишь на стройке не чаще двух раз в год. Зато «Белый слон», видимо, на виду в джунглях Уолл-стрита.

Слокам был очень удивлен, почувствовав, что его собеседник хорошо осведомлен в вопросах гидростроительства. Гость разгадал мысли Слокама и дал «Белому слону» весьма вразумительный совет: приехать в Советский Союз, посмотреть на советские достижения собственными глазами.

Западные журналисты имели случай сообщить своим редакциям о «стиле полемики» человека из Калиновки. Они должны были признать, что он обладает блестящей способностью вскрывать существо самых запутанных и нарочито запутываемых вопросов и всегда предлагать такое решение, которое понятно даже рядовому крестьянину. Они увидели воочию, как его простая, острая и жизненная логика одним ударом разрушала, казалось бы, неприступные, но на деле шаткие позиции идеологов «западного мира».

До сих пор в Бхакре вспоминают о статьях в некоторых западных газетах, где говорилось тогда о «коварстве» русских, желающих «соблазнить» индийцев «предложением помощи». Гость отвечал на это:

— Может быть, вы с нами посоревнуетесь в установлении дружбы с индийцами? Давайте соревноваться... Мы очень хотели бы, чтобы и другие страны проявляли бы такую же «хитрость».

Словарь врагов социализма не содержит простого и красивого человеческого слова «дружба». В

Отрывки из книги.

Олесь БЕНЮК, Даршан СИНГХ

ЯТИ РЕК

Символ советско-индийской дружбы — металлургический комбинат в Бхилаи.

капиталистическом мире, где человек человеку — волк, этому слову не находится места. А между тем советско-индийская дружба после приезда гостя из Калиновки нашла свое воплощение в больших и очень зримых делах: в металлургическом гиганте в Бхилаи, в зеленом оазисе государственного сельского хозяйства в Суратгархе и во многом другом, в чем Советский Союз бескорыстно помог Индии.

«Просто строитель»

Какой-то писатель сказал, что сталь поет. Но сталь плавится беззвучно. Видимо, писатель хотел сказать, что поет сердце сталевара.

Инженер Сальниченко, с которым мы познакомились в Бхилаи, в юности мечтал стать поэтом. В технологическом институте, который он окончил перед войной, он руководил литературным студенческим кружком и часто печатался в «Горняке», газете города Шахты. Писал он больше всего поэмы. Но он не стал профессиональным литератором. Он стал строителем.

В октябре 1958 года он уже встречал восход солнца на лесах бхилайской стройки. Работу часто приходилось затягивать до «лунного загара». Опершись на перила лесов, он видел новый город на месте маленькой, глухой деревушки, названия которой не было ни на одной карте. Все отчетливее вырисовывались мощные очертания индустриального гиганта, и многое было тут сделано его товарищами, его собственными руками. В серебристом лунном свете фейерверком взрывались снопы искр электросварки. И тогда ему казалось, что природа, изумительная природа Индии поет небывалую песню в один голос с человеком...

...Мы сидели в гостях у П. Р. Ахуджи, зонального инженера, ведающего строительным оборудованием. Дом окружала зеленая лужайка, повсюду благоухали цветы. Собрались друзья нашего хозяина. Ахуджа был одним из первых индийских инженеров, приехавших на строительство. Тем более интересными были для нас его воспоминания.

Когда он появился здесь в 1956 году, он застал только рисовые поля. Строили дороги, город, железнодорожную линию, грузовые платформы, перевозили оборудование, рыли котлованы. Потом начали воздвигать цехи. Работа шла день и ночь: план требовал неслыханных темпов. Ахуджа считал все это фантастичным и невыполнимым.

— Зачем такая спешка? — спрашивал он советского инженера Гомберидзе.

— Спешка? Но ведь по контракту, заключенному с вашим правительством, мы обязаны закончить эту очередь работ в 1959 году, — спокойно сказал Гомберидзе, доставая копию документа.

— В 1959-м?! — ужаснулся Ахуджа. — Постойте, тут какая-то ошибка! Ну, конечно, машинистка ошиблась, переставила две последние цифры. Не 1959-й, а 1995-й, вот как будет правильно! Но потом все понемногу стало на свое место, — улыбаясь, закончил Ахуджа. — Энтузиазм и взаимное доверие сделали все. Мечта стала реальностью...

Посадили свинью за стол...

Уже много позже нашего посещения Бхилаи мы прочли следующие строки из книги некоего Петера Шмидта, западногерманского журналиста, которую он озаглавил «Индия чудес и без чудес»:

«Было бы много разумнее, если бы вместо доменных печей мы построили газовые камеры для 400 миллионов индийцев».

И еще прочли мы в американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» следующее:

«Отношения на работе между русскими и индийцами являются прекрасными. Они работают рука об руку, и индийцы делают чудеса, когда научатся чему-либо. Советские администраторы и инженеры в Бхилаи все имеют отдельные рабочие комнаты, но дверь к двери рядом с ними работают их индийские партнеры.

А в Дургапуре, где строят завод англичане, индийские и английские руководители работают на расстоянии шести миль друг от друга. В Руркеле же западногерманские специалисты даже редко заговаривают с индийцами...»

Нам довелось посетить и Руркелу, где строительство металлургического завода велось с помощью фирм Западной Германии. Мы беседовали там с разными людьми и многое видели.

— Вот, — рассказывал нам один человек в Руркеле, — вы видите шрамы от ожогов на моем теле... Нет, это не король какой-нибудь или раджа оставил на мне эти следы за то, что я проявил неповиновение. Я не сделал никакого преступления, моя вина только в том, что мой брат работал у инженера из Западной Германии. Мне сказали, что у этого инженера пропала тысяча рупий, а брат мой уехал. Инженер-немец потребовал от меня, чтобы я сказал ему правду. Я сказал: «Правда то, что он мой брат. А другой правды я не знаю». Тогда инженер позвал своих друзей, тоже из ФРГ, и сказал: «Давайте добудем из него правду». Они сорвали с меня одежду и принесли раскаленные на огне стальные прутья. Раскаленные прутья — о, они могут жечь! Но разве они могут превращать ложь в правду?

...Мы стояли у входа в фешенебельное здание. Нам нельзя было войти внутрь. Мы оба не были немцами, а в дом вход разрешается «только для немцев». Так и написано на вывеске по-английски: «Джермэнс онли».

Это клуб западногерманских инженеров в Руркеле. До нас доносились через окна пьяные голоса, слышались всплески воды. Члены клуба швыряли в бассейн для плавания пустые бутылки.

Вспоминается еще один разговор с индийским инженером из Руркелы. Его звали Базу.

— Эти господа из Западной Германии стараются все скрыть от меня, — говорил он. — Даже простой чертеж обыкновенного подъемного крана... Да что там чертежи! У них не допросишься одолжить на время простой молоток!

...По ресторану, где мы завтракали, разнесся хриплый возглас:

— Двойной виски!!

В десятый раз официант, как стрела, бросается к стойке. Тот, кто кричал, — западногерманский инженер средних лет. Лицо у него одутловатое, красное, как свекла. Он вдруг поворачивается всем грузным туловищем в нашу сторону. С минуту изучает нас обоих, потом переводит глаза на Олеся Бенюка.

— Европеец? Как вы можете сидеть за одним столом с этим... с этим ин... ин... индийцем?

— Да, я европеец. И не только европеец, я из Советского Союза.

Немец одним глотком выпивает виски.

— Я был в России! — хрипит он. — Командовал танком. У меня есть кое-какие счеты с русскими...

— Не советую вам являться к нам снова, чтобы возобновлять счеты...

— А что вы делаете здесь, в Руркеле? — спрашивает он, злобно выпучивая хмельные глаза. Лицо его багровеет.

— Я, кажется, не в ФРГ, чтобы отвечать на подобные вопросы.

— Здесь, в Руркеле, — орет инженер и ударяет кулаком по столу, — у нас свои, германские порядки! Все, что вы, русские, делаете, — пропаганда! — Он качается на стуле, едва удерживая равновесие.

— А Бхилаи — тоже пропаганда?

Немец оторопело молчит.

Домна, построенная Западной Германией, начала работать впустую, так как мартеновские цехи для выплавки стали из получаемого чугуна не были готовы. Их постройка затянулась, в то время как в Бхилаи работы велись с расчетом обеспечить сразу весь металлургический цикл...

Страницы истории

...В середине ноября 1918 года группа индийцев приехала в Москву. Они прибыли, чтобы передать советскому народу привет от 350 миллионов его друзей из Индии.

23 ноября их принял В. И. Ленин. Они довольно долго беседовали с вождем Октябрьской революции.

25 ноября один из них, выступив на заседании ВЦИКа, сказал: «Издалека Индия приветствует вашу победу, которую вы одержали во имя мирового прогресса и в интересах всех пролетариев. Индия снимает шапку перед великой миссией, которая выпала на долю России».

В тот же день делегация передала Я. М. Свердлову, председателю ВЦИКа, меморандум. В нем делегаты описывали жестокость колониального режима в Индии тех дней и заявляли: «Революция в России произвела сильнейшее впечатление на психологию народа Индии. Вопреки всем усилиям Британии лозунг самоопределения глубоко проник в сознание Индии».

Большинство из этих отважных людей, которые в дни, когда попытаться посетить страну социализма значило навлечь на себя ярость колонизаторов, сделали первую брешь в высокой и толстой стене, воздвигнутой англичанами между индийским и советским народами, были из Страны Пяти Рек.

Маленькая квартирка в не очень новом и не очень старом доме. В квартирке всего одна комната. Тоже маленькая. Скромно обставленная. По полу пушистый котенок гоняет блестящий шарик. Когда ему надоедает это традиционное кошачье занятие, он прыгает ко мне на спину и пытается вскарабкаться на плечо.

— Ну, пошел! Ишь разбаловался! — Хозяин сажает котенка на ладонь и внушает ему правила хорошего тона. Руки у хозяина большие, и котенок сидит на ладони, словно в корзинке.

Виктор Васильевич — так зовут хозяина квартиры — высокий человек средних лет, с густющими черными бровями. Сначала кажется, что главная черта его характера — скромность. Об этом я уже много слышал от тех, кто с ним знаком.

Виктор Васильевич Ермилов — слесарь, Герой Социалистического Труда,— работает на московском заводе «Красный пролетарий». Он большой мастер, профессор слесарного дела.

Несколько раз я видел Ермилова на фотографиях в газетах — за станком, в президиуме XXII съезда... Знал, что его, слесаря с «Красного пролетария», избрали членом Центрального Комитета нашей партии. Когда шел к нему домой, то мысленно представлял, как мы будем говорить о его партийной работе, и название очерка было уже готово — «Слесарь. Член ЦК»...

— Ко мне часто приходят иностранные журналисты,— рассказывает Виктор Васильевич,— и чуть ли не каждый задает вопрос: бросил ли я работу на заводе, а если нет, то скоро ли? Я им отвечаю, что не бросил и не собираюсь. Они удивляются. Как так, член ЦК — вдруг слесарь! Они, наверное, думают, что я должен обязательно сидеть в кабинете и решать мировые проблемы. Но чтобы решать, нужно сначала знать. А для этого совсем не обязательно сидеть в кабинете. Мое рабочее место в цехе, а академика Келдыша, например,— в Президиуме Академии наук. Он в своей области силен — в науке. Я рабочий. Заводские дела знаю. А решаем мы те самые мировые проблемы и вопросы все вместе. В том и сила Центрального Комитета, что вместе мы выражаем интересы всего народа. И работа наша, как членов ЦК, не только на пленумах и заседаниях, а каждый день. И у каждого на своем месте.

Перед Ермиловым на столе лежит лист бумаги. Во время разговора он что-то чертит. Видимо, это привычка. Быть может, она идет от работы: в цеху каждый день приходится иметь дело с чертежами. А может, привычка эта сложилась еще в юности.

Жил тогда Ермилов в Елабуге, в Татарии. Учился в профшколе. Друг-приятель был. И была общая мечта. Решили ребята раздобыть лодку и отправиться в путешествие. Сначала по небольшой речке Тойме доплыть до Камы. Потом — по Каме. И каждый день берега будут раздвигаться, река будет становиться полноводнее и шире, пока не вынесет ребячью лодку на волжский простор. Затем — вниз по матушке по Волге. До большого знаменитого города. На строительство громадного тракторного завода.

Ребята долго готовились к этому путешествию и, вероятно, не раз чертили на клочках бумаги маршрут.

Но все получилось совсем иначе. Другая река, бурная и своенравная,— река жизни, подхватила их и привела в Москву. На биржу труда. А оттуда на завод «Красный пролетарий». Начались трудные будни.

Друг-приятель не выдержал. Ушел с завода. Ермилов тоже было решил последовать его примеру. Подал заявление об уходе. Но начальник цеха уговорил. Впрочем, нет, он не уговаривал, просто рассказал о заводе. О том, каким он был и каким будет. О том, как нужны стране те самые «ДИПы», которые они выпускают, что мало их и что приходится покупать за границей.

Ермилов остался. Работает на «Красном пролетарии» уже четвертый десяток лет. Монтирует и испытывает станки высокой точности. Частенько спорит с конструкторами, еще чаще советует им, как исправить ту или иную неувязку в новом станке. Хорошие это бывают споры да разговоры — большая школа, в которой каждый и ученик и учитель в одно и то же время.

О себе Виктор Васильевич опять не говорил. Все по той же причине — скромность. Рассказывал о товарищах. Как помогли они недавно конструкторам исправить недостатки в двух новых типах станков, выпускавшихся для подшипниковых заводов. Так что поди разберись, где тут конструктор поработал, а где — рабочий.

— Был такой случай,— рассказывает Ермилов.— Есть у нас рабочий Байков. Прислали однажды рекламацию на наш станок, кажется, из Швеции. Мол, купить-то купили вашу машину, а она не работает. Послали туда Байкова. Там

О. КУПРИН

Фото А. УЗЛЯНА.

ТАК

Хорошие это споры да разговоры — здесь каждый и ученик и учитель.

На выставке.

Цеховые будни.

Слесарь В. Ермилов (слева) и конструктор А. Альшиц.

Дома с сыном.

встретили его и говорят, что на завод пустить не могут, потому как завод секретный. Как быть? Сел тогда Байков в нашем посольстве к телефону и по телефону руководил работой инженеров там, на заводе. По телефону, можно сказать, ощупал весь станок, и оказался он в полной исправности. А неисправность (он все-таки нашел ее) была пустяковая. Даже нельзя назвать ее неисправностью. Есть там около станка такой шкафчик...— Ермилов рисует его все на том же листе бумаги,— а там тепловое реле. Так вот на это реле тамошние инженеры взглянуть не догадались — и бац, нам рекламацию. А Байков по телефону до него добрался, когда все остальное проверил. Сказал, чтоб посмотрели. Все уладилось в две минуты. Вот какой нынешний рабочий...

И он, Ермилов, такой же: мастер. И не такой же. Потому что нет в мире абсолютно похожих друг на друга людей. А Ермилова отличает еще от многих драгоценное качество — многогранность. Он человек широкого кругозора. Знаток техники. Художник. Философ. Историк. Агитатор.

— На днях позвонили мне из одной московской школы,— говорит мне слесарь-агитатор.— Просили приехать и выступить перед старшеклассниками. Не очень там ребята уважают труд. Потому и учатся без особой охоты. Обязательно надо будет поехать.

— О чем вы им будете рассказывать?

— О чем? Скажу, что не в том дело, где будет трудиться человек, а, главное, как. Что важно человеку иметь побольше знаний. Потому что без знаний жизнь совсем-совсем другая. Бедная. Неинтересная. Иногда кажется, что зря читаешь какую-то книжку, не понадобится в жизни то, о чем там написано. Неверно это. Ничто не проходит напрасно. Все откладывается в памяти. Мир в тебе самом будто расширяется. Ничто и никто не мешает у нас человеку развиваться, кто бы ни был он по профессии. А нам, коммунистам, нужно знать очень много. Коммунист не может, не имеет права отставать от развития техники, науки, искусства. Это точно. На себе испытал.

На столе лежит книга Галины Серебряковой «Похищение огня». Произведение это выдвинуто на соискание Ленинской премии. Я знал, что Виктор Васильевич Ермилов — член Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, а потому не спрашивал его, как он оценивает эту работу писательницы. Нельзя. Но все же немного о «Похищении огня» мы поговорили. Как нелегко создать хорошую книгу о Марксе, какие сложнейшие задачи пришлось решать автору!

Например, полемика Маркса с Прудоном.

— Понимаете, как трудно писать об этом в художественном произведении,— говорил мне слесарь-философ.— Если бы это была просто полемика, тогда бы легче. Писатели всегда ищут конфликтов. Но здесь конфликт особый. Не в том дело, что Маркс своей «Нищетой философии» хотел опровергнуть прудоновскую «Философию нищеты». Маркс изложил основные принципы исторического материализма. Главным здесь была не победа в споре — ее-то можно подать в эмоциональной форме, главное — вклад в теорию. Такое обобщение трудно выразить в художественном образе.

Я не стал спрашивать, удалось ли писательнице решить такую трудную задачу. Об этом Ермилов скажет, когда книгу будут обсуждать в Комитете. А пока речь идет о философии — о космогонии Канта и наивном материализме древних греков.

— Вы знаете, я люблю античных мыслителей,— продолжает слесарь-философ.— Они гораздо мудрее и разумнее своих нынешних земляков — специалистов по этой части.

— Кстати, я ведь был и в Греции и в Италии. Ездил в путешествие вокруг Европы,— теперь говорит слесарь-историк.— Стояли мы у развалин Акрополя в Афинах. Ходят слухи, будто каждый месяц к Акрополю подвозят камни, потому что все хотят взять на память маленький кусочек знаменитой старины. Наверное, так оно и есть. Иначе давно бы уже растащили его туристы по белу свету. Так вот стоял я у древних развалин, и казалось мне, что в тот момент переживаю всю историю. Фидий. Перикл. Война демократических Афин с аристократической Спартой. Только развалины остались от тех времен. Для того, кто не знает об этом, что они, эти развалины? Камни... А если знаешь, так это целый мир, далекий, но интересный.

Виктор Васильевич опять чертит на листе бумаги затейливые фигуры. Вероятно, холм, на котором покоятся руины, быть может, самого большого чуда древности.

— А Неаполь! — Это уже рассказывал слесарь-художник и большой поэт в душе.— Мы подплывали к нему рано-рано утром. Все еще спали. На палубе было пустынно. Солнце только поднималось. Везувий стоял в дымке. Море... Нет, пожалуй, я не видел никогда такой красоты! Не могу передать, какого оно было цвета. Тихое-тихое.

Это было на съезде. В. В. Ермилов — во втором ряду крайний справа.

Я ждал, что вот-вот он скажет что-нибудь вроде горьковского «море смеялось». Он не сказал, потому что не нашел слов. Он чертил на бумаге Неаполитанский залив и Везувий. А слова... Это не так уж важно. Хуже, когда слова есть, а выражать ими нечего.

— Заезжали мы в тот раз в Сорренто,— вспоминает слесарь-социолог.— Нам объясняли, что тамошний климат здорово излечивает туберкулез. Меня поразило, что прекрасный город почти пуст. Мы видели роскошные виллы. Это не для всякого. Приехать сюда — дорогое удовольствие. На всех пристанях нас осаждали итальянцы. Я видел, с каким восторгом они прикалывали себе на блузы значки с изображением Ленина. То же было и во Франции. Мы долго бродили по Парижу. Очень красивый город. Вот смотрите.— И он начал рисовать расположение парижских улиц и площадей.

— А интересные встречи были?

— Интересные? Почти нет. Вокруг рабочих кварталов нас обвозили за три версты. Несколько раз разговаривали с русскими эмигрантами. Один уж очень приставал. Не эмигрант он. Перебежал в сорок втором к немцам, предатель. Он так навязчиво расписывал мне, как ему хорошо живется, что даже при желании трудно было поверить ему. Все клялся: у нас тут демократия, у нас свобода, а в России порабощение личности. Говорил: дескать, останься я во Франции — мог бы каждый день пить коньяк. Глупый человек: демократию и свободу коньяком измеряет.

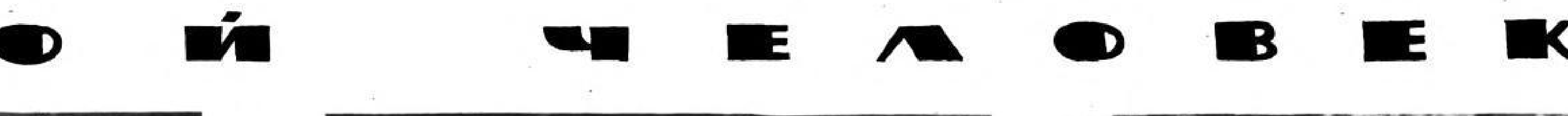
Лист бумаги, что лежит перед Ермиловым, напоминает сложный узор. Тот маршрут, который, наверное, чертили три с лишним десятка лет в Елабуге два парнишки, был куда проще. А здесь схема станка, сработанного в Москве и поставленного в Швеции, Акрополь и Везувий, Монмартр и Севастополь, куда Ермилов ездил смотреть памятник Нахимову, что выдвигали на Ленинскую премию. Тут же еще фигуры и линии, понятные только ему. И за каждой линией события большой и интересной жизни, большие и интересные мысли.

Юношеская мечта поблекла по сравнению с тем, что произошло на самом деле. Река жизни, которая влекла слесаря Ермилова через пороги ошибок и неудач, через водоворот войны, оказалась сильнее и шире самой матушки-Волги, а простор, на который она вывела его,— красивее и сказочнее даже Неаполитанского залива.

...В парткоме завода я встретился с секретарем Екатериной Ивановной Федосовой.

— Да, он член нашего парткома уже много лет,— говорила она.— Виктор Васильевич — наша партийная совесть. Бывает, что и вспылишь, возмутишься не в меру. А он всегда спокоен, объективен и очень человечен. Работа его требует высокой точности. Талант у него есть — микроны рукой чувствует. В таком деле мелочей нет. И в жизни его тоже мелочей нет. На съезде партии говорили о силе положительного примера в воспитании. Так он не просто сила, а силища! А это тоже партийная работа...

Я прощался с Виктором Васильевичем Ермиловым и думал, что не стоит называть очерк о нем «Слесарь. Член ЦК». Ведь не потому же избрали его в Центральный Комитет нашей партии, что он слесарь. Совсем не поэтому. А потому, что он **такой** слесарь. **Такой** коммунист. **Такой** человек.

На борту «Полярного сияния»

Геннадий ФИШ

От Флоре до Олесунна

Через приоткрытый иллюминатор в каюту врывается морской холодок. На потолке играют, трепещут, переливаясь, перебегая, солнечные зайчики — вестники моря. Всем своим существом я включен, неведомо как, в бесшумное движение корабля...

На соседней койке мирно почивает мой спутник Мартин Наг, высокий добродушный парень с русой «фиделевской» бородой.

Ноги его не помещаются на койке, но это ему не мешает сладко посапывать во сне. На Международном конгрессе славистики в Москве, представляя норвежских славистов, Мартин сделал доклад о поэме Маяковского «Про это». Он доказывал, что в русло социалистического реализма вливается и «фантастический реализм»... Некоторые участники конгресса набросились на Мартина за этот новый, неожиданный термин, другие встали на его защиту.

Не вступаю в спор, применимо ли это определение к поэме Маяковского. Сам по себе «фантастический реализм» сейчас меня вполне устраивает. Потому что как же иначе назвать весь этот неделимый чудесный сплав чувств, возникающих от движения корабля, предвкушения радости, которая охватит меня, когда через минуту я увижу море, ощущения всем своим существом так реально осязаемой крутизны невидимых отсюда прибрежных гор!

Далеко за полночь расстались мы с бергенскими друзьями. Слишком поздно отвалил от причалов ганзейской набережной наш теплоход «Полярное сияние», устремляясь в свой двухнедельный рейс до Киркенеса и обратно. Поэтому-то я проспал преддверие знаменитого Согне-фьорда, который, то сужаясь, то расширяясь, извиваясь в горных теснинах, врезается в глубь страны на двести с чем-то километров, и вышел на палубу лишь тогда, когда «Полярное сияние» уже отчаливало от пристани Флоре — самого западного городка Норвегии.

Большие плакаты на пристани, украшенные гербом Флоре (на малиновом щите три рыбы, одна над другой), приглашали на ярмарку-фестиваль, посвященную столетию городка, обещали соревнование моторок и фейерверки. С пристани девушки в ярких узких брючках махали рукой, прощаясь с кем-то, кого я не видел на палубе. А может быть, их приветы относились ко всей команде, ко всем пассажирам, а стало быть, немного и ко мне...

Солнце одаряет ласковым июньским теплом людей на палубе идущего корабля, блестит на медных ручках дверей, а вершины гор, плотной толпой обступивших фиорды, еще зябко кутаются в пуховые платки снега.

С правого борта, выдвигаясь вперед, над самым устьем Нордфьорда высится гранитная стена, отвесный, скалистый обрыв горы Хорнелен (рог). И в самом деле она напоминает упрямый, взбычённый лоб каменного исполинского чудища с выставленным вперед мощным коротким рогом. Впрочем, только отсюда, с уровня моря, этот рог кажется коротким, на самом деле в нем не одна сотня метров. А сама каменная громада, у подножия которой наш большой теплоход, внезапно утеряв все масштабы, кажется режущим воду малюсеньким жучком-плавунцом, взметнулась вертикально к небу почти на километр.

— Это Хорнелен? — проверяя себя, спрашиваю я почему-то шепотом вышедшего на палубу молодого норвежца — почтового чиновника на «Полярном сиянии». Нас с ним познакомили вчера вечером на пристани Бергена общие друзья.

— Да. Хорнелен. Сколько раз я проплываю мимо этой горы и никак не могу привыкнуть к такой красоте! — также почему-то шепотом отвечает он мне.— Здесь много бед приносят горные обвалы. Поэтому вы тут никогда не услышите сирены, и ни одно судно не станет гудеть поблизости этого фиорда... Но то сирена, а почему мы говорим шепотом? — спохватывается он.— Я полагаю, из уважения к красоте... Она требует тишины.

Но тут к нам подходит американец средних лет, как положено, в клетчатых гольфах, роговых очках, фотоаппарат на ремне через плечо. Я заметил его еще на пристани Флоре, когда он чуть не отстал от теплохода и вскочил на трап в самую последнюю секунду.

— Во Флоре я не мог нигде найти ни лавки, ни бара, где продается спиртное... Скажите, пожалуйста, а в Молой можно купить виски? — спрашивает он.

— После Бергена следующий магазин винной монополии только через километров пятьсот — в Тронхейме. Там мы будем завтра утром,— все еще полушепотом отвечает почтарь.

Но только что поднявшийся на палубу мой бородатый друг Мартин, любящий закусить и не дурак выпить, с ходу «нокаутирует» американца:

— В Тронхейме вы никакого виски не купите! Завтра троицын день! Купить можно будет только в Буде, но это еще километров пятьсот на север от Тронхейма...

— Не может быть! — возмущен американец.— Красота кругом — и вдруг такой дефект!..

— Нет, до Буде виски вам не купить,— добивает американца Мартин.— Это так же верно, как то, что ни один смертный не взберется на вершину Хорнелена с этой стороны.

— Однако есть легенда, что король Улаф, спасая жизнь своего раненого воина, вскарабкался на эту вершину. Правда, он был святой,— улыбаясь, говорит почтарь.

— Не может быть! — все еще не веря, повторяет американец.

...У следующего причала, в курортном городке Молой, который известен тем, что на рождество сорок первого года стал ареной жестоких боев между налетевшими с моря группами «командос» и немецкими оккупантами, а ныне славен тем, что занимает третье место в стране по вывозу свежей рыбы, «Полярное сияние» стояло всего лишь полчаса. Американец, в поисках виски изъездивший на такси весь городок, вернулся на теплоход несолоно хлебавши...

И снова за кормой, плавно планируя, кружатся ширококрылые чайки, и снова вскипает за нами пенный след.

Диву даешься, по каким это приметам среди лабиринта заливов, бухт и бухточек, фиордов, проливов, среди этого беспорядочно разбредшегося стада бесплодных утесов, каменистых островков и островов, облаченных в зеленый наряд, отыскивает лоцман коридор для нашего «Полярного сияния».

Нет, не случайно народ называет эти островки «кальве» — телята. Они действительно похожи на стадо детенышей, которые плывут за своей матерью — материком... Но и хребты материковых гор, кажется, не стоят на месте в этом лабиринте, а тоже движутся. На самом-то деле горы стоят на месте, а это среди каменного первозданного хаоса шхер, на зеленом, прозрачном нейлоне глубоких тихих вод, вышивая свой путь пенистой белой ниткой, прокладывает курс теплоход.

И тишина. Такая неправдоподобная, что ждешь: вот-вот нагрянет вихрь, подымет волну и закрутит, забурлит, закачает. Но его нет и нет, и тишина длится, длится, и кажется уже неправдоподобной не она, а то, что там, за грядой островов, вырастающих защитной стеной слева, даже в самую тихую погоду накатывает океанская волна. Здесь же, в этом сотворенном природой, словно в подарок норвежцам, коридоре между островами и материком, тихо даже в шторм.

Часа через три такого скитания по узким проливам между островами «Полярное сияние» бросает чалки у пирса Олесунна — города, построенного в море, на трех островах.

«Сельдь идет!»

Этот возглас, говорят, производит в Олесунне впечатление сигнала боевой тревоги. Весь город подымается на ноги. Но сейчас сезон окончен, день будний, фабричный люд занят на предприятиях, и улицы пустынны.

Об Олесунне и его сынах и дочерях, о днях и трудах их можно много чего порассказать. Но как наседка своим кудахтаньем сзывает под крыло цыплят, так первый гудок теплохода уже требует разбредшихся по городу пассажиров. И я успеваю только занести в свою тетрадь надпись на пьедестале памятника, о котором никто нам ничего не говорил. На каменный постамент водружено странное, почти шарообразное суденышко с глубоким килем и невысокой мачтой. Это особая конструкция спасательной лодки, созданной по чертежу Арчера, того самого, который строил и нансенский «Фрам». Чтобы доказать ее непотопляемость — об этом говорит надпись на пьедестале, — олесуннец Уле Бруде и трое его земляков (имена их перечислены) в 1904 году совершили на этой лодке переход через Атлантический океан, длившийся четыре месяца...

Да, у «Кон-Тики», я вижу, были достойные предшественники...

У самой пристани, на гладкой бетонной стене, единственной уцелевшей стене пакгауза, разрушенного бомбежкой, школьники вывели надпись: «Навсегда нам даются одни лишь утраты».

— Это строка из Ибсена,— говорит Мартин.

И над философической строкой выведена другая, рекламная: «Соки без сахара — на сахарине».

В Олесунне последним на трап взбегает запыхавшийся американец. И здесь ему не удалось раздобыть ни капли.

Мартин, сочувствуя страдальцу, советует зайти в Мольде в гостиницу и там в ресторане (конечно, это будет раза в четыре дороже, чем в магазине) пропустить стаканчик-другой.

— Дороже? Это не имеет значения! — Растроганный участием, американец энергично пожимает руку Мартину.

— Ох, и напьюсь же я в Мольде, как дочь Черчилля!

И вот уже Олесунн за кормой. Фигурки девушек, машущих на пристани платками, становятся все меньше и меньше.

Пассажиры потянулись в салон ресторана. «Закон ленча» — второй завтрак — на борту теплохода соблюдается так же строго, как и на суше. И мы с охотой подчиняемся ему.

На вкладке рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Мольде — «город роз»

Горы обступили долину с севера и запада и заслоняют Мольде от холодных ветров. Здесь всегда тепло. Круглый год что-нибудь да цветет. Не случайно Мольде называют «городом роз». Но с палубы теплохода видны не розы, а высокие кусты сирени на улицах городка, обращенного своим лицом к фиорду. Огромные каштаны

В фиордах Норвегии.

Вечер.

То и дело попадаются туристы, фотографирующие Норвегию.

«Огонек».

В Фрогнерпарке.

На улицах Осло.

В утреннюю смену.

У берегов Норвегии.

На пароходе из Бергена с нами ехала группа норвежских школьниц. Они направлялись в туристский поход, и когда они вышли в Тронхейме, это оказался целый вьючный караван.

ж у ко-
олевского
дворца.

В городском парке Осло.

Домик Грига в Бергене.

На набережной Бергена.

торжественно поднимают свои стрельчатые белые свечи... Они плодоносят здесь. И это на широте онежского города Повенец, о котором в старину сложена была пословица «Повенец — миру конец»! Теплый север! Норвежцам следовало бы петь благодарственные гимны жизнетворящему Гольфстриму...

Гора Мольдегай, у подножия которой рассыпал свои строения городок, не так уж высока — всего-то с полкилометра,— но она фигурирует в пьесе Ибсена «Женщина с моря», и поэтому как-то пристальнее разглядываешь ее...

К пирсу подходит автобус. На нем сейчас поедет экскурсия пассажиров нашего теплохода в Кристиансунн. Там их часа через четыре опять примет на борт «Полярное сияние».

Выдвигаются сходни. Первым устремился на берег наш старый знакомый, томимый жаждой американец. Вслед за ним по сходням шумной стайкой стекает на берег экскурсия старшеклассниц, школьниц из Бергена. Свернутые спальные мешки за плечами красноречиво говорят о том, что владелицы их не собираются пользоваться юношескими туристскими отелями. Потом степенно выходят и другие пассажиры. В автобус усаживаются те, кто хочет до следующей остановки теплохода добраться через перевалы по сухопутью, через проливы на паромах. Ну, а мы с Мартином идем к гостинице «Александра», чтобы взять у портье план городка... У дверей ее сталкиваемся с американцем. Он разочарован. Больше того, возмущен!.. Оказывается, ресторан отеля имеет право продавать спиртное лишь после трех часов пополудни!..

Американец с отчаянием машет рукой и, придерживая свой фотоаппарат, бежит к нервно сигналящему автобусу...

По улицам Мольде в детстве ходил в школу Бьернстьерне Бьернсон. Во многих книгах этого прославленного писателя-трибуна мольденцы находят штрихи здешней жизни...

Александр Хьелланн, знаменитый прозаик, родоначальник норвежского критического реализма, был амтманом мольденского округа,— по-английски это шериф, порусски — уездный начальник, что ли?

Бьернстьерне Бьернсон подарил родному городу бюст Хьелланна, который установлен ныне в городском парке...

Из гостиницы «Александра» выходит парочка. Высокий, ростом почти с Мартина, широкоплечий господин в дымчатых от солнца очках, правая рука его на плече у молоденькой дамы в васильковой косынке, в левой — поводок, к противоположному концу которого прицеплена низенькая, почти распластанная над тротуаром собачонка.

Не знаю, написал ли Александр Хьелланн свой рассказ «Верный» до тех пор, пока стал «властью» в Мольде, или после, но, во всяком случае, рассказ этот, как говорится, возымел свое действие... Герой его возмущался тем, что и пожилая дама, которая держит свою собачку в мешочке с шитьем, и владелец полудикого пса размерами с льва, приносящего людям уйму беспокойства, платят за своих собак одинаковый налог. Налог должен исчисляться по весу собаки, ратовал он.

Копенгагенский муниципалитет словно внял сетованиям героя Хьелланна, и ныне налог на собак в столице Дании исчисляется, правда, не по весу, а по их росту. И что же, собаки в обход закона стали расти не в высоту, а в длину!

Мы подымаемся вверх по склону, то и дело останавливаясь, чтобы, обернувшись, посмотреть на веселый городок, похожий на горсть красных, белых, голубых бус, которые великан рассыпал по холмам, и на Ромсдальские горы — на другом берегу фиорда.

До чего же они красивы! Словно одна за другой поставлены великанами несколько гигантских пил, и зубья их светятся на солнце. Или нет, это при сотворении мира здесь бушевало первозданное море и волны дохлестывали до луны, срывали с места материки, и вдруг внезапно море, превратившись в камень, замерло.

Этих каменных волн, пена на гребнях которых на большой высоте превратилась в снег, насчитывается здесь восемьдесят семь. Одна из таких волн-вершин, вознесенная на высоту 1 843 метра, называется Рэдвен, поблизости от нее Ромсдальский рог вознесен на полторы тысячи метров, и постепенно, идя навстречу живому еще морю, каменные волны становятся все ниже, пока самая низкая из них на границе суши и моря не выбрасывает свой гребень на высоту лишь в три четверти километра.

Глядя на Ромсдальские горы, я полностью поверил старому досужему немецкому ученому, который рассчитал, что если бы горы Норвегии равномерно распределить по поверхности Европы, то вся Европа стала бы выше на двадцать сантиметров... Почему только на двадцать, а не больше? Да потому что, отвечал немецкий педант, если бы так разложить Альпы, то они приподняли бы уровень Европы лишь на двенадцать сантиметров.

На этой самой дороге, по которой мы с Мартином идем, лет семьдесят назад, спускаясь с Мольдегай, Энгельс увидел двух «нагулявших жир» немецких адмиралов и, переглянувшись со своим спутником, известным ученым-химиком Шорлеммером, не мог удержаться от смеха. Втиснувшись в маленькую норвежскую колясочку, в которой едва хватало места для одного, так что сзади видны были лишь эполеты и треуголки, два адмирала объезжали город с визитами.

Возвращаясь с прогулки на Нордкап, Фридрих Энгельс побывал в Мольде. Но в это же время «осчастливил» Норвегию своим посещением Вильгельм Второй, и поэтому, чтобы избежать полицейских придирок, Энгельс сохранял свой маршрут в строгой тайне.

Несмотря на все старания Энгельса избежать нежеланной встречи, пароход «Цейлон», на борту которого он был пассажиром, пришел в Мольде как раз в тот день, когда там бросила якоря императорская эскадра. К счастью, «подающего надежды молодого человека», сообщал Энгельс в письмах к друзьям, там не было. Он отправился прогуляться на миноносце в Хейрангерфиорд. Английские газеты писали, что молодой кайзер должен ездить только в Норвегию, потому что там он может разыгрывать моряка, не рискуя заболеть морской болезнью...

Поднявшись на гору, Энгельс встретился с группой молодых лейтенантов и гардемаринов флота... Они громко разговаривали и безостановочно острили. Энгельс прислушался, и ему показалось, что он снова в Потсдаме. Преобладал старопрусский диалект. Все тот же, что и при царе Горохе, старый «гвардейский язык», все то же солдафонство, и столь любимые прапорщиками остроты, и те же лейтенантские анекдоты и выкрутасы, как будто дыхание истории их и не коснулось. Так последний раз в жизни увидел Энгельс живое воплощение столь омерзительного его душе прусского милитаризма.

Вильгельм Второй, словно следуя указанию английских остряков, превратил этот маршрут в традицию, и ежегодно, до первой мировой войны, совершал со своей эскадрой морскую прогулку вдоль берегов Норвегии.

Один только раз, когда в 1905 году Норвегия объявила о своей независимости, об отделении от Швеции, чтобы никто не подумал, что он одобряет «самовольство», кайзер изменил обычный маршрут своей летней морской прогулки. Он пошел с эскадрой к берегам Швеции. И норвежцы это справедливо посчитали демонстрацией против независимости их родины. Но на следующее лето морские прогулки по старому маршруту возобновились. Даже в роковом июле 1914 года, накануне ультиматума, который Австрия предъявила Сербии,— ультиматума, развязавшего мировую войну,— Вильгельм Второй не отказался от традиционной продолжительной прогулки к берегам Норвегии. Она должна была послужить маскировкой для немецкой военщины. Так инсценировалась «непричастность» Вильгельма к австрийскому выступлению, которое на деле он сам провоцировал и торопил с первого же дня конфликта.

...В начале века по Норвегии путешествовал русский журналист Сергей Орловский. «Смотришь на красивый городок Мольде, на голубой залив, на яркую зелень рощ, и садов, и пастбищ, и не можешь поверить, что в этом райском уголке гнездится такая страшная болезнь, как проказа,— ужасался он.— Но это так. Несколько тысяч человек больны здесь ею. По всему побережью, вплоть до Бергена, люди заболевают проказой. Некоторые семьи вымерли от нее».

...С тех пор прошло полвека. Не так уж много. Одна человеческая жизнь — и нет в Мольде, нет в Норвегии прокаженных. Последний, один-единственный, долечивается в Бергене, где доктором Хансеном открыта бацилла — возбудитель проказы.

Школы, где учился Бьернсон, нет. Отель «Александра» недавно отстроен заново... Его, как и весь центр Мольде (больше двухсот домов), разрушила, сожгла германская авиация в апреле сорокового года. Когда в Мольде был расквартирован штаб отступавшей норвежской армии и находилась ставка короля Хокона.

Гардемарины, которых встретил на Мольдегай Энгельс, командовали теми кораблями, которые пускали ко дну норвежцев в годы первой мировой войны. Сыновья этих гардемаринов и лейтенантов, бросая в концлагеря единомышленников Энгельса, осуществляли вторжение в Норвегию, планировали и командовали бомбежкой Мольде и других портов норвежского побережья.

Медленно отплывает «Полярное сияние» от набережной Мольде с уцелевшим во время бомбежки пакгаузом, на стене которого поблескивает вывеска «Ибсен и компания». Широкоплечий высокий норвежец с крохотной собачонкой на поводке машет с берега рукой даме в васильковой косынке — новой пассажирке нашего теплохода.

А теплоход уже поворачивает на запад, к морю, еще закрытому от нас гористыми островами...

Я перехожу на корму, смотрю на отступающий Мольде, домики которого издали кажутся совсем игрушечными, и думаю: от проказы избавились, а от войны?

А ведь чтобы навсегда уничтожить во всей стране проказу, истрачено куда меньше средств, чем на то, чтобы разбомбить здания этого городка, превратить его в пепел и руины.

«Полярное сияние», поворачивая на север, входит в пролив между островами и материком.

Слева на острове видны домики рыбачьего поселка Бьернсунд, справа на материке, на мысе, живописно раскинулся другой рыбацкий поселок — Бад.

Снова вышел на палубу подышать воздухом пароходный почтмейстер...

Увидев, что я смотрю на рыбацкий поселок, он говорит:

— О, Бад—место историческое! Здесь в 1533 году последнему норвежскому архиепископу, Улафу Енельбриксону, удалось собрать представителей крестьянства и буржуазии для избрания короля. Это была тогда последняя и, к несчастью, неудачная попытка отстоять нашу национальную независимость от датского владычества.

— Это было здесь?! В Бад? — удивилась дама в васильковой косынке.— А я и не знала!

Через сколько унижений и бед пришлось пройти народу, ценой каких огромных усилий — и то лишь через двести восемьдесят лет, в 1814 году,— добились норвежцы восстановления своего государства! И после этого еще девяносто лет борьбы и усилий, пока Норвегия не стала полностью суверенной. Об этом полезно вспомнить, особенно сейчас, когда многие норвежские политики готовы окончательно променять право первородства, самостоятельность своей родины на чечевичную похлебку пребывания в НАТО, где командуют те же вояки, которые не так уж давно бомбили Мольде.

Не думаю, что с этими политиками согласятся и жители Кристиансунна, семьсот двадцать четыре дома которого сровняла с землей немецкая авиация. «Полярное сияние» доставит нас к его причалам через полтора-два часа.

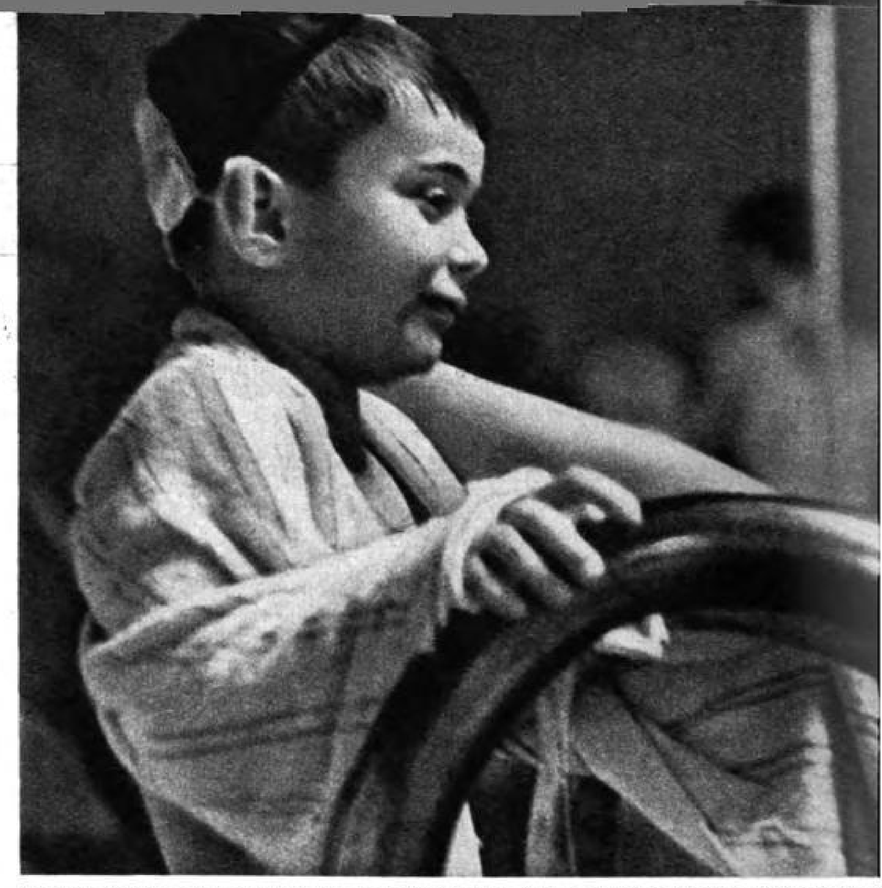
— Жалко, что вы так редко выходите на палубу,— говорю я почтарю.

И он отвечает мне:

— Я прочитал ваше интервью в бергенской газете. Когда выдастся у вас свободная минутка, прошу, загляните ко мне в почтовую каюту... Хочется узнать о советской жизни из первых уст.

На дворе зима, но за стенами этого дома ребят ждет теплая по-летнему вода.

Володе Фирсову, чемпиону Вооруженных Сил и победителю юношеских соревнований по плаванию на приз газеты «Комсомольская правда» 14 лет, а Мише Оконникову — всего шесть. У него еще все впереди.

Г. ИВАНОВСКИЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

ЛЕТО В МА

Эти снимки сделаны в бассейне Центрального спортивного клуба армии в один из обычных зимних дней.

Всю зиму под сводами пятидесятиметрового бассейна звучали детские голоса. Армейские тренеры большое внимание уделяют работе с ребятами: ведь в них будущее советского спорта. Вот почему, когда семь лет назад бассейн вступил в строй, сразу же стала действовать детская спортивная школа.

На первых порах в этой школе было всего 50 учеников. Теперь в ней занимаются 800 человек! А сколько ребят за эти годы прошли через бассейн, научились хорошо плавать! Разве всех сочтешь!

До прошлого года армейские пловцы никогда не завоевывали командного первенства в чемпионатах страны. А теперь завоевали. И победа эта была одержана в основном воспитанниками детской спортивной школы плавания ЦСКА. Возраст молодых пловцов не превышает 15—16 лет. Вот Надя Торчинская (ее тренировала К. Г. Васильева), которая завоевала серебряную медаль в плавании на 400 метров вольным стилем. Евгений Черкезов — питомец заслуженного тренера СССР Г. П. Чернова. На дистанции 200 метров баттерфляем, состязаясь с мужчинами, этот мальчик уступил лишь одному — рекордсмену страны Валентину Кузьмину.

Как надо готовить юных пловцов? Ответ на этот вопрос не сразу нашли самые опытные тренеры армейского бассейна. Не раз среди них разгорались жаркие споры. Можно утверждать, что все эти семь лет прошли в беспрерывных поисках. Сколько просмотрено специальных кинофильмов, изучено статей и книг, в которых описывается опыт подготовки сильнейших пловцов мира—австралийцев, японцев, американцев, венгров! Большое значение в тренировке пловца имеет его общефизическая подготовка. Но в какой мере можно использовать различные виды спорта, имея дело с малышами? Ведь здесь так легко ошибиться!

И теперь мы можем смело утверждать, что тренеры детской спортивной школы плавания ЦСКА ответили на большинство стоящих перед ними вопросов. За эти годы они создали свою систему подготовки юных пловцов. Самые маленькие их питомцы — шестилетние — начинают занятия в «лягушатниках», маленьких бассейнах, где температура воды достигает 30 градусов. Там они учатся правильному дыханию в воде, что является основой подготовки

Сережа Осмирка уже три года занимается с тренером Л. Н. Дубровиной. Он проплывает теперь 50 метров вольным стилем за 44 секунды.

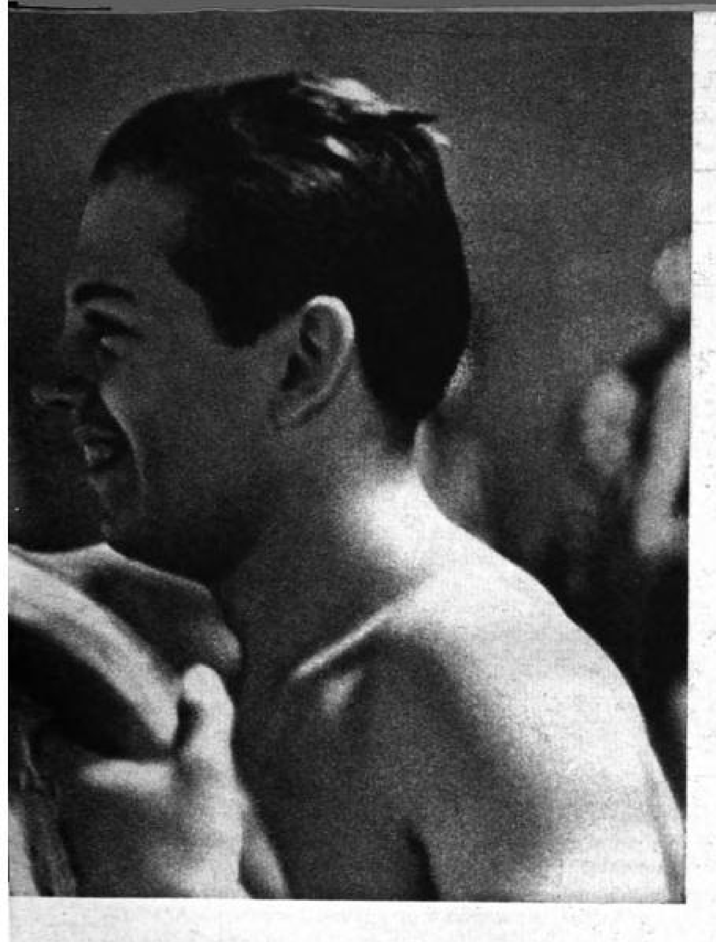

Для того, чтобы плавать быстро, надо хорошо научиться работать не только руками, но и ногами.

До начала урока осталось еще пять минут. Оле Букиной (справа) есть о чем поговорить со своей сверстницей Мариной Пегачевой. Ведь Оля уже спортсменка с трехлетним стажем, а ее подруга всего лишь третий раз в бассейне.

Маленькие пловцы знают: прежде чем взять старт, надо хорошо помыться в душе. →

РТЕ

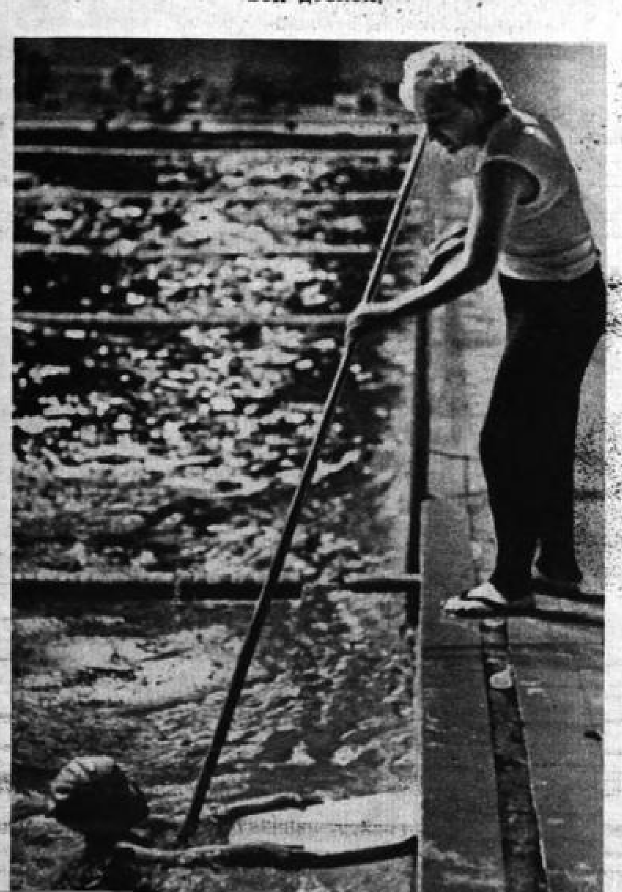
пловца. Пловец, который не умеет дышать, никогда не научится плавать. Потом малыши учатся держаться на воде, постепенно осваивают основные движения и уже через два месяца начинают плавать кролем.

До одиннадцати лет молодые пловцы изучают все основные виды плавания, а затем начинают «специализироваться» в том виде, где их успехи наиболее ощутимы.

Так из года в год повышается мастерство молодых спортсменов, и наконец мы слышим о них на крупнейших соревнованиях страны. Там четырнадцатилетние и пятнадцатилетние мальчики и девочки как равные соревнуются со взрослыми пловцами.

Плавательный сезон в разгаре. С раннего утра до позднего вечера пенится зеленая вода в кафельных берегах армейского бассейна.

Тренер Т. И. Тальянская объясняет семилетней Анне Корсун, как надо пользоваться пенопластовой доской.

Зап

Анатолий **КАЛИНИН**

На дне поймы — многоцветной рябью побеленные охрой, синькой, киноварью и парижской зеленью домики станиц и хуторов, полевых станов и животноводческих ферм. Между ними — серая пряжа дорог. В молодую луговую траву вкраплена более темная зелень рощ и лесов. Уже заметно поредели они, все шире между ними белые поляны свежих пеньков и пней. Но и им не позволено будет уйти под воду, чтобы не выбросили они там молодых ветвей. В сверкающей пыльной мгле их корчуют сейчас там бульдозеры и другие могучие машины, выкапывают с узлами корней, а огонь довершает дело уничтожения.

Ни днем, ни ночью не затухают костры. А выше дымной завесы над порубленным лесом, над разоренными гнездовьями траурным шарфом колышутся в небе несметные стаи птиц.

В полдень солнечного дня отчетливей по окружности горизонта волнистая линия холмов. Ближние, сизые от полыни, кажутся серебряными, более дальние — синими, а совсем далекие — нежно-голубыми, почти прозрачными. Вровень с их сливающейся с небом волной и должна будет подняться вода, когда ее перехватит у выхода из котловины пояс намытой земснарядами из донского песка плотины.

...По дощатым мостикам, вздрагивающим на поплавках, Греков перешел с берега на земснаряд и увидел знакомого вахтера Усмана. Значит, на земснаряде сегодня, кроме постоянного экипажа, находился и кто-то из посторонних. Тут же Греков и увидел, кто этот посторонний.

Смуглый парень с вьющимися волосами стоял на корме, облокотившись на перила, и смотрел вниз, туда, где рыхлитель фрезы, подрывая песчаный откос, взбаламутил воду. Сейчас донская вода была темной, почти черной потому, что ее вместе с песком и галькой закружили могучие лопасти и ненасытно сосала труба. Но и там, дальше, куда теперь она, позвенькивая в трубах галькой, несла песок, на картах намыва, она оставалась все той же донской водой, сохраняя свои не передаваемые никакими словами запахи и глубинную свежесть.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9, 10.

— Здравствуйте, Коптев,— поравнявшись с черноволосым парнем, сказал Греков.

Тот медленно оглянулся.

— Здравствуйте.— И, отвернувшись, опять стал смотреть на воду.

И если минуту назад Греков еще сомневался, знает он или еще не знает о решении, принятом Автономовым по его делу, то теперь уже не могло быть сомнений: знает. Вот и отгадка, почему на этот раз он так холодно взглянул на Грекова и сразу же отвернулся, не захотев вступать в разговор.

И самое главное, ничем Греков не смог бы его теперь обнадежить. После решения, принятого Автономовым, это невозможно. Не вступив с Коптевым в разговор, Греков молча обошел его и пошел дальше по объятой дрожью палубе к стеклянной рубке командира земснаряда.

Но у командира, приложившего при его появлении пальцы к козырьку своей белой фуражки, он все же поинтересовался, взглянув на одинокую фигуру у перил:

— Знает?

— Знает,— ответил командир и, поколебавшись, добавил со строгим выражением на еще юном, румяном лице: — Хотя и не положено начальство критиковать, но, по-моему, товарищ Автономов напрасно его доверия лишил. Если Коптев доверия не заслуживает, то кто же тогда заслужил? Такого механика у нас и с дипломом не найти. Как что серьезное, приходится его из зоны вызывать. И сегодня, если бы не он, нам бы ни за что эту кашу не расхлебать.

— Какую кашу?

— Разве вы не знаете?

И, по лицу Грекова поняв, что тот ничего не знает, командир земснаряда стал рассказывать, как рано утром лопнула муфта на главной машине и как за какие-нибудь два часа удалось предотвратить многодневный простой. Слушая, Греков с недоверием смотрел на его круглощекое лицо. Если лопнула муфта подшипника, ее можно было только заменить новой, а для этого надо постоять не меньше двух-трех дней.

Командир земснаряда засмеялся.

— Вы мне не верите.

— Не верю,— признался Греков.

И еще больше румянея от испытываемого удовольствия, командир ухватил его за рукав и потащил в машинное отделение. С недоумением Греков увидел там муфту, обмотанную каким-то замасленным тряпьем.

— И все-таки это был выход,— пояснил командир.— Конечно, это не капитальный ремонт, но, во всяком случае, новое русло Дона мы успеем без перерыва размыть. А наши механики ни за что бы не догадались, если бы не он...

— Коптев?

— Коптев.

Греков оглянулся на неподвижную фигуру у перил и опять перевел взгляд на командира.

— Он это сделал до...

Командир догадливо перебил:

— Нет, он уже знал об отказе.

...И уже выехав на шоссе, Греков продолжал оглядываться на знакомую фигуру. Как склонилась она, перегнувшись через перила к воде, так и не пошелохнулась. Как будто приворожила ее к себе эта вода, взбаламученная могучей фрезой под откосом донского яра.

И самое главное — ничем уже Греков не мог ему помочь. Вместе с Цымловым он считал расконвоирование Коптева уже решенным, оставалось лишь соблюсти формальности, и вдруг все затормозилось. И не от руки кого-нибудь, а от руки Автономова. Какие же соображения могли двигать им, когда он бестрепетно накладывал свою резолюцию: «отказать!»? Вот и командир земснаряда сказал, что если Коптеву отказывать в подобном доверии, то кому же тогда вообще верить? Как же оказывается доверие тем, у кого за плечами преступления куда посерьезней? А Коптев не какой-нибудь убийца и бандит, а попал на скамью подсудимых из колхоза, где работал шофером. Цымлов говорил, что получил Коптев свои 10 лет по Указу от 7 августа в то время, когда этот Указ был особенно в моде и суды, руководствуясь им, придерживались максимальных сроков. Да и по всему поведению Коптева можно было заключить, что ошибка, совершенная им, была случайной. Достаточно взглянуть на его руки.

Отмечался бы всего два раза в сутки — утром и вечером — у дежурного в зоне, а все остальное время чувствовал себя свободным. Даже мог бы вытребовать к себе жену, если она у него есть, и поселить ее где-нибудь в поселке на квартире. Обычно администрация смотрела на это сквозь пальцы. И Греков почти не помнил случаев, чтобы кто-нибудь из расконвоированных, злоупотребив доверием, нарушил дисциплину, а тем более попытался бежать. А ведь были среди них и осужденные за воровство, за крупные растраты. Были и профессиональные рецидивисты. Не предоставлялась, правда, эта льгота «мокрушникам». Но даже и рецидивисты ценили оказанное им доверие. Торжествовала истина, что человек на доброе отзывчивее, чем на злое. И в каждом человеке обязательно есть доброе, пусть под коростой злого. У одного эта короста тоньше, а у другого толще, и, чтобы пробиться сквозь нее, необходимы терпение и время.

Но если иногда и на рецидивистов распространялась эта льгота, то почему же лишать ее Коптева? Все, что было известно и что могло быть известно о его настоящей жизни, говорило в его пользу, и из того немногого, что

ретная зона

Роман

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

успел узнать Греков о его прежней жизни, ничто не могло послужить помехой. Шофер и тракторист в колхозе, а к людям этих профессий Греков еще с дней коллективизации питал склонность. В тридцатом году самому пришлось срочно овладевать фордзоном.

Шофер, который должен был отвезти Грекова домой, очень удивился, когда его начальник внезапно приказал у невысокого здания под шиферной крышей:

— Стоп! Дальше мы не едем.

Начальник архива принес Грекову требуемую папку и оставил его в своем кабинете с панелями, окрашенными под цвет дуба. От них еще исходил масляный запах.

Сдержанно шелестели странички в комнате. Экономный народ, эти судейские работники, думал Греков, не любят изводить государственную бумагу. На восемнадцати страничках рассказана вся жизнь Дмитрия Афанасьевича Коптева. Полстранички приходится на каждый год жизни. С первых же строк узнал Греков, что рождения Коптев 1914 года, и мысленно разделил 18 на 36. Одного, можно сказать, с Грековым поколения человек, всего на четыре года моложе. Не может быть, чтобы не побывал он и на войне. Да, служил, отвечает на вопрос следователя Коптев, с июня 1941 года. Парень, оказывается, родился в сорочке или под звездой, всю Отечественную прошел и вернулся домой невредимым.

Так как же после этого мог он пойти на то, о чем с неумолимой точностью свидетельствовали эти фиолетовые строчки, впечатанные в тускло-желтую бумагу: «...Но, несмотря на упорное запирательство обвиняемого по данному делу гр-на Коптева Д. А. и категорическое отрицание им своей вины, народный суд 3-го участка в своем заседании от 29 августа 1950 года, на основании материалов предварительного следствия, показаний свидетелей и других прямых и косвенных улик, поименованных в протоколе, установил, что хищение социалистической колхозной собственности в количестве 3 112 (трех тысяч ста двенадцати) килограммов зерна было произведено им с тока колхоза с помощью колхозной грузовой автомашины ГАЗ-АА № РК 376-20. На основании вышеизложенного и руководствуясь статьей...»

Греков закрыл папку. Он уже успел назубок выучить ту статью, которой обычно руководствовались суды, сообразуя меру наказания с мерой подобных преступлений. И никто не вправе был бы сказать, что мера наказания, избранная этим судом, превышает меру того преступления, которое совершил Коптев. Нет! Не на какие-нибудь пять или десять килограммов зерна польстился он, за которые люди, тоже случалось, отсиживали немалые сроки.

Со вздохом вернул Греков начальнику архива желтую папку. Вот и поддайся после этого внезапной симпатии к человеку, которая неизвестно по какой тропе вдруг прокрадывается в сердце. Все не так просто. У человека может быть наивное открытое лицо с незамутненным ложью взглядом, и оказывается, что это только заслонка, за которой прячется его подлая душа. Могут быть у человека и хорошие руки с короткими сильными пальцами, с костяными наростами на коже ладоней — и этого еще недостаточно, чтобы правильно оценить его и понять.

Полезный урок преподал ему Автономов. Только теперь стало ясно Грекову, что он вкладывал в свои слова: «А тебе бы не мешало почитать...» В жизни все не так просто, и Греков уже не раз замечал у Автономова этот орлиный взгляд на людей, который помогал ему быстрее других постигать истинную сущность вещей. Впрочем, в деле с Коптевым и не требовалось особо проницательного взгляда. Все как на ладони.

И успокоенный мыслью о том, что в жизни все тайное так или иначе становится явным, а долг платежом красен, Греков покинул серое здание под шиферной крышей.

В калитке ему с разбегу бросилась на шею Таня, потерлась атласной щечкой о его,— черствую, припудренную пылью, заглянула в его глаза своими серо-зелеными, как у матери, глазами и, ящеркой соскользнув на землю, зашагала рядом, рассказывая обо всем, что случилось за день. Случалось обычно за долгий летний день немало, а сегодня всяких происшествий и новостей было особенно много. Во-первых, выяснилось, что у Лапки, серой кошки, которую оставили Грековым в наследство старые хозяева этого дома, уже давно живут на чердаке два котенка: один весь белый, только на боку черное пятно, а другой, наоборот, черный, но с белым воротничком и в носочках. Мама полезла на чердак, увидела их и позвала Таню. Но котята совсем дикие, и Лапка к ним никого не подпускает. Алеша сделал себе две донных удочки и ушел с Вовкой Гамзиным на затон, где стоял земснаряд, чтобы наловить для котят рыбы. Там ее можно ловить прямо руками.

— Зачем же ему тогда удочки? — смеясь, спросил Греков.

— Настоящие рыбаки руками никогда не ловят,— безапелляционно заявила Таня.

И это еще не все были новости. Об одной из них Греков узнал, как только Таня бросилась ему навстречу в калитке, и он заметил на ней новый сарафан с украинской вышивкой внизу вокруг загорелых ножек. За этим вышиванием он иногда заставал вечером дома Валентину Ивановну. А другую новость Таня крепко держала в руке — корзиночку из белотала, не покрашенную, купленную в магазине, а только что сплетенную каким-то мастером. Лоза на корзинке была еще зеленая.

— А это у тебя откуда? — удивился Греков.

— Тебе тоже нравится? — спросила Таня, поворачивая в руках корзиночку и любуясь ею. В корзинке уже успела устроиться ее кукла.— Ее мне сплел казак.

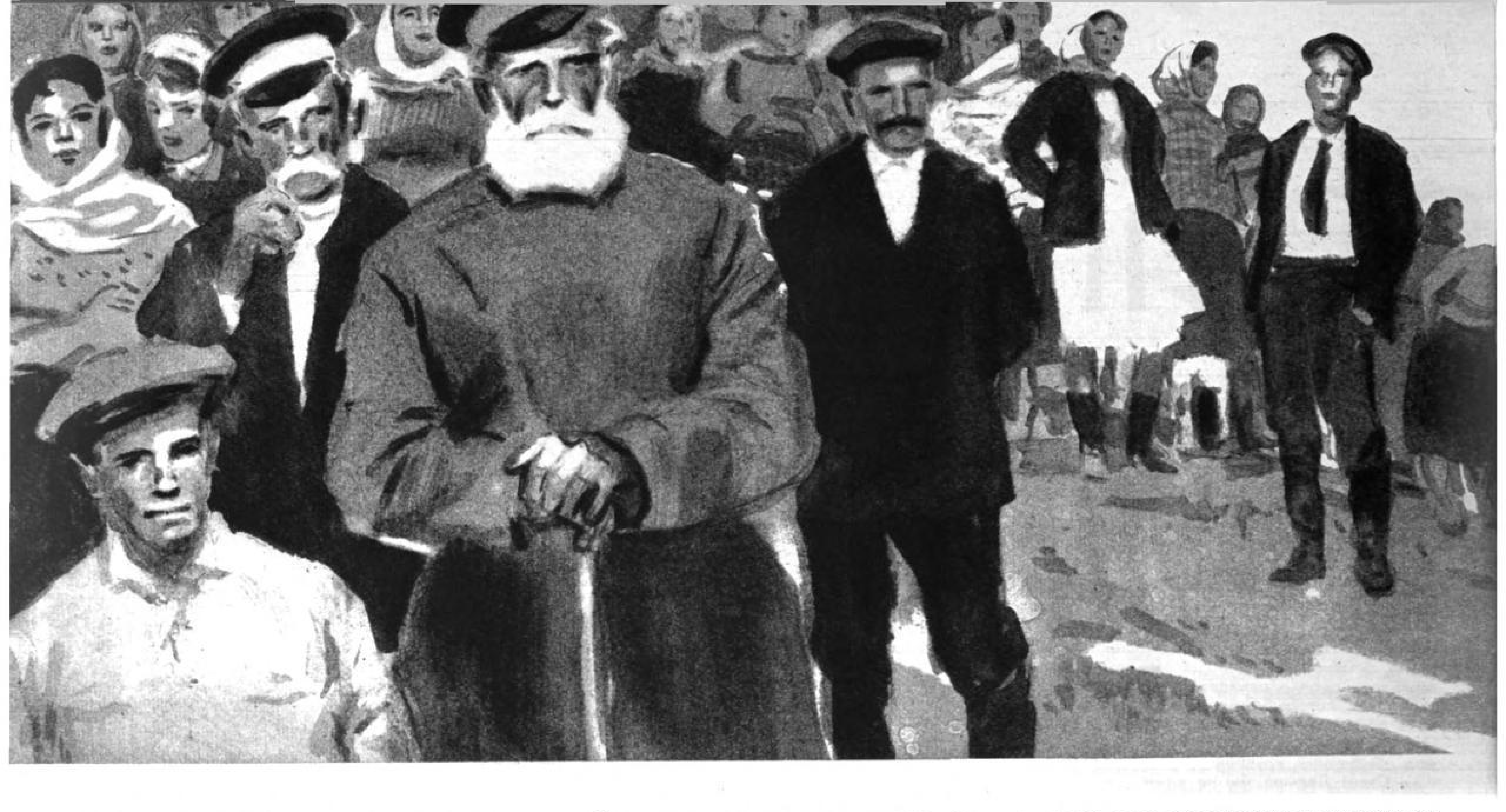
— Какой казак?

— Обыкновенный,— с упреком сказала Таня.— Он к тебе сегодня два раза приходил, на той лавочке сидел.— Она показала ручкой.— Завтра обещал опять прийти.

Никакого казака, который должен был бы прийти к нему, Греков не мог вспомнить, да и не было у него сейчас времени вспоминать, потому что Таня, увлекая его за руку по гравийной дорожке к дому, неумолчно продолжала рассказывать о всех событиях и происшествиях, случившихся без него за день, и он, как всегда, с наслаждением вслушивался в музыку ее речи. Как всегда, неизъяснимо сладка была его уху эта музыка после дня, проведенного среди другой, грохочущей, музыки, в тучах бетонной пыли, среди всего того, что составляло здесь смысл его беспокойной жизни, требующей постоянного напряжения всех сил ума и сердца.

Так, рассказывая, Таня и втащила его своей сильной загорелой ручонкой в дом и распах-

нула дверь так, что вздулись тюлевые занавеси на окнах.

— А вот и папа! — оповестила она с восторгом.

Выйдя из калитки утром, он увидел седоусого мужчину в солдатской гимнастерке, который сидел на скамейке, прислонясь спиной к забору. Свою синюю фуражку с казачьим околышем он повесил на столбик забора, подставив утреннему солнцу редковолосый затылок. Взглянув на эту фуражку, Греков остановился в калитке.

— Вы не меня ожидаете?

Мужчина встал и, надевая фуражку, приложил руку к козырьку.

— А вы и есть товарищ Греков?

— Я и есть.

— Стало быть, вас.

— Рассказывайте, зачем я вам нужен.

И Греков опустился рядом с ним на лавку. Теперь только обратил он внимание, что казак, поджидая его, не терял времени даром. На лавке, справа от него, лежал ворох белоталовых прутьев, а в ногах стояла высокая, похожая на макитру, корзина. Нетрудно было догадаться о ее назначении — это была раколовка. И, как видно, казак довольно долго поджидал Грекова, он уже почти успел сплести раколовку своими пальцами с желтыми, потрескавшимися ногтями. Возможно, еще на самой ранней зорьке пришел он сюда, боясь пропустить Грекова и предусмотрительно захватив с собой эту охапку прутьев. И вот раколовка уже почти готова. Оставалось довершить ее у самого верха. Снова садясь на лавку, казак продолжал вплетать в нее последние лозинки.

— Вы мне, товарищ Греков, можно сказать, и не нужны, потому что помощи мне от вас не будет, но пожаловаться кому-то мне все равно нужно.— И, поднимая от раколовки глаза, он указал в конец улицы.— Вы этот дом под ча́каном видите?

Почти все старые домики в этой бывшей казачьей станице были покрыты ча́каном, и Греков переспросил:

— Какой, что с большим садом?

— Вот, вот. И дом и сад этот — мои.

— А разве вы еще не переселились?

Греков знал, что из этой станицы, которая хоть и не была под угрозой затопления, но оказалась у самой плотины, все жители давно уже переселились на новое место.

— Переселились,— подтвердил казак,— но садок-то наш там еще остался.

— И пусть. Пока можно, пользуйтесь им. Никто же вам этого не запрещает.

Знал Греков и о том, что, хотя в домиках, покинутых жителями станицы, временно поселились строители, вот уже два года урожай в садах продолжали собирать их бывшие хозяева. Но пальцы казака, доплетающие раколовку, вдруг задрожали.

— А она рубит.

— Кто?

— Новая хозяйка. Вчера приехала к мужу из Москвы и уже рубит яблони.

— Зачем?

— Хочет, стало быть, через сад эту самую,— казак ребром поставил на раколовку обе ладони,— аллею прорубить.

Греков уже догадался. Вчера к главному инженеру правого берега Клепикову внезапно приехала из Москвы жена и захотела поселиться не на правом берегу, где Клепиковых уже давно ожидал коттедж, а здесь, в центральном поселке.

— А яблоням,— добавил казак,— по двадцать и по тридцать лет. И сейчас яблочки на них уже с детский кулачок.

— Хорошо, попытаюсь вам помочь,— вставая с лавки, пообещал Греков.

К этому времени и свою раколовку казак уже сплел. Запрятав конец последнего прутика, он поставил ее на лавку.

— А это я, товарищ Греков, вашему сынку. Греков решил, что ослышался.

— Кому?

— Алеше. Мы с ним там обзнакомились.— И он указал на сверкающее ниже плотины плечо Дона.— Он по целым дням себе с дружком за удочкой сидит, а я себе. Да вы еще подумаете, будто я вас задобрить хочу. Мне от вас помощи не нужно, я только пожаловался — и все. А ему я давно обещал. Мне тут все равно скучновато было вас дожидаться.

Греков не знал, как и поступить. Но в эту минуту в калитке показался вооруженный удочками Алеша. Увидев на лавке раколовку, он так и просиял неумытыми глазами.

— Стефан Федорович, миленький, уже сделали? Вот спасибо!

И, ткнув удочки отцу, он бросился на шею казаку, целуя его колючие щеки, а потом взял глянцевито-зеленую раколовку и, рассматривая ее, прижал руками к груди, как ребенка. Казак смотрел на него с улыбкой.

Странное желание вдруг коготком царапнуло Грекова: ему захотелось, чтобы это не казак, а он сплел раколовку Алеше и чтобы это на него сын смотрел такими сияющими, еще заспанными глазами.

С инженером правого берега Клепиковым он встретился на утренней летучке у Автономова. Вместе сидели за одним из маленьких столиков в большом зале управления, вместе шли потом и по улице поселка.

— Вас, Кузьма Константинович, с радостью,— сказал ему Греков. И, видя, что Клепиков непонимающе посмотрел на него снизу вверх маленькими, колючими глазками, пояснил: — С приездом жены.

— Ну да, ну да! — рассеянно ответил Клепиков.

С невинной уверенностью Греков осведомился:

— Надеюсь, квартира на правом берегу ей понравилась?

И тут же он пожалел о своих словах. Инженер Клепиков, этот грозный для своих подчиненных человек и вообще один из тех гидростроителей, чьим мнением дорожил сам Автономов, вдруг как-то затравленно взглянул на Грекова снизу вверх, густо, как мальчишка, побагровел и, ничего не ответив, быстро пошел вперед по улице поселка. В раскаянии Греков окликнул его:

— Кузьма Константинович!

Но Клепиков не оглянулся. Маленький и тщедушный, он своей подпрыгивающей походкой почти бегом удалялся от Грекова по той самой улице, в конце которой среди других ча́кановых крыш виднелась и крыша дома, облюбованного его только что приехавшей из Москвы супругой.

Он подошел к своему новому жилищу как раз в тот момент, когда за плетнем в яблоневом саду сражение его супруги Лилии Андреевны за свои права с бывшим владельцем этого подворья вступило в решающую фазу. Лилия Андреевна, худая, черноглазая женщина с высоко взбитой прической, в решительной позе стояла у большой яблони, подняв топорик, а бывший хозяин этого сада, казак в фуражке с красным околышем, пытался загородить от нее собой яблоню. Возмущенным голосом Лилия Андреевна спрашивала:

— Разве вам не было уплачено за каждую фруктовую единицу?

— Чего?— переспросил казак, растопыривая

руки, стараясь и не прикоснуться к этой женщине и не допустить ее до яблони.

— Я говорю, что государством вам уже уплачена за каждое дерево целая куча денег,— отчеканила Лилия Андреевна.

Бывший владелец сада взглянул на нее своими голубыми глазами, нос и губы у него покривились. Но он так ничего и не сказал, а вдруг круто повернулся и пошел прочь из сада. Кузьма Константинович Клепиков разминулся с ним в калитке.

Увидев мужа, Лилия Андреевна так и ринулась к нему:

— Удивительные лица! Там, на новом месте, у него будут водопровод, ванная,— она стала загибать пальцы с наманикюренными ногтями,— уборная и все, о чем он не мог даже и мечтать, если бы не плотина, а он цепляется за старое. И потом, Кузя, они же сентиментальны. Я всегда представляла себе казаков людьми сильными, мужественными, а они, оказывается...

Она не договорила, потому что ее Кузя почему-то вдруг тоже скроил на лице гримасу, очень похоже как это только что сделал казак, и, непонятно махнув рукой, быстро пошел от нее в открытую дверь дома. У нее не осталось аудитории, перед которой она могла бы закончить свою мысль.

Но Лилия Андреевна быстро утешилась. Она давно знала и не скрывала от всех своих знакомых, что ее муж, несмотря на весь его, как она говорила, незаурядный гидростроительный ум, человек с большими странностями, впрочем, присущими всем выдающимся людям. Поэтому и его мнения по вопросам устройства семейного очага она совершенно спокойно могла не принимать во внимание. В конце концов все, что она делала, она делала в интересах семьи и ради поддержания его авторитета. Пройдет время, и он еще скажет ей за это спасибо.

Не только по ту сторону плотины, в пойме, которую должна была затопить вода, но и по эту сторону люди снимались с обжитых мест и переселялись на новые. Оттуда уходили перед нашествием воды, а здесь, вблизи от самой плотины, все равно нельзя было оставаться. Как ни держи воду, говорили инженеры, мельчайшими каплями она все равно должна будет просочиться из нового моря под бетоном и песком, и вскоре появятся здесь болота, топи. Не оставлять же людей на житье в болоте, на съедение комарам. Да и вряд ли смогут привыкнуть степные люди — казаки — к жизни на болотных кочках. Нельзя было оставлять их вблизи от плотины и на случай чего другого...

Тут инженеры ограничивались одними намеками. Конечно, заверяли они, войны в ближайшем будущем не предвидится, но тем не менее... Остальное людям должна была подсказать еще не зарубцевавшаяся память. Кто знает, может быть, и эти намеки сыграли свою роль в том, что люди в станице, которая оказалась у самой плотины, раньше всех других заколебались и стали покидать свои подворья.

Теперь, за два с лишним года, они давно уже обстроились на новых местах. Посадили и молодые сады, но в старые все же не забывали наведываться. Тянуло их сюда с непреодолимой силой. Тянула к себе боль воспоминаний, звало и другое. Молодые садочки на обживаемых усадьбах еще только оперялись первой листвой, а ветви старых не успели одичать и каждую осень отягощались грузом. У кого же было больше права освобождать их от этого груза: у тех ли хозяев, что взлелеяли их, или у временных, что еще через год-полтора снимутся и уедут отсюда на новые стройки: на Волгу, на Ангару, на Енисей и на Иртыш?

Но временные новые хозяева и не пытались заявлять своих прав. Они как будто чувствовали себя виноватыми перед этими людьми, что вынуждены были бросать обжитые места, и совсем не препятствовали им, когда приходило время собирать урожаи в садах. Те и другие скрепили молчаливым согласием неписаный договор, что так оно пока и должно быть: два хозяина будут распоряжаться на одном и том же подворье — один в саду, а другой в доме.

Но Лилии Андреевне, жене инженера Клепикова, как человеку здесь новому, можно было об этом неписаном соглашении и не знать. Она только что приехала сюда из Москвы, что стоило ей немалых жертв, и озабочена была устройством семейного гнезда. До этого она предпочитала всегда жить в Москве. Она не цыганка, чтобы всю жизнь проводить на колесах, кочуя с мужем с одной стройки на другую. Не она избирала, а он добровольно избрал себе эту чудовищную специальность гидростроителя. К сожалению, тогда она еще не в состоянии была на него повлиять, так как была замужем за другим человеком, оказавшимся негодяем, который предпочел ей другую юбку. За этого же своего мужа она, по крайней мере, была спокойна, потому что он, кроме своей г и д р ы, как она это называла, не признавал в жизни ничего другого. Во всех других отношениях он был совсем как теленок, в этом она убедилась еще тогда, когда из-за его нерасторопности вынуждена была первая открыть ему сердце.

Но теперь ее Кузьма Константинович уже начал приближаться к тому критическому возрасту, когда и в самых, казалось бы, верных мужей начинает вселяться вирус ветрености. У теленка в одну ночь могут вдруг вырасти такие рога, что его уже не удержать никакой цепью. И пока до этого еще не дошло, Лилия Андреевна решилась ехать к мужу.

Увидев старый казачий сад, она пришла в восхищение. Она менее всего ожидала найти среди этого хаоса развороченной и вздыбленной машинами земли такой уголок — настоящее чудо природы. Оказывается, такие уголки могут встречаться не только на страницах старых романов. Лохматые ветви могучих яблонь с четырех сторон обступали их казачьей постройки дом, где ей предстояло жить со своим Кузьмой Константиновичем до окончания стройки. Конечно, он мог бы заблаговременно побеспокоиться, чтобы им построили новый коттедж не где-то на отшибе — на правом берегу, а здесь, в окаймлении этих деревьев, но, как всегда, он зевнул. И теперь из-за того, что он зевнул, она не станет причинять себе лишние неудобства. В конце концов, ничего особенного не будет в том, что он станет ездить отсюда на работу и на автобусе. Это каких-нибудь восемь километров. В Москве тысячи людей ежедневно из конца в конец города ездят на работу, и никто еще от этого не умер.

Однако и в этом казачьем доме, если его соответствующим образом усовершенствовать, можно будет неплохо прожить до конца стройки. А там уже Лилия Андреевна сама позаботится, чтобы их не о б ш т о п а л и и на новом месте. Она уже принесла жертву, променяв столицу на полупоселок-полустаницу, с нее довольно. Хотя бы поэтому она вправе устраиваться на новом месте так, как она хочет. И, несмотря на то, что это была глухомань, кое-кому еще предстоит лишний раз убедиться, что не место красит человека.

Даже нечто оригинальное будет в том, что они будут жить в настоящем к у р е н е. Как Мелеховы. Недаром Лилии Андреевне и раньше говорили, что у нее в лице есть что-то от Аксиньи Астаховой. На это Лилия Андреевна с улыбкой отвечала, что у нее бабка с материнской стороны была казачкой. Теперь это становилось почти что правдой.

Из ветвей сада их к у р е н ь выглядывает, как из темно-зеленой рамы. В конце концов можно будет оставить и камышовую крышу на нем, чтобы не нарушать стиля. Тем более, что крыша новая, очевидно, еще совсем недавно бывшие хозяева этого дома твердо надеялись, что будут жить здесь вечно. Кузьма Константинович сказал Лилии Андреевне, что это не камыш, а какой-то ч а к а н.

Но эти подслеповатые, доисторические окна и низенькие двери Лилия Андреевна распорядится заменить на современные. Это не будет серьезным отступлением от казачьего стиля. Общий колорит сохранится... Мрачно в комнатах и от слишком густых яблонь, но и этот недостаток устраним. И придется позаботиться, чтобы поскорее выветрился из стен этот многолетний кисло-сладкий запах, как в фруктовых рядах на московском Тетеринском рынке.

Если срубить всего четыре яблони, образуется хорошая аллея в самый конец сада. Там и можно поставить беседку по типу ливадийских. Лилия Андреевна скажет мужу, чтобы для посыпки аллеи привезли три-четыре самосвала песка, а еще лучше той самой золотистой морской крошки, что возят на плотину для каких-то ф и л ь т р о в. Поживи с таким мужем, и сама скоро станешь г и д р о й. Но аллея будет б л е с к. Лилия Андреевна любила это слово.

Наконец-то на вечерней диспетчерке в управлении Автономовым была брошена одна из тех его фраз, которой назначено было стать крылатой:

— Завтра мы зануздаем Дон и поведем его туда, куда нам нужно.

...Несмотря на то, что перекрытие русла Дона должно было начаться после обеда, уже с утра весь крутой склон правого берега, посеребренный полынью, усеялся местными жителями. И как сговорились они одеться так, как обычно одевались только в праздники. Красными, зелеными, оранжевыми платьями и платками женщин покрылась верхняя часть склона, а его нижнюю часть заняли мужчины. Среди них можно было увидеть и околыши казачьих фуражек, от которых уже отвыкали взоры. И даже целым костерком пылали они в том месте, где особняком выдвинулась вперед группа старых казаков.

Впереди стоял, положив обе руки на крючок вырезанного из карагача посоха, знакомый Грекову старик, похожий на Ермака. Вокруг него плясала армия кинооператоров и фоторепортеров.

Вездесущее племя в желтых кожаных куртках на застежках-«молниях» ловило мгновения, когда солнце проглядывало сквозь прорехи низких туч, стремясь запечатлеть то, что через час запечатлеть будет уже невозможно... Через час, через день все здесь будет совершенно иным. Будет, может быть, яркий солнечный день, но такое уже не повторится. Будет, возможно, еще более красивым этот берег, но Дон никогда уже не потечет по этому руслу. Не будет больше т а к о г о Дона.

И преступлением было бы прозевать и то самое мгновение, когда он еще т а к о й, и то, другое, когда на него начнут набрасывать узду и он попытается поднять бунт, отстаивая свое право течь по старому материнскому руслу.

А пока кинооператоры и фоторепортеры избрали своей мишенью старого казака. Совсем как пулеметы в тихий полдень в степи, трещали их аппараты.

— Еще немного — и этот дедок испустит дух,— подтолкнув Грекова под бок, насмешливо сказал Автономов.

Но старик и в самом деле был для кинооператоров и фоторепортеров находкой. Во-первых, он разительно был похож на Ермака. Во-вторых, это был не какой-нибудь ряженый под казака сторож конторы «Главчермет», всю свою жизнь проездивший в городе в трамваях и никогда не знавший седла, а самый что ни на есть натуральный сын тихого Дона. В этом переставали сомневаться, едва взглянув на его старый чекмень, только по данному случаю, вероятно, извлеченный из сундука, и на такого же синего цвета шаровары с красными лампасами.

Да, это был тот самый старик, что приезжал сюда и весной, когда под напором льда содрогались быки железнодорожного моста, и потом, когда он пообещал Федору Ивановичу Цымлову, что Дон еще покажет свою силу. Но тогда одет был старик в обыкновенный поношенный тулуп и в треух, а тут он явился, как на гвардейский смотр. Явился в непоколебимой уверенности, что не могут не сбыться его слова. В этом не могло быть сомнений.

И поистине величавое впечатление производил этот обломок старого казачества, когда он, пренебрегая суетой окружавших его парней в желтых куртках, сквозь их толпу зорко поглядывал в верховья на столб синей воды, которую хотели запереть камнем. Можно было поклясться, что уверенная, гордая усмешка таилась у него в уголках губ, под крыльями бурых усов и в складках полуприкрытых век.

Тишина повисла над берегом, когда Федор Иванович Цымлов вдруг взмахнул рукой за стеклянной стенкой своего «ка-пе», прилепившегося к яру, первые самосвалы с изображениями буйволов на капотах съехали к прорану на мост и, разламываясь надвое, стали освобождаться от своего груза. Армия кинооператоров и фоторепортеров отхлынула от старика и повернула все свои жерла туда, где стали низвергаться в Дон водопады камня. Началось.

Но еще много времени должно было пройти, чтобы люди, заткавшие придонский склон узорами своих платков, чекменей и лампасов, поверили, что все это было затеяно совсем не ради этих парней в желтых куртках, которым нужно было заснять какое-то представление на берегах Дона. И ничто пока не предвещало, что с Доном, который все с той же медлительностью тек среди белых песчаных откосов и суглинистых красных яров, может произойти какая-нибудь перемена.

Сперва он, казалось, всего лишь прислушался, когда вывалилась из самосвалов первая очередь камней и упала на его дно. Ни сколько-нибудь замутить его не могла эта горстка камней, ни тем более преградить его течение в привычных берегах к морю. Только на одно мгновение и поднялась из его глубин фиолетовая чернильная муть, но тут же и успокоилась вода. Легкая рябь набежала на кромки берегов и угасла.

Не омрачилась зеркальная поверхность Дона и после того, как еще раз опрокинули в него свой грохочущий груз самосвалы. Восемь тупоносых машин сразу въезжали на мост. Со вздохом размыкала свое трепещущее чрево вода и, поглотив глыбы серого камня, смыкалась и текла так же величаво, как текла она до этого сто и тысячу лет в берегах, опушенных зеленью лугов и серебром полыни.

— Так он сразу и покорился!— услыхал Греков рядом с собой вздрагивающий басок.

Тот самый мужчина, что разговаривал с Грековым на лавке у его дома и сплел его сыну раколовку, стоял в двух шагах от него в толпе. Но Грекова он не видел. А Греков вдруг обратил внимание, что глаза у этого казака были ярко-синие и — неожиданно — молодые. Они излучали сейчас растроганный свет, глядя вниз под гору на то, как батюшка Дон не только не собирается покоряться, но даже и не желает замечать, что вся эта возня, затеянная здесь, имеет к нему хоть какое-то отношение. Мало ли чего уже не затевали люди на его берегах за все те сотни и тысячи лет, пока он течет в своем русле! Сколько их родилось и сколько умерло за это время, сколько окрасило своей кровью его воды и утонуло в них, а ему хоть бы что!

— Его этим не испугаешь,— снова сказал этот мужчина, дотрагиваясь сзади до плеча старика с посохом. Старик не оглянулся.

Кинооператоры и фоторепортеры и теперь не оставляли этого старика в покое, то и дело переводя дула своих объективов с прорана на его лицо, стараясь не пропустить на нем ни малейшей перемены. Они видели в лице этого древнего казака великолепный сюжет и хотели обыграть его, как они выражались, до конца.

Но пока все их усилия были тщетны. Старый казак явно не оправдывал их надежд. Его лицо и вся внушительная фигура оставались невозмутимо спокойными, как невозмутимо спокойным оставался и сам Дон, пренебрегая тем, что его стараются забросать камнями. Положив руки на свой карагачевый посох, старик смотрел, как исчезают они под водой. Съезжая с моста на левый берег, порожние самосвалы шли под экскаваторы и, загруженные камнями, по наплавному мосту возвращались на проран, замыкая кольцо. Пошел второй час перекрытия русла.

Внезапно посредине прорана один самосвал застрял. Остановились и подъезжающие следом за ним другие машины.

— Доигрался,— бросил рядом с Грековым Автономов.

Греков не понял.

— Кто?

— Кто же еще?! — Автономов метнул яростный взгляд в ту сторону, где за стеклянной стенкой «ка-пе» белым пятном расплылось лицо Цымлова.— Кажется, яснее ясного было сказано ему, чтобы из ЗК на эту операцию — ни одного человека! — Автономов вскинул к глазам руку с часами.— И вот теперь по милости его высокогуманного сердца затор длится уже полторы минуты. Ну, смотри, Федор Иванович, как бы я тебя самого не заставил улечься поперек Дона! — клекочущим голосом пообещал Автономов.

— Нет, этого водителя я знаю,— присматриваясь к круглоголовому, плечистому шоферу, откинувшему капот самосвала, возразил Греков.— Это Коваль. Он не из ЗК и вообще шофер надежный.

Но напрасно этот, по мнению Грекова, надежный шофер то принимался крутить ручку своего «буйвола», то опять по пояс скрывался в его пасти — «буйвол» оставался неподвижным. А сзади подходили от экскаваторов все новые машины, и вот уже замерло все кольцо. Автономов опять поднес руку к глазам.

— Две минуты.

И в этот момент Греков увидел, как рядом с фигурой круглоголового появилась фигура другого водителя в синем комбинезоне. Плечом отодвинув круглоголового, он нырнул в пасть его «буйвола», через мгновение вынырнул и, махнув рукой, побежал в хвост колонны. Круглоголовый захлопнул за собой дверцу кабины, и его самосвал, окутываясь дымом, съехал с моста. И опять заструилось кольцо машин вокруг горловины Дона.

— А этот молодец кто такой? — поинтересовался Автономов. И с удовольствием, сочно повторил: — Молодец! Когда будем людей награждать, надо о нем не забыть.

— Этот? — переспросил Греков, присматриваясь к водителю в синем комбинезоне, который, оказав помощь товарищу, уже побежал к своей машине.— Это Коптев.

Ничто не дрогнуло в лице у Автономова. Он лишь повел глазами в сторону Цымлова, встретился взглядом с Грековым и снова устремил взор туда, где бурлила между ряжами вода и, опоясывая Дон, шли и шли по кругу самосвалы с буйволами на капотах.

И все таким же невозмутимым оставалось чрево Дона, вздрагивая и расступаясь лишь для того, чтобы поглотить очередной поток камней. Уже начинало казаться, что никогда не насытится оно и что восторжествует этот потомок Ермака, пока не стала стекать по морщинам гор из степи мгла вечера и не послышалась из всех репродукторов команда Цымлова:

— Свет!

Сразу вспыхнули все прожекторы на правом и на левом берегах, скрещивая на проране свой зыбкий свет, залучились тысячесвечевые лампы на мачтах, замерцали круглые глаза самосвалов. Синева вечера раздвинулась, четко очертив многоцветную толпу на склоне и проран. И тут же как ветром колыхнуло толпу, из ее груди вырвался вздох.

Вот когда увидели все, что поперек Дона уже лежит темная гряда. Свет прожекторов и ламп, пронизав темную толщу воды, явственно обозначил и волнистый хребет каменных бугров, между которыми еще оставались седла — ложбины. И все теперь могли видеть, как после каждого нового обвала камней в Дон под водой выше поднимаются конусы бугров и как мелеют между ними эти седла, выравнивая запруду.

Охрипший голос Цымлова, окая, произнес из репродукторов:

— Вторая очередь!

И с «буйволов», гуськом спускавшихся к прорану, уже стали падать в Дон не глыбы, а заструились ручьи мелких камней. Сталкиваясь в воздухе, они разбрызгивали красные, зеленые и голубые искры.

Кинооператоры и фоторепортеры метались на обоих берегах и под самым камнепадом по мостикам, перекинутым от ряжа к ряжу, не жалея драгоценной пленки. Теперь все это и в самом деле стало походить на какое-то фантастическое представление. Казалось, это не вода бушует между ряжами, а голубое, красное и зеленое пламя. Было видно, как, ослепленные им, кружились в водовороте рыбы: медно-желтые сазаны, серебристые сулы и другие обитатели донских глубин. Медлительные сомы, идя на встречную струю, искали проходы в каменной стене, туполобо тычась в нее, отплывая и вновь подплывая.

Лишь одному из них удалось втиснуть свое могучее туловище в ущелье между каменными буграми. Быстро шевеля плавниками, бия хвостом, он толчками пошел вперед, прорываясь в верховья Дона. И он бы, пожалуй, прорвался, если бы в это мгновение из самосвала не упала прямо на него лавина камней и не похоронила его под собой. В это мгновение и каменная гряда показала из-под воды свою серую чешуйчатую спину.

Стал слышен рокочущий шум Дона. Он как будто хотел что-то рассказать этим людям, которые молча стояли на склоне и смотрели, как машины забрасывают камнями его живую грудь, и явно хотел им о чем-то напомнить. И на грозный бег казачьей конницы в вечерней степи был похож этот его раскатистый гул, приумноженный эхом.

Между тем кольцо, опоясывающее его, продолжало вращаться. Осевшие под грузом, медленно съезжали на мост, и, опорожненные, легко съезжали с него, и опять бежали под ковши экскаваторов самосвалы, чтобы по наплавному мосту опять заехать с правого берега к Дону. И с каждым новым оборотом кольца уже становилось горло, из которого вырывалась его прощальная песня.

Он еще пробивался в низовья большими и маленькими ложбинами, разделявшими вершины каменного хребта, но с каждым новым заездом «буйволов» на проран они становились уже. И уже не на топот конницы был похож его шум, а на разрозненный копытный стук горстки всадников, возвращавшихся с поля брани в родные хутора и станицы.

...Тихо позвякивают шашки казаков, и все силится запеть в полубреду походную песню один из них, тяжело раненный в бою, которого товарищи не бросили на поле боя в добычу воронам, а, поддерживая в седле, спешат поскорее доставить домой, к молодой жене и к престарелой матери. И вдруг песня оборвалась.

Съехавшая на мост очередная машина с заводским клеймом «буйвола» ссыпала в черный проем свой груз, падая, он угодил в то самое место, где еще пробивалась последняя звенящая струя сквозь камни, и все смолкло. Дон захлебнулся. Перед непроходимой преградой он свернул со своего тысячелетнего пути и потек по новому, вырытому для него людьми, чтобы отныне и навсегда петь уже в степи совсем другую песню.

В этот момент кинооператоры и фоторепортеры и вспомнили о старике, из которого должен был получиться великолепный сюжет. Ес-

Г. Шпонько (Киев). НА ПРОСТОРЕ.

В. Сигорский (Москва). ПЕРВЫЙ СНЕГ.

И. Шевандронова (Москва). К ВЕЧЕРУ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

В. Васильев (Душанбе).

СЮЗАНИ.

ли его как следует обыграть, это наверняка войдет в золотой фонд кино- и фотоискусства. Единственный и неповторимый в своем роде шедевр — прощание казачества со старым Доном.

Они скорее готовы были умереть, чем позволить себе не запечатлеть этот момент. И никто бы не простил им, если бы они не запечатлели его для современников и для потомков.

Целый сноп света сразу брызнул на склон горы и, выхватив из темноты живописную толпу казаков и казачек, ярче всех озарил стоявшего впереди старика с посохом. Вспыхнули лампасы у него на шароварах, кольцо околыша на фуражке. И все увидели, что старый казак плачет.

Он стоял, положив руки на свой посох, вырубленный в задонском лесу, и из-под козырька его фуражки, из затененных им глазниц катились, сверкая, как утренняя роса на траве под станичным плетнем, слезы. Они застревали у него в усах и стекали с их мокрых, обвисших концов на бороду.

Увидев эти слезы, кинооператоры и фоторепортеры так и ринулись поближе к старику, заходя к нему с одного и другого бока и приседая, чтобы снизу нацеливать на него объективы, потому что им обязательно нужно было заснять его плачущее лицо крупным планом. Каждая его слеза была для них на вес золота, так как это же были не какие-нибудь глицериновые слезы, а самые неподдельные слезы казака, оплакивающего свое расставание с тем Доном. Такое не повторится. Окружив старика, они в свете прожекторов плясали вокруг него какой-то ритуальный танец. А один фоторепортер сумел поближе всех подобраться к нему, под самую его бороду, и снизу целился в него глазком объектива.

Внезапно старый казак выпрямился и, подняв свой посох, пошел на них, как, должно быть, ходил он на ворон и сорок на своем станичном огороде:

— Кыш, проклятые!

Расступаясь перед ним, они разбежались в стороны, но недалеко и не забывая при этом трещать и щелкать затворами своих аппаратов. Они не вправе были прозевать такие кадры. Фигура старого казака с поднятым посохом должна была выглядеть на фоне укрощенного Дона особенно величественно и символически. И когда он вдруг круто повернулся и пошел прочь, взбираясь по склону на яр, они опять сомкнулись вокруг него, забегая к нему с боков, спереди и снимая его сутулую спину с лопатками, выступавшими из-под синего чекменя.

Как незрячий, он нащупывал впереди себя посохом тропинку. Из толпы жителей вышла какая-то девушка и пошла рядом с ним, поддерживая его под локоть.

Теперь уже кинооператоры и фоторепортеры неотступно сопровождали их обоих — старика и тоненькую девушку, поддерживающую его под локоть. Нельзя было и придумать лучших кадров. Вот где действительно была символика: немощную старость провожает на покой торжествующая юность.

В будку командного пункта, где до этого священнодействовал один лишь Федор Иванович Цымлов, теперь битком набились инженеры, начальники участков и многочисленные соавторы проекта операции, только что завершившейся полным успехом, трясли друг другу руки и обнимались так, что слышалось похрустывание костей. Откуда-то на столе появились две четверти с черным цимлянским, надавленным из того самого винограда, который теперь тоже переселяли из затопляемых зон. Нежно звякнули стаканы.

Автономов, чокаясь, протянул свой стакан первому Цымлову.

— Ну, за главного виновника! Ты теперь из казаков казак! Вон какого коня усмирил. — И, залпом осушив свой стакан, поставив его на стол, признался: — А я уже хотел заставлять тебя самого прыгать в воду.

— За вами готов я хоть в воду, — смеясь, отпарировал Цымлов.

— Ого, да у твоих кадров, оказывается, острые зубы! — найдя глазами Грекова, пожаловался ему Автономов. — Все равно, Федор Иванович, давай целоваться. — И он потянулся к Цымлову через стол, по-юношески стройно перегибаясь мужественным торсом.

Козырев, который в трезвом виде никогда бы не позволил себе фамильярного обращения с начальством, вставая и расплескивая из стакана вино, крикнул через стол Автономову:

— А я, Юрий Александрович, провозглашаю за вас! Позвольте от души, потому что вы орел. Восхищаюсь!..— И, взглянув в окно, выходящее на склон горы, он засмеялся: — А из этого дедка действительно весь дух вон. Ермак уходит на пенсию.

В растерянности он оглянулся по сторонам, заметив, что никто не смеется. Дон уже не шумел за окном. Еще видна была фигура старика, взбирающегося вверх по склону. В одной руке у него была палка, а другая рука лежала на плече у девушки.

И тогда раздался гневный, рокочущий голос Автономова:

— Вы жалкий человечишка! Вы даже не в состоянии понять, что над этим не позволено смеяться.

(Продолжение следует.)

ГОЛУБИ АРМЕНИИ

Сильва КАПУТИКЯН

Трепетные голуби Армении!
Вас тиранил беспрестанный страх.
Люди вас пугали и строения.
Жили вы в немых монастырях.
Колокола легкое движение,
Камень, детской кинутый рукой,
Нарушали зыбкий ваш покой,
Голуби тревожные Армении!..

Ныне на асфальт слетели вы,
Затопили площади весенние.
Шум вокруг —
Кипение листвы,
Гул толпы, машинное гудение,—
Но, тугими крыльями шурша,
Вы плывете к нам без опасения,
И зерно с ладони малыша
Вы клюете, голуби Армении!..

Перевел с армянского
Д. Голубков.

ПОЭТ В АРХИТЕКТУРЕ

Потемневший от времени старинный портрет. Молодой человек, открытое, безмятежное лицо, по-детски, чуть удивленно вскинуты брови...

Каменных дел мастер Василий Баженов.

Таким вступил он в жизнь — с душой, исполненной страстного желания «положить труды свои к чести своего века, к бессмертной памяти будущих времен... к утехе и удовольствию своего народа».

Но в екатерининской России этому дивному мастеру была уготована трагическая судьба.

«Я отважусь... упомянуть, что я родился уже художником»,— говорил о себе Баженов.

Детство и юность будущего зодчего прошли среди древних сооружений Московского Кремля. Здесь в одной из церквей служил псаломщиком его отец. Мальчик целыми днями рисовал на песке и на бумаге царские палаты, сказочные купола и башни. Когда стал постарше, ходил на стройки, помогал каменщикам, расписывал стены, печи. Затем ученик команды архитектора Ухтомского стал студентом Московского университета, в двадцать три года он уже «архитектурный помощник в ранге прапорщика» Санкт-Петербургской Академии художеств.

О таланте молодого архитектора ходили легенды. Многие считали, что выдающееся сооружение того времени Собор Николы Морского на Сенной площади в Петербурге возводился не Чевакинским, а его учеником Баженовым. Другая легенда нашла архивное подтверждение: Казанский собор построен Воронихиным по образцу одного из ранних баженовских проектов.

Триумфальной была заграничная поездка Баженова по окончании академии. В Риме его награждают дипломом на звание академика с особой привилегией, «чтоб ему быть мастером и профессором архитектуры как в Риме, так и везде»; в Париже он удостаивается королевской аудиенции и лестного предложения поступить на королевскую службу.

Но молодой зодчий решительно от этого отказывается. Он мечтает об исполинских храмах, воздвигнутых на родной земле, о прославлении отечества своего.

«Мы с вами, господин архитектор,— сказала ему однажды Екатерина,— не только Москву, все города империи перестроим».

Баженов верил императрице. Ждал и творил. На протяжении пяти лет целью и смыслом жизни стал для Баженова грандиозный проект перестройки Московского Кремля. Он сделал из дерева огромную модель, во внутреннем дворе которой свободно помещалось несколько человек. Новый дворец должен был затмить славу самых прекрасных сооружений древности.

Отзвучали колокола на торжественной церемонии закладки дворца. По всем европейским странам разнеслась молва о великолепии нового замысла русской царицы... На этом все и кончилось.

Проходит несколько лет, и Баженов вновь увлечен грандиозными замыслами: на сей раз это строительство загородного дворца в Царицыне, под Москвой. В соединении средневековых готических очертаний с древнерусскими мотивами находит зодчий новую архитектурную форму. Но Екатерине почудилось что-то страшное в таинственности царицынского ансамбля, и она приказала «срыть сей каземат до основания».

Среди жителей соседних деревень долго ходило предание об архитекторе, повесившемся в одной из аллей царицынского сада.

Баженов остался жить.

Он снова загорался, снова проектировал, строил. По его проектам созданы дом Пашкова — старое здание Библиотеки имени Ленина — и ряд других в Москве. Но силы и здоровье его были надорваны.

«Поэт в архитектуре» — так окрестили Василия Баженова потомки. Помпезный век Екатерины не понял величия его замыслов: слишком впереди своего времени шел каменных дел мастер. «Это ли не подлинный герой трагедии?!» — воскликнул И. Грабарь в одной из своих работ о Баженове.

В. ИВАНОВ

Мне давно хочется рассказать об одном человеке.

Всегда, когда где-либо заходит разговор о мужестве и отваге, о дружбе и товариществе, о мастерстве и удаче, моя мысль невольно обращается к моему другу, летчику Петру Григорьевичу Рогову.

И как обидно, что, зная его давно, часто встречаясь с ним на аэродромах и зимовках в Арктике, я несколько лет только вежливо раскланивался при встречах с ним!

Впоследствии нас связала большая, искренняя дружба. Дружба, которая дала мне очень много светлого, радостного и ценного.

Петр Рогов... Как сейчас помню день, когда этот невысокий худощавый парень, одетый в кожаный костюм, сошел с корабля на заснеженный берег Антарктиды. Мы стояли с ним у нашего будущего жилья, домика летчиков в поселке Мирный, и смотрели на разгружающиеся в припайном льду корабли Антарктической экспедиции. От них, как муравьи, непрерывной цепочкой, след в след, тянулись к берегу тягачи с гружеными санями.

и тупорылых в снег, не поставить их в правильные штабеля, где они считают себя побежденными, то вскоре появятся вторые сани, за ними третьи, и бочки поглотят, уничтожат нас, завалят своими ржавыми боками, скроют от нас ясный, солнечный мир, а на той стороне цепи, откуда поступают они, безжизненно застынут в ожидании пустых саней стрелы судовых лебедок.

Разве можно остановить разгрузку кораблей!

И мы, стиснув зубы, бросаемся на очередные сани. Первая поверженная бочка летит в снег, теперь ее надо перекатить к штабелю и поставить в ряд. Я нагибаюсь к ней, хватаю за края и стараюсь развернуть ее в нужном направлении. Но так хочу я, а она хочет другого. Бочка — предмет одушевленный! Через несколько часов после начала работы вы чувствуете это очень хорошо. Она живет, она дышит, она лежит и дразнит вас. Вы не поверите, но она кричит! Кричит, как толстая черная свинья, и по мере того, как вы пытаетесь шевельнуть ее, она только глубже зарывается в рыхлый снег своим тупым, толстым рылом.

Наконец смена кончилась! Ребята разобрали куртки и улеглись на пустые сани. Весело взревел двигатель. И тут из-за снежного бугра показались еще два трактора с гружеными санями. Они приближались к нам, медленно переваливаясь через снежные заструги. Наших сменщиков на них не было.

Ну что ж, приказ был ясен и прост: работать только до срока, затем на попутных санях возвращаться на корабль — время вышло! Я махнул водителю рукавицей:

— Поехали!

И вдруг услышал голос Рогова:

— Стой, ребята! Смена только на третьих санях, видите?

Мы все смотрели в сторону моря. С высокого берега было хорошо видно, как далеко внизу от кораблей тронулся по ледяной дороге трактор с санями, и на самом верху их копошились черные, едва различимые отсюда фигурки людей.

Рогов продолжал:

— Им до нас сорок минут. Здесь окажется сразу трое саней. Представляете?

НАД КУПОЛ АНТАРКТИ

Ю. РОБИНСОН,
старший штурман авиаотряда Антарктической экспедиции

— Я, Юра, назначен к тебе в бригаду разгружать горючее,— сказал мне Рогов.

— Отлично! Получай на складе брезентовый костюм и рукавицы. Постарайся поспать, через шесть часов наша смена.

И уже через десять часов после нашего первого разговора в Мирном я проникся невольным уважением к этому парню. Хотя в тот день мы не делали ничего особенного, просто вместе разгружали бочки.

Известно ли вам, что такое бочка? Обыкновенная железная бочка в каких-нибудь 250 — 300 килограммов весом, заполненная дизельным топливом, авиационным или автомобильным бензином? Известно ли вам это чудовище?

Вы скажете: известно. Я тоже так думал, и, уверяю вас, я ошибался!

Эти бочки в течение долгих разгрузочных дней валились на нашу маленькую бригаду неудержимой страшной лавиной. Двенадцать часов в сутки мы отдыхали, ели и спали, но другие двенадцать часов, то есть двенадцать часов рабочей смены, мы «принимали» горючее. Без каких-либо перерывов, независимо от погоды и времени суток, так как ночи не было. На берегу ледяного континента, в нескольких километрах от разгружающихся кораблей и поселка, мы вступали в бой с бесконечными полчищами врагов, которые ползли на нас с моря, выезжая по 60 — 70 персон на тракторных санях из-за снежного бугра. Они медленно приближались к нам, установленные в стройные железные ряды, по два яруса на санях, и я видел, как глаза моих товарищей, устремленные им навстречу, загорались лютой ненавистью.

Если быстро и своевременно не расправиться с первыми санями, не сбросить этих толстых

Да, она жива, своенравна и капризна! Я часто ловил себя на том, что пинаю очередную непослушную бочку сапогом в «живот». Если вы приподнимете ее и не удержите, она, падая, сделает все возможное, чтоб упасть на ногу именно вам, в крайнем случае вашему товарищу. Даже в штабеле, поставленная в ряд, она, прежде чем застыть намертво, постарается отдавить вам пальцы о свою соседку. Поэтому выходить с ней один на один — пустое дело. С ней нужно расправляться втроем, что мы и делали. Втроем мы подтаскивали бочку к штабелю и здесь ставили в ряд с остальными на попа. Проделывая над ней эту ответственнейшую операцию (после нее бочка застывает в очаровательной неподвижности), двое из нас обычно становились по краям, а третий, центральный, подсунув под нее руки, отрывал ее от снега, принимая на себя основную тяжесть.

В процессе работы я заметил, что не очень стремлюсь оказаться на месте центрального, в то время как Рогов это место занимает всегда, облегчая работу своих товарищей.

Но не только этим удивил меня в тот день Рогов.

Кончились бесконечные часы нашей смены. Разгрузив пятнадцать саней, мы потеряли счет остальным. Более тысячи рычащих, грохочущих, падающих на нас, выматывающих нам душу бочек стояло в стройном длинном штабеле. Состояние было такое, что казалось, последние физические силы покидают тело. Брезентовые рукавицы превратились в лохмотья. Лица людей, обожженные ярким антарктическим солнцем, овеянные сухим морозным ветром, приняли темно-бурый оттенок, на них появилось выражение бесконечной усталости.

Да, я легко представил себе, каким горячим будет начало у нашей смены,— дадут им бочки жизни! Двести штук сразу, а там другие подъедут.

Петр спрыгнул с саней.

— Нужно помочь, во всяком случае, разгрузить эти.— Он кивнул на прибывшие бочки.— Сколько успеем до приезда ребят второй бригады.

«Один из нас идиот»,— подумал я и обозлился. Мне захотелось воспользоваться своей малой властью бригадира, послать этого Рогова к дьяволу и отправиться с бригадой на корабль. Ведь корабль в тот момент был для нас обед, ванна и постель! Какое нам дело до того, что «те» задержались!

Но неожиданно с саней спрыгнул еще один наш летчик, Саша Кузьмин, затем еще двое, еще двое и, наконец, захватив свою куртку, сполз бригадир.

Да, это была работа с воодушевлением! Когда подъехала смена, мы заканчивали разгрузку вторых саней. Наши сменщики, жизнерадостные, бодрые, отдохнувшие, натягивая новенькие брезентовые рукавицы, устремились к нам, и с бочками было покончено в несколько минут.

А мы, бесконечно уставшие, но улыбающиеся и счастливые от того, что сняли с плеч товарищей часть нагрузки, повалились на пустые сани и, мерно покачиваясь на ухабах, двинулись по ледовой дороге к кораблю. Впереди был отдых. Целых двенадцать часов!

Очнулся я у корабля. Над моей головой зазвенела веселая фраза, которой в свое время слуга будил знаменитого Сен-Симона:

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Я открыл глаза и увидел над собой смеющееся лицо Рогова.

ОМ

ДЫ

— Вставай, Юра, приехали!

Таким он и был, Петр Рогов, весь этот год Антарктической экспедиции — жизнерадостным и неутомимым. Крепили ли мы тросами самолеты, заправляли ли их бензином и маслом, откапывали бочки ли с горючим, или занесенные снегом дома, бурили припай или расчищали аэродром,— в любую погоду, в пургу и в ясный день, на любой работе этот человек был впереди, заражая нас своим оптимизмом, трудолюбием и энергией.

Так было на земле, а вот что было в воздухе...

В начале марта у нас, в авиаотряде экспедиции, наступила горячая пора. В Антарктиде начиналась зима. На внутриконтинентальных станциях Комсомольская и Восток температура перевалила за минус 55°, а мы не успели еще выполнить заявку зимовщиков станции Восток — обеспечить их необходимым на зиму продовольствием и оборудованием. Оставалось довезти каких-нибудь три тонны грузов, но как тяжело эти три тонны нам достались!

Вечером 2 марта 1959 года я сидел на диване в комнате командира авиаотряда Бориса Осипова и прислушивался к его разговору с Роговым. Обычно молчаливый, немногословный Осипов, потирая рукой щеку, говорил:

— Словом, нужно еще пару рейсов. Отвезти продукты, оболочки для радиозондов, ряд приборов. Понял?

Петр улыбнулся и кивнул. Осипов продолжал:

— Мы всем отрядом будем забрасывать тебе на Комсомольскую горючее. А ты сделаешь эти два броска на Восток.

Осипов немного помолчал, потом кивнул в мою сторону:

— Юра пойдет штурманом. Возьмите 495-ю машину, с покрытыми фторопластом лыжами, на железных теперь там, пожалуй, не взлетишь, а?

Летчики переглянулись. Многое видели они за годы работы в Арктике, но здесь, на шестом континенте, все было необычно.

Рогов провел языком по сухим губам.

— Значит, на Восток, Борис Семенович?

— Да, на Восток.— Взгляд Осипова необычно потеплел, и он тихо добавил: — Понимаешь, Петя, без этого оставлять их там на зимовку нельзя.

— Ясно, Борис Семенович, вылетать будем завтра в пять утра.— Рогов поднялся.

«Пятнадцать часов полета,— подумал я,— три посадки на куполе. Вернемся глубокой ночью».

Я взглянул на метеобланк с вечерней погодой: Комсомольская — температура минус 56°. Восток — температура минус 58°.

Это температурка! Я поднялся вслед за Роговым. Мне тоже, собственно, все было ясно. Простившись с Осиповым, мы вышли.

И вот я смотрю на бегущие под крылом самолета бесконечные снежные заструги. Полчаса назад мы взлетели, и теперь наш самолет поднимается все выше над ледяным куполом Антарктиды, следуя курсом на юг. Станция Восток расположена далеко в глубине материка на высоте 3 500 метров. Впереди у нас полторы тысячи километров бескрайней морозной пустыни с убегающими к горизонту снежными застругами.

Сейчас этот белый материк, освещенный лучами поднимающегося над ним солнца, необычайно красив. Он сверкает всеми оттенками белого цвета и дружески зовет нас опуститься, присесть на его пушистую грудь.

Пока все идет отлично. Через пять часов полета самолет выходит к станции Комсомольская. Под нами три небольших домика, опутанных паутиной радиомачт и антенн. Садимся и подруливаем к сброшенным в снег бочкам с бензином.

Я открываю дверь самолета и чувствую, как жгучий мороз впивается иглами в лицо. Мы прыгаем в сухой, сыпучий снег и принимаемся за мучительный труд — в этом рыхлом снегу подтаскивать к самолету бочки с бензином. Если внизу, у берега моря, такую бочку мы легко катим вдвоем, а втроем поднимаем, то здесь, на высоте трех с половиной тысяч метров, мы с трудом передвигаем ее вчетвером. Мороз обжигает легкие, воздуха не хватает, дышать нечем, кровь молотками стучит в висках, а в поле зрения плавают, переливаясь, желтые круги. После каждой бочки отдыхаем, прислонившись к стабилизатору самолета. Рогов не отдыхает. Он работает как одержимый. Пока мы стоим, он откапывает очередную бочку. Я уже к этому привык и больше не удивляюсь. Временами я смотрю на него, вижу, что ему очень трудно, и думаю: когда же он упадет? Но нет, не падает!

Через полтора часа мы снова в воздухе. Еще через три часа благополучно садимся на посадочную полосу станции Восток. Встречает нас все местное население. Зимовщики знают, что это последние наши полеты к ним перед долгой полярной зимой, и видят, как они нам трудно даются.

Крепкие рукопожатия, короткие приветствия, быстро и дружно разгружаем самолет. Пора в обратный путь.

Самолет взлетает и, качнув крыльями над домиками станции, ложится на курс. От долгого пребывания на высоте, в условиях кислородной недостаточности, начинает побаливать голова.

На Комсомольской вновь посадка и заправка. Снимаем с моторов чехлы и забираемся в кабину. Теперь голова гудит, как котел. Последним поднимается Рогов и протягивает мне телеграмму. Текст ее лаконичен и прост, но он, как лопнувшая струна, бьет по напряженным нервам: «Ускорьте вылет, натекает облачность, ждем пургу. Осипов».

Я вновь смотрю в окно штурманского отсека на плывущую под крылом поверхность купола. Она не играет больше белыми бликами. Солнце село, и в сгущающихся сумерках купол приобрел зловещий серо-стальной цвет. Нас постепенно заволакивает тьма. Полярная ночь расправляет над Антарктидой свои огромные черные крылья. Она летит рядом с нами последние девятьсот километров, укрыв от нас купол, забрасывая тучами снега и грозя жгучим морозом. Самолет начинает трясти и подбрасывать — это мы вошли в зону пурги, и теперь она, обступив нас со всех сторон, захватив в свои мохнатые лапы, тащит вместе с массой поднятого снега в ночь, в пространство, в бездну. Летчики ведут самолет по приборам, выдерживая высоту над куполом 200 метров. Таким образом, мы постепенно, вслед за понижением купола, снижаемся к морю.

Мы опоздали: пурга уже охватила район побережья.

Вижу, как Рогов поднимает руку к верхнему электрощитку и включает фары. Сноп яркого света схватывает только лавину летящего на нас снега. Он идет стеной, белой, страшной стеной, которая теперь наглухо закрыла нас от всего остального мира. Сигналов радиостанции Мирного мы не слышим.

Рогов оборачивается ко мне:

— Куда ведешь ты нас, Сусанин? — И, видя, что я совсем не расположен к шуткам, серьезно спрашивает: — Как думаешь, Юра, где мы?

Где мы?! Мне бы хотелось получить вопрос полегче. Где мы? Бог на небе — и тот, наверное, не знает сейчас, где мы! Знают об этом только черная ночь, неистовая пурга да белый притаившийся во мгле купол. Они все знают, они уже обо всем договорились и ждут теперь только малейшей нашей ошибки. Я поднимаю взгляд на Рогова:

— Думаю, что подходим к берегу. По расчету до пролета береговой черты еще семь минут. Мы в береговой зоне.

— Это понятно. Ты скажи, в каком месте, считаешь, выходим на берег?

— Считаю, выходим западнее Мирного. Пройдем берег, Мирный останется справа, восточнее, но сколько восточнее — 50 или 100 километров,— сказать не могу.

— Хорошо.— Несколько секунд Петр помолчал, затем потянул штурвал на себя, выравнивая самолет.— Вот что, снижаться пока больше не будем.

Семь минут! Как медленно движутся стрелки приборов! Наконец показания высотомеров сравнялись, по идее, под нами море. Рогов снова оборачивается ко мне:

— Юра, ты уверен?

Да, я уверен, мы над морем, ошибки быть не может, но дикая, нелепая мысль: «А вдруг?!» — молнией проносится в голове. Нет, прочь сомнения. Расчеты проверены, мы должны, мы не можем не быть над морем!

Вниз! Машина резко опускает нос. Наш механик, Павел Гончаров, уж слишком спокойным, будничным голосом отсчитывает высоту:

— Семьсот. Шестьсот. Пятьсот. Четыреста метров.

— Включить фары!

В лучах фар мы снова видим бешено летящую на нас лавину снега. Мы все еще в снегопаде, в снежных облаках.

— Выключить! — Рогов прекращает снижение и поворачивается в мою сторону.— Как считаешь? До какой высоты можем снижаться?

Я медлю с ответом. Действительно, до какой? В литературе об Антарктике описаны айсберги высотой до 70—80 метров. Значит, выше 100 метров не бывает. А вдруг этот единственный, ускользнувший от описания айсберг, высотой метров в сто двадцать, ждет нас сейчас там, внизу? Ведь в районе Мирного их сотни...

— Думаю, до ста пятидесяти нужно пробовать.

— Хорошо.— Рогов плотнее усаживается в пилотском кресле.— Включить фары! Внимание, пошли вниз!

Я вижу только летящий навстречу снег, вижу, как ползет стрелка радиовысотомера — высота 300, 250, 200 метров... Внезапно белый луч фары проваливается в темную пустоту. Пробились! Облака кончились!

— Выключить подфюзеляжную фару!

Яркий луч света бьет вниз-вперед. Оттуда навстречу нам вздымаются вверх пенистые

Петр Рогов.

Исповедь Сергея Щеглова

Через всю эту книгу лейтмотивом проходит тема Советской Родины. Лев Никулин написал роман о человеке, который потерял Родину в раннем детстве и обрел ее в зрелом возрасте.

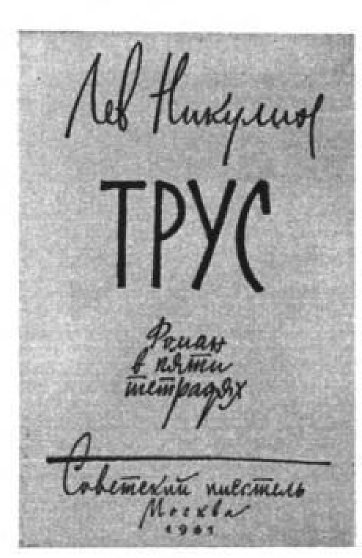
Перед читателем проходит картина бурных событий нашей эпохи. Действие романа охватывает несколько десятилетий. Оно начинается и развертывается за рубежом, а заканчивается в Советском Союзе.

Иные литераторы пишут о зарубежной жизни поверхностно, знакомясь с ней преимущественно по справочникам и путеводителям. Лев Никулин много путешествовал, он знает то, о чем пишет, не из вторых рук. Где бы ни происходило действие романа — в Москве или Париже, в Мюнхене или на Лазурном берегу, — и фон и детали подмечены наблюдательным глазом и описаны точной рукой.

Лев Никулин. Трус. Роман в пяти тетрадях. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1961. 360 стр.

Годы и события показаны писателем через восприятие человека сложной судьбы. Сергей Щеглов — сын революционера, большевика, бежавшего из царской ссылки и эмигрировавшего во Францию, который вскоре умер. Растерянная и одинокая, мать Сергея выходит замуж за французского дельца. Сергей, русский по рождению и воспитанию, не может найти себе места на чужбине. Он становится очевидцем многих событий: прихода гитлеровцев к власти в Германии, «странной войны», поражения и оккупации Франции.

Впрочем, судьба Сергея Щеглова — трагедия человека без родины — не так уж необычна. В таком положении очутилось — пусть по другим причинам — все младшее поколение русской белой эмиграции. Из его среды вышли люди всякие. Одни из них впитали с молоком матери ненависть к Советской власти, лишившей их титулов, богатства и возможности жить за счет чужого труда. Они околачиваются до сих пор на задворках Европы и Америки, и порой мы встречаем их во время заграничных поездок в роли гидов, переводчиков, а то и личностей «в гороховых пальто». Но другие всеми фибрами души тянулись к родной стране, гордились нашими победами на войне и успехами в мирном строительстве. Для многих из них Родина стала путеводной звездой, и они вернулись домой, в Советский Союз. Английский драматург Питер (Петр) Устинов, который сам принадлежит ко второму поколению русской послереволюционной эмиграции, ярко отобразил разброд в ее среде, разрыв между отцами и детьми в своей пьесе «Дом разочарований».

Эмигрантская судьба Сергея Щеглова формирует в нем характер «труса»: он растет на чужой стороне диковатым, робким, легко ранимым. Когда в Мюнхене гитлеровцы арестовывают его молодую жену Рози — еврейку, он делает лишь одну-единственную попытку спасти ее, а затем бежит из объятого коричневой чумой рейха, спасая собственную жизнь. Образ «труса» Сергея Щеглова нарисован психологически верно. Сергей страшно одинок. В голове у него порядочная путаница.

Что же все-таки приводит «труса» в лагерь французских партизан, а затем заставляет вернуться в Советский Союз? Что меняет, закаляет его характер?

Этот вопрос задает Сергею француженка Дениза, и он отвечает ей: «Чувство Родины». Оно входит в жизнь Щеглова, когда сквозь треск атмосферных разрядов он слышит по радио вести о победах Советской Армии. Он испытывает глубокое душевное потрясение, услышав в горной хижине последние слова умирающего русского солдата Федора Власенкова, бежавшего из плена и нашедшего дорогу к партизанам.

Когда же после войны Сергей, застрявший на Лазурном берегу без средств и без работы, носится с мыслью о самоубийстве, случайно повстречавшиеся советские люди — туристы — протягивают ему руку помощи. По существу, они спасают его жизнь.

В романе хорошо передана удушливая атмосфера Запада, которая позволила Гитлеру в тридцатых годах прийти к власти в Германии и позволяет сегодня недобитым гитлеровцам вернуться на европейскую сцену. И когда Сергей Щеглов казнит своей рукой гитлеровца Бальца, повинного в смерти французских патриотов, читатель воспринимает это и как заслуженное возмездие и как решимость простого человека не допустить повторения пройденного.

С особенным интересом читается вторая часть романа, в которой переданы переживания Сергея Щеглова по возвращении на Родину. Мы видим советскую действительность глазами молодого гражданина СССР. Автор тонко, без утрировки отмечает многие черты нашей жизни, которые так резко отличают ее от жизни в капиталистическом мире.

Не все идет гладко. В школе, где преподает Щеглов, он сталкивается на первых же порах с лжебдительностью некоей преподавательницы Клавдии Михайловны. Клаха — так называют эту особу ненавидящие ее ученики — в свое время нагоняла страх не только на ребят. Она целиком принадлежит минувшей эпохе. Доносы — ее специальность, и «возвращенец» Щеглов представляется ей подходящей мишенью.

Но Сергея Щеглова окружают хорошие советские люди. Среди них и пенсионер, бывший летчик Сахаров, и коллеги-учителя, и работники большого столичного завода. Недаром сотрудник прокуратуры, с которым у Щеглова происходит объяснение по делу об убийстве Бальца, говорит ему: «У вас много друзей, Сергей Павлович».

Сергей Щеглов нашел и Родину и друзей, которые не дают его в обиду. Доверие к человеку становится в нашей стране нормой жизни.

«Трус» Льва Никулина — хорошая книга. Автор нашел для своего романа удачную форму: за исключением пролога и эпилога он разбит на «тетради» — записи от первого лица. Мы как бы читаем исповедь Сергея Щеглова и верим его взволнованной речи.

Б. ИЗАКОВ

языки моря. На море шторм. Нам не слышно его рева, но море кипит и неистово тянется к нам черными громадами волн. Я чувствую, как холодные мурашки посыпались мне за воротник.

Самолет разворачивается и ложится курсом на Мирный. Стоп! Этот курс лежит параллельно береговой черте — на такой высоте этим курсом, рядом с береговыми ледниками и склонами лететь нельзя. Самолет набирает высоту шестьсот метров и вновь попадает в плен пурги.

Рогов передает управление другому летчику, Саше Марченко, и обращается к экипажу:

— Ну, климовские мужики, что делать будем? Горючего у нас еще часа на два.

Он смотрит на меня. Я не знаю. Я уже основательно пал духом. Довольно невнятно предлагаю отойти от берега подальше в море и оттуда, более безопасным курсом, выходить на Мирный.

— А как далеко в море мы сейчас и на сколько еще отходить? Потом второе: ну, выйдем на Мирный, там пурга, куда садиться будем, в трещины?

Я безнадежно махнул рукой. Рогов повернулся к бортмеханику:

— Ты как думаешь, Павел Иванович?

Гончаров пожал плечами:

— Думаю, нужно возвращаться на купол, там садиться в снег, где поровней и попушистей. Только не забираться далеко, чтоб не очень холодно было.

— Вот и я так думаю. Ну, проносимся мы еще час или полтора над морем, а потом что, к наядам? — Рогов взялся за штурвал. — Пойдем садиться на купол. — Он обернулся ко мне:

— Давай, Юра, курс. Строго на юг!

— На купол?!

Помню, в тот момент волнение настолько овладело мной, что я никак не мог прибавить к ста восьмидесяти градусам семьдесят девять градусов магнитного склонения, чтоб дать правильный курс.

Самолет развернулся на юг и медленно стал набирать высоту. Я почувствовал, что мне становится жарко. Все ближе и ближе подбирается под фюзеляж самолета скрытый в ночи ледяной купол. Всей кожей, всем существом своим я чувствую его приближение. Временами мне становится жутко, и я с удивлением поглядываю на своих спутников: неужели они действительно так спокойны, какими кажутся на вид?

До купола двести метров. Он под нами, он притаился в этой непроглядной тьме.

— Высота сто метров!

Мне кажется, я сквозь мрак ночи чувствую, как обжигает он нас своим ледяным дыханием. Он совсем рядом, этот вспухший из океанической бездны гигантский белый спрут. Мы — в наиболее благоприятном районе. По прошлым нашим наблюдениям здесь мягкий снежный покров и в любом направлении в сторону от береговой черты бескрайнее ровное плато.

Я наклоняюсь к Рогову:

— Петя, пора!

Его пальцы впиваются в штурвал:

— Включить фары! Нижнюю тоже! Начинаем снижение!

Самолет плавно разворачивается на юго-восток против ветра и слегка опускает нос.

— Высота семьдесят! Высота пятьдесят!

Голос Гончарова звучит ровно и бесстрастно. Вижу, как Рогов подается вперед.

— Ничего не вижу, снег — белый экран, — говорит он.

Этот белый экран создает в лучах фар летящая навстречу стена снега. Петр снова наклоняется вперед. Я перевожу взгляд через боковое окно вертикально вниз, и вдруг... вижу, как из черноты ночи медленно вспухает под самолетом белое, страшное в эту минуту снежное поле, вижу, как тянутся по нему снежные струи поземки.

— Петя, я вижу! — кричу я в затылок Рогову.

Он плавно переводит машину на подъем, затем, услышав реплику Гончарова: «Сто метров!», — спокойно спрашивает:

— Что ты видишь?

Я объясняю: мы идем под углом градусов двадцать к струям поземки, нужно повернуть влево, стать против ветра, снежное поле ровное.

— Хорошо! — Рогов опять удобнее усаживается в кресле. — Доворачиваем двадцать влево. Включить подфюзеляжную фару, крыльевые не включать, они создают экран. — Он обернулся к своему напарнику: — Саша, держи машину без кренов, следи за снижением и скоростью. Главное, ребята, теперь спокойнее. Все готовы?

Да, теперь мы были готовы, и каждый знал, что делать.

— Внимание! Пошли вниз! — Пальцы Рогова опять впились в штурвал. Я смотрел на его тонкие, красивой формы руки и думал, как много в эту минуту значат они. Наша жизнь, счастье наших близких, жизнь нашей машины, успех работы нашего отряда — все, все в ту минуту было в этих руках летчика.

— Высота пятьдесят!

Я перевел взгляд на боковое окно, вниз:

СПАСИБО ВАМ, ЕВДОКИЯ ДМИТРИЕВНА

Народной артистке СССР Евдокии Дмитриевне Турчаниновой исполняется девяносто два года. Тысячи читателей «Огонька» всех поколений, видевших Е. Д. Турчанинову на сцене ее родного Малого театра, в кино, на экране телевизора, слышавших ее выступления по радио, поздравят ее в этот день вместе с нами, полные глубочайшего уважения и благодарности за все ею созданное, и вместе с нами пожелают ей еще многих, многих лет здоровья и бодрости.

Перечислить роли Евдокии Дмитриевны, созданные ею на протяжении почти трех четвертей века? Нет, это может сделать только историк театра, биограф, исследователь творчества Турчаниновой. Евдокия Дмитриевна сыграла их около четырехсот. Тут и Грибоедов, и Гоголь, и Сухово-Кобылин, и Лев Толстой, и Достоевский, и Горький, и Мольер, и Гюго, и Бальзак, и Теккерей, и Шоу, и Тренев, и Корнейчук, и Гусев. Но более всех — Островский, в пьесах которого она переиграла множество ролей, удивляя зрителей «писательским» проникновением в суть изображаемого ею лица, великой красотой русской речи, естественностью и мудростью исполнения. Сколько раз ни смотришь Евдокию Дмитриевну, все кажется: видишь ее в первый раз. Ибо ее игра — всякий раз событие, новое для нее и тем самым для нас.

И есть в ней еще одна удивительная особенность. Бывает, смотришь игру иного большого актера, и веришь в образ, и совершенно убежден, что он есть и должен быть таким и только таким, каким он предстал перед тобою на сцене. А про самого исполнителя забываешь. А бывает другое — и это в высшей степени характерно для Евдокии Дмитриевны: в ее образы веришь и убежден в их глубочайшей правдивости. И в то же время любуешься ими, как созданием замечательной актрисы, наслаждаешься тонкостью и блеском ее игры, ее талантом, праздничностью ее исполнения и... невозможностью найти границу между ею самой и созданным ею образом. Это высшее совершенство искусства издавна роднит русский театр с Гоголем. Без Гоголя, которого вы все время чувствуете в строках и между строк, не было бы «Мертвых душ». Вернее, без образа автора, без собственного его характера, без его манеры рассказывать «Мертвые души» были бы лишены души. Вот так и творчество Турчаниновой обогащается ее личностью, ее манерой, музыкой ее речи. Смотришь и восхищаешься не только тем, **как** сыграно, но и той, **кто** играет! Скажем же спасибо замечательной русской артистке, умному художнику и прекрасному современному человеку — Евдокии Дмитриевне Турчаниновой — за все, что создано ею.

Ираклий АНДРОНИКОВ
Фото Н. Рахманова.

ПУСТЬ КРЕПНУТ СВЯЗИ

Чемпион мира по скоростному бегу на коньках Виктор Косичкин вступил в общество «СССР — Норвегия».

— Я хочу активно участвовать в развитии дружеских и добрососедских связей между нашими странами,— подчеркнул он в своем заявлении.

У талантливого советского скорохода в этой северной стране очень много друзей. Ведь все норвежцы — от мала до велика — страстные болельщики конькобежного спорта, и даже малыши умеют самостоятельно подсчитывать очки в многоборье чуть ли не раньше, чем усвоят таблицу умножения. За последние годы Виктор Косичкин побывал в Норвегии пять раз, на норвежском льду одержал немало побед.

На снимке: генеральный секретарь общества дружбы «СССР — Норвегия» Аэлита Ходарева поздравляет Виктора Косичкина с вступлением в общество.

Фото И. Синицына (АПН).

В нашей редакции побывала известная американская киноактриса Ким Новак, приехавшая в Советский Союз по приглашению Союза работников кинематографии.

Ким Новак рассказала сотрудникам редакции о своих творческих планах, ответила на вопросы, касающиеся американского киноискусства.

сейчас вновь увижу купол! Страшно увидеть его в такую ночь еще раз. Вот он. Вот он, жуткий и белый. Протянув руку вперед, рывком открываю боковое окно пилотской кабины.

— Петя, влево, видишь?

— Вижу! Павлик, давай шасси!

— Есть шасси!

Машина дрогнула, на приборной доске вспыхнули зеленые лампочки.

— Лыжи выпущены!

— Хорошо!

— Высота тридцать метров!

— Хорошо.

Теперь, схваченное светлым лучом нижней фары, окутанное снежной лавиной, белое плато Антарктиды с бешеной скоростью несется под самолетом, совсем рядом с нами.

«Неужели сядет? Ведь он ничего не видит впереди!» — молнией проносится у меня в голове.

Но Рогов и не смотрит вперед. Он глядит влево-вниз в открытое боковое окно и начинает плавно выравнивать машину. Почти неуловимыми, точными движениями рук он постепенно выбирает штурвал на себя, сажая самолет на ощупь, вслепую. Еще мгновение — и чувствуется легкий толчок от касания лыж, и вот уже машина плавно скользит по мягкому снежному полю.

— Все! — Рогов вытер лоб.— Теперь дело в погоде. Будет погода — взлетим! — Он повернулся к радисту Николаю Старкову.— Коля, сообщи в Мирный, что у нас все нормально, они ведь там тоже поволновались.

Через час на газовой плитке весело шипели сковородки. Гончаров, неутомимый рассказчик, обладающий редким чувством юмора, углубился в воспоминания о заре туманной юности, а мы, слушая его веселые рассказы, дружно расправлялись с жирами, белками и углеводами. Перед тем, как улечься спать, Рогов предложил:

— Давайте установим дежурство, по четыре часа каждый, чтоб на время включать движок и обогреватели кабины, иначе замерзнем. Если не возражаете, первым дежурить буду я.

Помню, как, залезая в спальный мешок, я с благодарностью подумал о том, кто вызвался дежурить первым. Мы так устали, не дай бог, дежурить пришлось бы первому мне. С этой эгоистичной мыслью я заснул.

Трое суток бушевала над куполом и в Мирном пурга. Три дня и три ночи провели мы в самолете на ледяном панцире Антарктиды и, когда наконец на четвертый день погода установилась, благополучно перелетели в Мирный.

На следующий день после возвращения, отоспавшись, я сидел в теплой, уютной комнате. Внимательно разглядывая в зеркале свое основательно заросшее рыжеватой щетиной лицо, я в который раз задавал себе вечный «гамлетовский» вопрос: «Брить или не брить?» Многие научные работники экспедиции начали отпускать бороды, и меня также подмывало ринуться с ними в обратный путь от цивилизации к варварству и дикости. В дверь постучали.

— Можно к тебе? — На пороге стоял подтянутый, чисто выбритый Рогов.

— Прошу! — Я подвинул ему стул и добавил: — Что вам, водки или чтиво?

Он засмеялся:

— Оставь стихи в покое. Скажи лучше, как считаешь, сможем мы взять сразу полторы тонны?

— Полторы тонны? Куда?

— Как куда? На Восток, конечно!

— Что-о? — Я даже приподнялся. Я считал, что с полетами на купол до весны по крайней мере покончено.— Знаешь, Петя, как-то раз я уже подумал о том, что один из нас ненормальный...

Он побарабанил по столу своими тонкими пальцами.

— Вот что, садись и брейся. Я уже сказал Осипову, что мы отдохнули и завтра можем слетать. Кузьмин и Марченко сейчас в воздухе, везут нам на Комсомольскую бензин, понял? Если хочешь, можешь пойти к нему и отказаться.— Рогов встал и направился в свою комнату.

Я снял трубку телефона, набрал номер радиорубки и назвал себя:

— Прочтите, пожалуйста, последнюю погоду Востока.

— Востока? Минуточку! Вот, за 9.00: ясно, морозная дымка, видимость два километра, температура минус 62.

— Благодарю! — Трубка звякнула о рычаг. Я пошел в комнату Рогова. Он лежал на кровати в пижаме, поверх одеяла, и читал.

— Что повезем?

Он отложил книгу в сторону.

— Повезем свежее мясо, консервированные фрукты, соки, табак, папиросы и прочее...

И вот я вновь смотрю на купол в окно штурманского отсека. Руки Петра Рогова лежат на штурвале...

* * *

...Я не удивился, узнав, что Петр Рогов был назначен пилотом лайнера «АН-10», который в паре с «ИЛ-18» совершил в декабре прошлого года трансземной прыжок из Москвы в Мирный и обратно.

Войдем в детский кино

А. МОРОВ

Приз за Бабетту!

Эдик спешил. По условиям игры, которую организовала Антонина Васильевна Иванова, массовик кинотеатра, премией награждался тот, кто напишет самое большое количество названий фильмов, озаглавленных именем или фамилией действующего лица. Победитель мог бесплатно посмотреть картину с завлекательным названием «Тайна зеленого бора». Это вдохновляло ребят, собравшихся в то погожее утро в минском кинотеатре «Детский».

Заслонив листок локтем, чтобы соседи не могли подглядеть, Эдик быстро скользил карандашом по бумаге.

«Сашко»,— писал он,— «Чапаев», «Александр Невский», «Фанфан-Тюльпан», «Иван Грозный», «Максимка», «Илья Муромец», «Ночи Кабирии», «Тимур...», «Бабетта идет на войну», «Константин Заслонов», «Граф Монте-Кристо», «Александр Матросов», «Тарзан»...

Я сидел рядом с мальчиком, который заговорщически и победоносно показывал мне каждое новое имя. Но я никак не мог понять смысла заданной игры... Тут мальчик задумался: «Как быть с кличками героев? Пройдут или не пройдут? Авось, пройдут!» — решил он. И дополнил список названиями фильмов «Орленок» и «Стрекоза». Затем, помедлив, на всякий случай прибавил еще «Человек 420».

Все эти хитрости были, конечно, обнаружены зоркой Антониной Васильевной. «Стрекозу» и «Орленка» из списка у Эдика вычеркнули.

Но он все же выиграл. Мальчик оказался учеником седьмого класса. Впрочем, ученики пятых и шестых классов отстали от Эдика ненамного.

Руководительница, к моему изумлению, осталась довольна. И в Минске кинотеатром «Детский» довольны. Да, это и в самом деле кинотеатр неплохой. В школах белорусской столицы кинотеатр имеет шесть своих филиалов, здесь подготовлена группа юных киномехаников, театр перевыполняет планы по количеству киносеансов, по сборам...

Но ведь кинематограф для детей не только зрелищное предприятие! У него есть и другие задачи. Каковы же они? Как их решать? Ответа на эти вопросы я не нашел в Минске.

Кто во что горазд...

Утро. Еще не жарко, и детей в московском кинотеатре «Юный зритель» собралось довольно много. Массовик Михаил Васильевич дежурит — выполняет различные хозяйственные обязанности директора и администратора. Ребята в фойе развлекаются сами. Во что-то играют.

— НПМС! — стараясь перекричать других, выпаливает паренек.

— «Необычайное приключение Мишки Стрекачева»,— отвечает ему хор голосов.

— КЦА,— вдохновенно восклицает девочка с косичкой.

— «Когда цветет акация»!—следует ответ.

— ТШ, НПБ, ПИМ,— сыплются наперебой все новые и новые таинственные «шифры»...

Оказывается, эта игра — одна из разновидностей той нелепой «киновикторины», в которую играли ребята в Минске: за буквами скрываются сокращенные названия фильмов.

Состязание продолжалось и дальше, когда Михаил Васильевич смог между делом заняться наконец своими прямыми обязанностями. Он организовал игры: заставлял детей произносить скороговоркой: «Шла Саша по шоссе! Мама мыла Милу мылом». Ребята путались, поправлялись, и всем было очень весело, хоть и непонятно, какое отношение подобные занятия имеют к киноискусству, к эстетическому воспитанию детей.

Иногда Михаил Васильевич перед сеансом давал юным зрителям пояснения к фильму. О картине «Твои друзья» он сообщил:

— Ребята! Это фильм о пионерах, борющихся с браконьерами. Кто такие браконьеры? Это нехорошие люди, уничтожающие птиц и зверюшек. Понятно?

— Понятно! — хором ответили малыши. Ребята постарше отмолчались.

Я спрашивал Михаила Васильевича, кто консультирует его, кто помогает ему в занятиях с детьми: ведь сам он не педагог?

— Никто,— был ответ.

Сейчас здесь массовик новый, а положение... старое.

«Хочу все знать!»

Что же такое кинотеатр для детей, если не только зрелищная площадка?

«Юный зритель» отвечает: место детских игр.

Я. МИЛЕЦКИЙ

За ку унив

Каюсь, я люблю ходить по магазинам. Интереснее всего, конечно, бродить по «торговым улицам» главного универмага страны ГУМа. Вот уж действительно где истинное царство вещей! Их тысячи и тысячи — дорогих и дешевых, маленьких и громоздких, нужных и лишних. Вот уж где можно увидеть сотни улыбок и услышать столько же радостных восклицаний! Но нет-нет да и промелькнет в толпе человек с унылым выражением лица, недовольный, а порой даже сердитый.

— Чем вы недовольны, молодой человек?

— Хотел купить брюки. Оказывается, нет моего размера. А почему? У нас, говорят, на складе лежит целая партия бракованных брюк, уж вы извините. А мне от этого не легче!..

— Да,— подтвердило гумовское начальство,— еще жива злополучная Акуля, о которой упомянул в Отчетном докладе на XXII съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев, та самая Акуля, которая шьет не оттуля и потом еще пороть будет. Приходите за кулисы, все сами увидите...

Оказывается, универмаг, как и театр, имеет свои кулисы. В театре туда не пускают зрителей, а в универмаге — покупателей. Поэтому я решил воспользоваться приглашением.

— Лучше всего приходите ночью,— шепнула мне Продавщица.— Услышите много интересного: вещи сами будут рассказывать о себе. Совсем как в сказке. Я буду провожать вас и все покажу.

ЖИВАЯ АКУЛЯ

— Ходите тише, не топайте ногами,— сказала мне Продавщица,— хорошие вещи безмятежно спят. Они спокойны: завтра их купят, и они начнут служить людям. Они уверены в своей судьбе. Бессонница мучает тех, что лежат за кулисами — на складах, в кладовых, в подвалах.

— И мы пойдем туда?

— Обязательно.

Она осторожно открыла дверь, и мы вошли в большое складское помещение. Сначала послышались тяжелые вздохи, потом чья-то речь:

— Нас забраковали и отвезут обратно на Люблинскую швейную фабрику № 27. До чего же нас там изуродовали! Сколько извели хорошего материала! Ведь нас целая тысяча!

— Слышите? — зашептала Продавщица.— Это брюки беседуют с пиджаками.

— И нас забраковали, двести штук,— отозвались пиджаки.— Теперь вернут Юдинской швейной фабрике, которая произвела нас уродцами на свет божий. Все вместе мы стоим дорого: почти пять тысяч рублей.

— Мы еще дороже: почти пятнадцать тысяч. У нас искривлены манжеты, не на месте пришиты пуговицы, укорочены пояса. Стыдно в глаза смотреть покупателям.

— А нам, думаете, не стыдно? Выглядим мы ужасно: левый борт длиннее правого, на спине лишняя подкладка. Кому мы нужны такие?

— Конечно, судьба ваша, товарищи пиджаки, не легче нашей: и у нас и у вас одна дорога — обратно к бракоделам! Но мы, брюки, утешаемся тем, что наша Люблинская швейная фабрика еще не самая худшая. Знаете, кто ее опередил? Бабушкинская экспериментально-техническая фабрика! Подумайте только, она называется экспериментально-технической! Ей возвратили обратно почти две с половиной тысячи брюк! Вы слышите, сколько?

— Слышим, слышим! — со вздохом ответили пиджаки.

— Плохо не только вам,— раздался тонкий голосок,— и нашей сестре не сладко. Мы платья с Первой швейной фабрики, и нас тоже двести штук. Вы знаете, что с нами сделали? Стыдно сказать: по талии нет застежки, спинка перекошена, нитки не в цвет материи, петли обработаны так небрежно, что смотреть противно...

На мгновение стало тихо. Потом снова раздался глубокий вздох, и уже другой голос произнес:

— Мы можайские, со швейной фабрики «1-е Мая». Нас ничем не удивите. Мы уже все испытали. Только и знаем, что катаемся из Можайска в Москву и из Москвы обратно в Можайск. Мы слышали, как товаровед говорил, что каждый месяц нашей фабрике возвращается брак для переделки, и какие-то цифры называл...

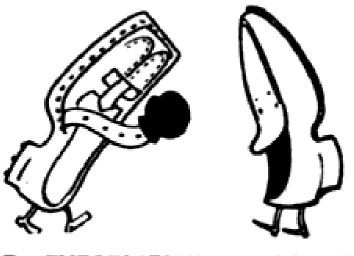
Да, можайская Акуля шьет явно не оттуля, а потом порет. А цифры? Вот они: возвращено 196 костюмов, потом 88, за ними еще 97, прибавьте к ним 49 да плюс еще 23 костюма. В сентябре прошлого года, когда спрос на костюмы особенно велик, фабрике вернули еще 96. Ну разве разберутся в такой арифметике костюмы? Они ведь школ не кончали.

— А как ваши дела, демисезонные пальто из Белоомута? — осведомились любопытные пиджаки.

— Наша Белоомутская швейная фабрика,— раздался густой бас,— оказалась предусмотрительнее всех других: она держит Акулю постоянно в Москве. Когда из Москвы дают в Белоомут телеграмму, что-де товар фабрики забракован, из Белоомута шлют депешу постоянному московскому полпреду: поезжайте, мол, в такой-то магазин пороть и исправлять. Фамилия этого полпреда, или Акули в штанах, Мастрюков. Он юлой носится по столичным универмагам, порет и исправляет то, что в Белоомуте шили не оттуля...

— Здорово придумали! А наша можайская Акуля, как челнок на станке, туда-сюда бегает...

Брюки, пальто, костюмы и платья разом тяжело вздохнули. Мы тихо вышли из склада. Продавщица закрыла дверь на замок.

БОЯ ТУПОРЫЛЫХ С ОСТРОНОСЫМИ

Мы снова погрузились в ночную тишину. Ни шороха, ни звука. На прилавках, в витринах и шкафах царил мир и покой.

Однако все изменилось, когда мы приблизились к обувному складу. Из-за закрытой двери доносились крики, шум, возня.

— Тише! — властно сказала Продавщица, переступая порог.— Не все сразу! Чего вы ругаетесь?

— Эти тупорылые не дают нам ходу. А покупатель требует нас, остроносых, это теперь модно!

— Да, мы тупорылые, мы устарели, но разве мы виноваты? Нас производят, и мы появляемся на свет...

— Не говорите все сразу,— оборвала Продавщица.— Давайте по очереди. Говорите вы, мужские сандалеты: чем недовольны?

— Мы-то всем довольны, зато покупатель нами недоволен.

— Кто вы такие?

— Мужские сандалеты, артикул «7900 ц/и», что означает цветные, из свиной кожи. Буквой «и» обувщики почему-то называют свинью. Нас производит «Парижская коммуна» — большая и хорошая фабрика. Но никто не хочет покупать. Говорят, что мы устарели. Это вер-

театр

По-иному понимают свои задачи в московском кинотеатре «Пионер». Правда, здесь тоже не чураются игр, но у ребят есть между сеансами и другие занятия. Вот, например, однажды к ним пришли в гости моряки из Севморпути и рассказали о жизни советских ученых на полярных станциях. Инженеры с завода имени Лихачева рассказывали, каким будет автомобиль будущего...

Постепенно организовался клуб «Хочу все знать!». Сюда нашли дорогу летчики, танкисты, бывшие партизаны, старые большевики, лекторы из планетария, спортсмены, юные натуралисты, охотники, создатели новых игрушек, даже работники зоопарка вместе со своими питомцами!..

Стали появляться и деятели кино. Артисты, режиссеры — создатели фильмов раскрывали ребятам «тайны» кино, говорили о своих замыслах, спрашивали у детей, что им нравится.

Небольшие беседы о кино начала проводить и массовик Клавдия Федоровна Адырхаева. Она объясняла ребятам, что такое режиссер, оператор, какое значение имеет музыка в кино.

Если фильм не новый (а новое в детских кинотеатрах — увы! — большая редкость: раз по восемь в году «крутят» одно и то же), Клавдия Федоровна выясняет, кто из зрителей пришел смотреть картину вторично. Что в ней понравилось? О чем этот фильм? Если экранизация,— то по какому произведению? Кто его автор? Читали ли ребята книгу, положенную в основу сценария?..

Фильм «Мари-Октябрь» дал основание для рассказа о Франции, о борцах Сопротивления; «Северная радуга» — о Грибоедове, «Марья-искусница» — о народной сказке...

Хорошо, не правда ли?.. И как жаль, что опыт кинотеатра «Пионер» не выходит за его пределы.

Тимуру не компания!

Но работники кинотеатра «Пионер» отнюдь не в радужных красках рисуют свою работу. С первых дней существования кинотеатра они не могут заниматься своим главным делом — показывать ребятам хорошие детские фильмы. Озабочено ли Министерство культуры отсутствием таких фильмов на экранах? Очевидно, не очень! А работники кинотеатра «Пионер» — очень!

Детские кинотеатры заполнены бесчисленными детективами и «шпионскими» фильмами. Тут и инсценировка пресловутого романа «И один в поле воин». Тут «Тень у пирса», «Операция «Кобра», «Конец пути», «Тайна шифра», «Следы остаются» и им подобные. Смотреть их, да еще в большом количестве, просто вредно детям. Ведь сняты-то они не для детей, без учета детской психологии. А потому зачастую пробуждают не «чувства добрые», а грубость.

— Хотите убедиться?

Адырхаева подзывает четырех ребят из тех, что сидят в фойе в ожидании сеанса. Знакомимся.

Вероятно, Яша и сам не заметил, как, увлекшись беседой, стал горячо описывать захвативший его сюжет «Адских водителей»...

О схватках, драках в других фильмах взахлеб повествовали Володя, Саша и Борис. Они вспоминали, как кто-то кого-то ударил кулаком под печень, какой ловкий применил герой фильма прием, натолкнувшись на превосходящие силы противника...

— Теперь понимаете, в чем наша беда? — печально сказала Клавдия Федоровна.— Ребятам, конечно, нравятся люди волевые, смелые. Их восхищает отвага, мужество, находчивость, подвиги. Но героику они зачастую не отличают от лихости, подделку — от подлинного!

Нельзя дальше мириться с тем, что стремление привить ребенку любовь к прекрасному, доброту, гуманность и другие высокие моральные качества сводится на нет из-за отсутствия детских фильмов!

В Советском Союзе 150 детских кинотеатров и около тысячи школьных филиалов; в бесчисленных Дворцах культуры, в клубах организуются детские сеансы. Но прежде всего должны быть хорошие детские фильмы — новые и в большом количестве.

Самое их появление изменит и практику кинообслуживания детей.

Калининский кинотеатр «Заря». Школьники Володя Корень и Зина Троицкая на детском сеансе работают киномеханиками.
Фото Д. Ухтомского.

лисами ермага

но, конечно. Вид у нас древний: грубые, широконосые и малосимпатичные. Лето мы зря пролежали на полках, а теперь нас бросили сюда. Нас больше пяти тысяч пар. Подумайте только, что ждет нас дальше! Неужели вся наша жизнь пройдет в этом темном и душном складе?

— Вас, конечно, больше не будут производить, ваше место на полках займет молодой и модный фасон.

— В том-то и беда, что нас продолжают выпускать сотнями пар в день и зимой и летом.

— И нас тоже! Запишите, пожалуйста: мы женские босоножки. Делает нас каунасская фабрика «Раудонасис спалис». Наш артикул «М 8446». Возьмите нас в руки. Видите, какие мы страшные. Блеклый цвет кожи и рыжая подкладка. Покупатели отворачиваются от нас. Товароведы готовятся отправить нас обратно, а из Каунаса все едут и едут наши сестры.

— Не слушайте вы этих приезжих! — раздался визгливый голос.— Послушайте нас. Мы столичные танкетки со Второй московской модельной фабрики. Наше положение еще хуже. Нас уже выпускают с десяток лет подряд. Подумайте только: десяток лет! Мы дряхлы и стары. Нас презрительно называют лаптями. Разве за десятилетие ничего не изменилось в модах на женскую обувь? Почему же руководители фабрики не хотят этого понять?

— Надо жаловаться начальству! — сказала Продавщица.

— Товароведы уже написали об этом. А начальство отписалось: «За отсутствием свободных ресурсов в 4-м квартале с/г туфли модельные к/к (на клиновидном каблуке) к/п (на кожаной подошве) заменить моделью женской на в/к (на высоком каблуке), с/к (на среднем каблуке) и н/к (на низком каблуке) не представляется возможным». Язык-то какой! Такой же тупой, как и наши танкетные носы...

— Да, печально!..

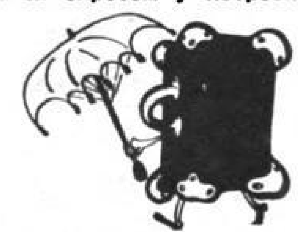
— Нас уже скопилось десять тысяч...

— Послушайте теперь меня,— раздался певучий голос.— Видите, как я красива и изящна. Полюбуйтесь моим тонким каблучком. Правда, хорош? Я пользуюсь у женщин большим успехом. Меня производит Третья московская модельная фабрика. Я о себе не беспокоюсь: завтра же меня купят, и я украшу чью-то ножку, буду ходить в театр, в гости и приносить радость моей владелице.

— Это очень хорошо!

— Но нас мало. Московские модельные фабрики производят изящных, остроносых туфель гораздо меньше, чем тупорылых. А сюда я попала случайно...

Я огляделся вокруг. Склад заполнен коробками. Все это устарелая, неходовая обувь, не пользующаяся спросом у потребителей.

ДЕДУШКИНЫ И БАБУШКИНЫ...

В эту кладовую мы втиснулись с трудом, она набита сверху донизу. В темноте трудно разобрать, что это возвышается от пола до потолка — нечто темное, громоздкое, тяжелое.

— Кто вы? — спросила Продавщица, вглядываясь в тьму.

— Мы дедушкины чемоданы, разве вы не узнаете? — проскрипел старческий голос.— На нас, конечно, неприятно смотреть. Нас ругают, но покупают. И даже платят за нас деньги. Ох, как это несправедливо!

— Откуда вы родом?

— Нас производит фабрика «Кожизделий» Московского городского совнархоза. Даже рабочие этой фабрики смеются над нами. Это они прозвали нас дедушкиными чемоданами. Мы неуклюжие, все одного цвета — то ли грязно-коричневого, то ли серо-буро-малинового. А посмотрите на наши замки: право же, при дедушках они были красивее...

— И много вас?

— Один ГУМ получил более пятидесяти тысяч таких близнецов!

— Значит, это большая фабрика?

— Еще бы! Очень большая. Самая крупная не только в нашей стране, но и во всей Европе.

— О-о!

— Она выпускает продукции на несколько десятков миллионов рублей в год. Там делают самые разнообразные вещи. Среди них немало очень красивых и полезных людям. А чемоданы дедовские. Вот что особенно обидно.

— Что ж, там не научились делать изящные чемоданы?

— Что вы?! Если вам придется попасть на нашу фабрику, забегите в комнату, где выставлены образцы. Вы увидите действительно красивые чемоданы. Прямо загляденье!

— И их не выпускают?

— Нет. Делают только нас. А образцы охотно показывают гостям. Смотрите, мол, какие мы хорошие! Правда, давно, еще во время фестиваля, фабрика выпустила несколько сот чемоданов новейшего фасона. Но, когда окончился фестиваль, их сняли с производства. Зачем, мол, нам возиться с новыми, когда и дедушкины покупают?

— Неужели так и говорили?

— И так говорили и не так. На отсутствие сырья ссылались. Какой-то вал упоминали. Будто это на вале отражается. Мы, чемоданы, да еще дедушкины,— нам это непонятно...

— И нас надо омолодить, и нас! — провизжал кто-то с другого угла кладовой.— Мы дорожные сумки. Нас делают на той же, крупнейшей в Европе фабрике «Кожизделий». Мы годами лежим на складах, такие мы некрасивые, аляповатые, неуклюжие. Потом нас уценяют из года в год и кое-как сбывают с рук. А фабрика все продолжает нас производить.

— Да, невеселая у вас жизнь...

— Помогите и нам! — раздался шамкающий, дребезжащий голосок.— Говорят, что нам уже чуть ли не пятьдесят лет. Если нас не омолодят, мы можем умереть, и тогда люди останутся вообще без зонтов...

— Значит, вы зонты?

— Да, бабушкины или даже прабабушкины. И от дождя и от солнца. Нам дали красивое имя «Глория» — так называют ткань, которой мы обтянуты. Но от этого мы не стали красивее. Кургузые, всем надоевшие.

— Кто же вас делает?

— Стыдно сказать: фабрика наша находится почему-то в ведении управления металлообрабатывающей (!) промышленности Мосгорисполкома. Видно, им не до зонтов, над ними не каплет...

— Чего же вы хотите?

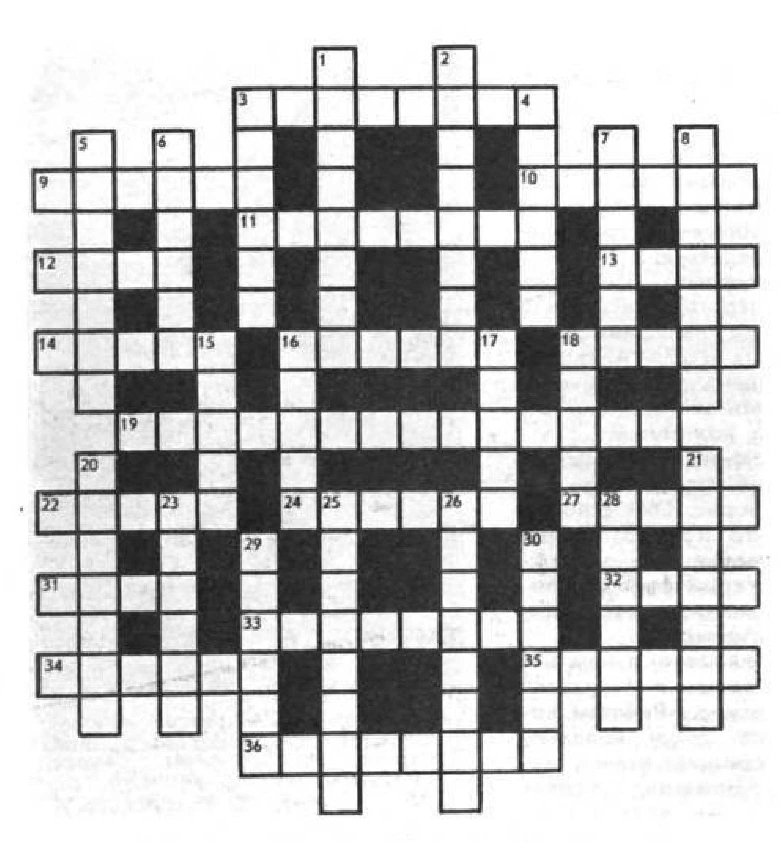
— Мы тоже хотим стать современными, модными. Знаете, такими длинными, тонкими, изящными, с красивой ручкой, чехлом «на молнии». Или складными, это тоже удобно. Спрос на такие зонты очень велик. А нас, старушек, покупают по нужде: дождь-то идет...

— Складные — это хорошо, конечно,— заметила Продавщица,— кто не мечтает о них?! Они, правда, как-то продавались в нашем ГУМе.

— Да, это наш завод выпустил по какому-то торжественному поводу несколько сот складных зонтов. Очень хороших. И мы уже радовались, что нас омолодят. Но торжество прошло, рапорт был отослан, и, вероятно, премии выплачены, и тогда новинку сняли с производства...

Внезапно зонты распахнулись, и по ткани «Глория» забарабанили крупные капли: это плакали бабушкины сумки и дедушкины чемоданы. Им так хотелось быть молодыми!

...Мы вышли на торговую улицу. За прилавками появились первые служащие. Через стеклянную крышу пробивался слабый свет. Кулисы универмага были позади...

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Столица латиноамериканского государства. 9. Синтетическое волокно. 10. Взрывчатое вещество. 11. Кровельный материал. 12. Несгораемый шкаф. 13. Автор оперы «Фра-Дьяволо». 14. Пожарный рукав. 16. Места в зрительном зале. 18. Ткань. 19. Измерительный прибор. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Атмосферное явление. 27. Драгоценный камень. 31. Река во Франции. 32. Чертеж местности, здания. 33. Шаблон. 34. Гимнастический снаряд. 35. Порт на Енисее. 36. Учение о звуке.

По вертикали:

1. Танцовщица. 2. Водяная птица. 3. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 4. Дипломатический ранг. 5. Музыкальный ансамбль. 6. Сосуд для жидкости. 7. Только что выпавший снег. 8. Чертежная принадлежность. 15. Раздел текста, рубрика. 16. Небольшой холм. 17. Ластоногое животное. 18. Верхняя рубаха. 20. Кавказский музыкальный инструмент. 21. Туристский инвентарь. 23. Домашнее животное. 25. Искусственный водоем для рыб. 26. Химическая реакция. 28. Французский астроном XVIII — XIX веков. 29. Горный массив в Болгарии. 30. Рыболовный сезон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

5. Ленинабад. 8. Подкова. 9. Атласов. 12. Пастернак. 15. Паровоз. 16. Масштаб. 17. Стояк. 19. Роза. 20. Анод. 21. Домоводство. 22. Анис. 24. Кюсю. 25. Проня. 26. Оценщик. 28. Алфавит. 29. Котловина. 30. Гимнаст. 32. «Виринея». 33. Подлинник.

По вертикали:

1. Керогаз. 2. Лира. 3. Фара. 4. Варлаам. 6. Ковшова. 7. «Золушка». 10. Белобородов. 11. «Работница». 12. Подборщик. 13. Каравелла. 14. Садовские. 17. «Столп». 18. Кисея. 23. Сандрик. 24. Краевед. 27. Комаров. 28. Анероид. 31. Таль. 32. Вона.

На первой странице обложки: Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда Александр Григорьевич Бузницкий — председатель колхоза имени Жданова в Киевской области.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Ранней весной.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

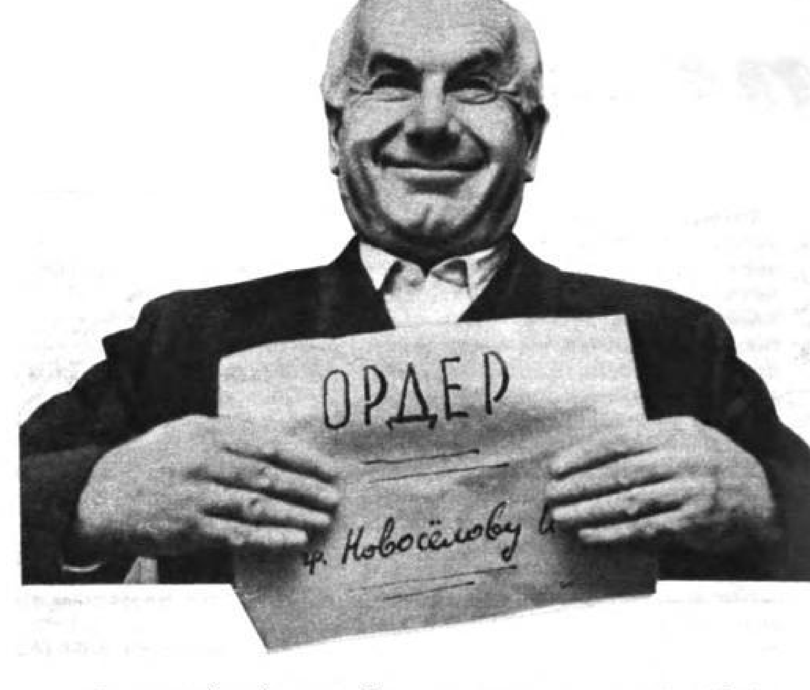
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-46; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00434. Подписано к печати 7/III 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1191. Заказ № 602.

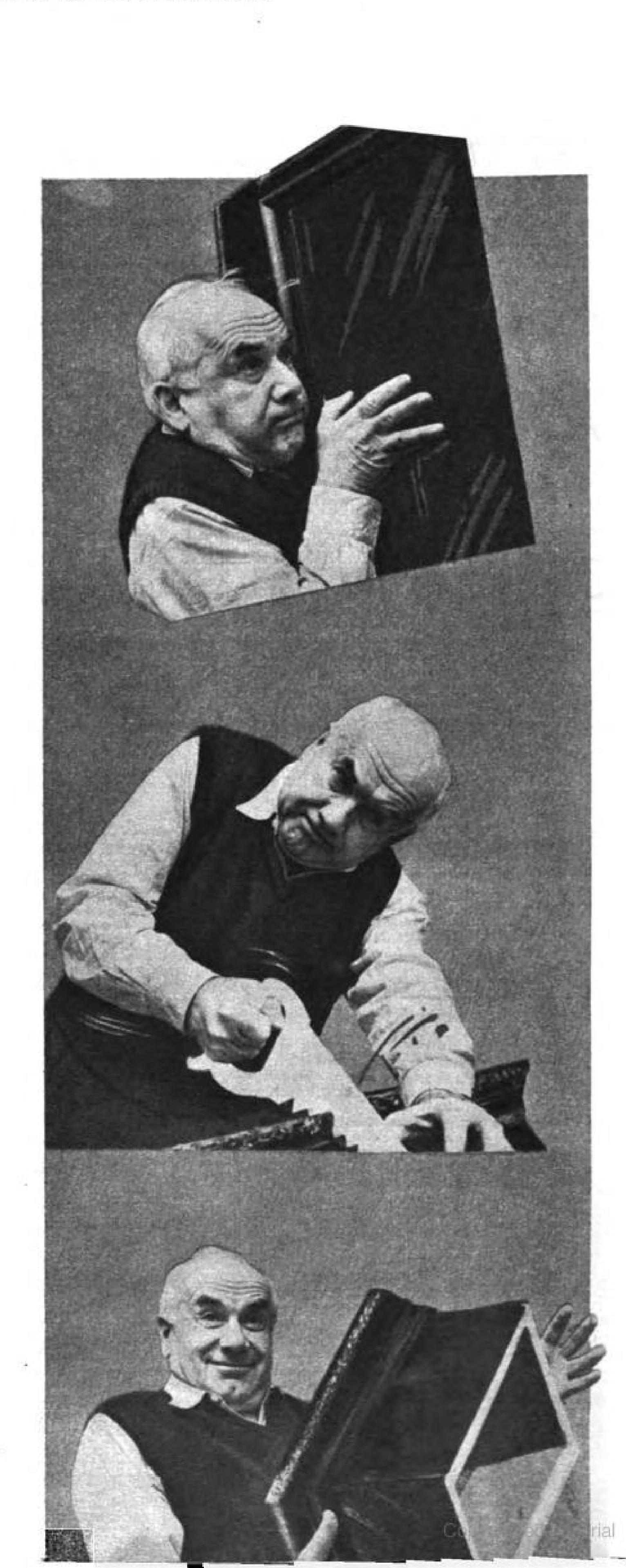
Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТМО ФИЗКУЛЬТУРНИК ПОНЕВОЛЕ ТМО

ТЕАТР МИНИАТЮР «ОГОНЬКА»

— Счастливейший день! Получил квартиру в новом доме... Хотелось хлопать в ладоши и прыгать! Но... пришлось заняться совсем другой **физкультурой.**

Редакция «Огонька» получает письма от новоселов. Они делятся своей радостью. Но тут же сообщают о досадных недоделках, омрачающих их хорошее настроение.

«Мы получили квартиру из двух комнат в городе Кандалакше,— пишет семья рабочих Евдокимовых.— Но когда нам дали ключи и мы осмотрели квартиру, настроение сразу упало: штукатурка стен и потолка потрескалась и местами отвалилась. Двери или не открываются, или имеют щели от пяти до десяти миллиметров. Полы перекошены и тоже в щелях. Нет крана в кухне и обломан душ в ванной. Вскоре с потолка стали отваливаться целые куски штукатурки...»

Этой волнующей теме посвятил свою новую программу Театр миниатюр «Огонька». В роли новосела — народный артист СССР ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ.

В постановке принимали участие И. Абрамский, Ю. Кривоносов, М. Ушац.

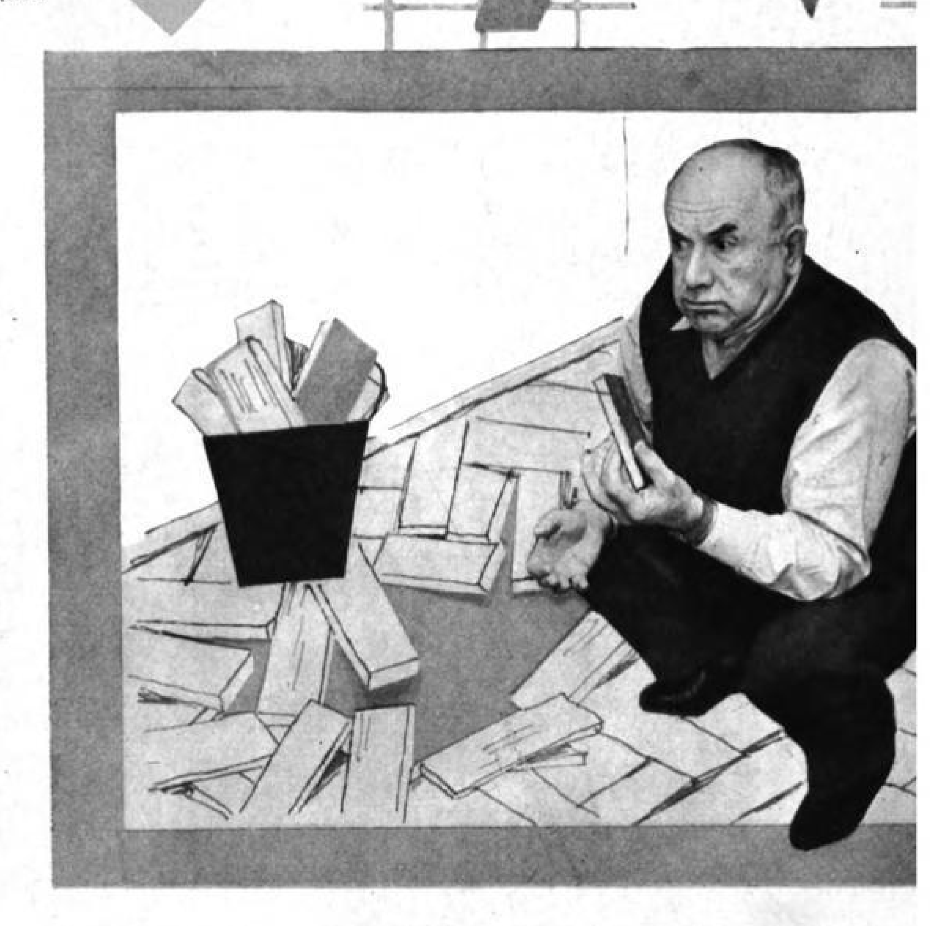
Итак, рассказывает гражданин Новоселов.

Первое упражнение: разведение рук в стороны и поднимание бровей. В самом деле, зачем было заколачивать парадный подъезд?

Классический жим. Не так-то просто без тренировки выдержать новоселье у соседей.

Приседания... Их приходится выполнять по нескольку раз в день.

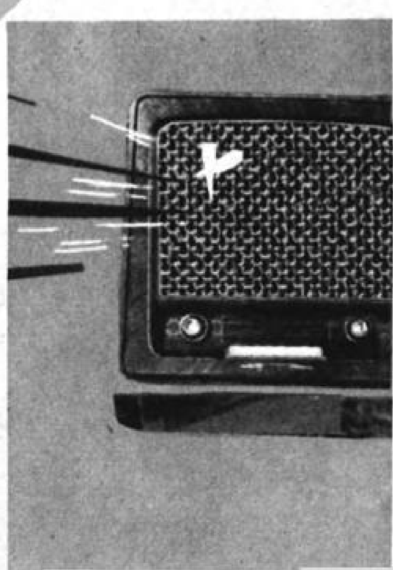

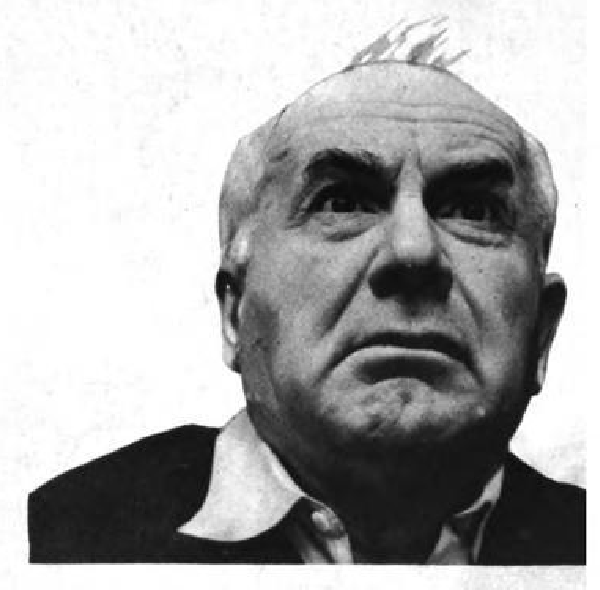
В тот же вечер я впервые проделал силовое упражнение. С тех пор я выполняю его регулярно со все возрастающей нагрузкой.

Потом я провел упражнение с предметами. Мой дорогой шкаф! Пришлось пустить в ход пилу. Что оставалось делать, если бедняга целиком никак не мог пролезть через коридор, узкий, как брюки тунеядца...

«Следующее упражнение: сжимание рук в кулаки!» — гремит радио в смежной квартире. Я с-ж-и-м-а-ю!!! И посылаю мысленно к черту и соседа, и его идиотский приемник, и заодно конструктора этих звукодушераздирающих перегородок!

Вот почему я такой бодрый и жизнерадостный!..

Цена номера 30 коп.